

МСТИСЛАВА ЧЕРНАЯ

ФАЛЬШІВКУ
ДЛЯ ТЁМНОГО
МАГА

Annotation

Угроздило родиться похожей на дочь богатого помещика? Жди — когда девушка погибнет, тебя выдернут в другой мир, чтобы обманом заполучить наследство, а нелюдимый хозяин соседнего владения только добавит тебе проблем. Но, возможно, выпутываться из клубка интриг и тайн следует... с любовью?

- [Мстислава Чёрная](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Эпилог](#)
-

Мстислава Чёрная

Фальшивка для тёмного мага

Глава 1

Узнать, что подруга забрала твоё свидание — лучшее завершение и без того паршивого дня.

Захлопнув крышку ноутбука, я на миг закрываю глаза, но фото так и стоит перед внутренним взглядом, отказывается исчезать. Конопатая Солнышко-Света и рыжеволосый огненный Миша улыбаются в камеру на фоне сине-фиолетового интерьера “Либерона”.

Обидно, но с моим невезением чего-то подобного и следовало ожидать.

Добряк с ростом баскетболиста и потрясающим чувством юмора со дня знакомства понравился и мне, и Светлане, но вчера именно меня Миша пригласил посидеть в кафе. Я ожидала, что Миша предложит начать встречаться, летела на свидание как на крыльях.

Мой взлёт оборвал звонок:

— Яна, папе снова отказали в приёме на работу и он... наглотался таблеток. Выпил целую горсть! — истерично выкрикнула мама в трубку и сбросила.

Естественно, я извинилась перед Мишей и помчалась домой, чтобы узнать, что, когда мама мне звонила, фельдшер со скорой уже благополучно закончил промывать папе желудок, и таблеток тех было не сто, как нарисовало моё перепуганное воображение, а всего пять чуть ли не безобидных витаминок. Угрозы жизни изначально не было.

Сейчас папа спит, уютно укрытый старым, ещё советским, пледом. Мама ставит передо мной чай, и я замечаю, что чашка почему-то старая, треснувшая, хотя неделю назад я привезла новый сервиз.

— Ты позвонила, когда всё разрешилось, — не выдерживаю я. — Почему ты не сказала, что папа в порядке?

Она будто нарочно подгадала момент, когда Миша помогал мне устроиться за столиком. Почему она не позвонила сразу после того, как вызвала скорую? Почему не позже, после того, как проводила фельдшера?

Миша отнёсся к моей беде с пониманием, я уехала, а на моём месте чудесным образом оказалась Света...

— Яна, ты не волнуешься за папу? — упрекает мама и смотрит на меня влажными глазами, будто вот-вот заплачет.

Рядом с ней я словно черствею и покрываюсь коркой льда. Потому что плакать должен кто-то один.

Я волнуюсь, очень волнуюсь.

А папа за меня? Что я почувствовала, услышав про таблетки? Отказ в работе ничто, не стоит ни нервов, ни, тем более, жизни. Разве я отказывала в помощи?

— Надо что-то менять, — качаю я головой.

У меня такое чувство, будто мою жизнь засасывает чёрная дыра безнадёги.

Пора проснуться.

— Яна, что бы мы без тебя делали, — примиряюще улыбается мама, но мне впервые трудно принять её слова. Хей, разве вы не взрослые люди в самом расцвете лет? Почему вы возложили ответственность за благополучие семьи на меня одну?

Отвернувшись, я открываю ноутбук. Мысли мыслями, а работа сама себя не сделает.

С экрана по-прежнему улыбаются Света и Миша.

Кажется, мама собирается сказать что-то ещё, но не успевает.

Из спальни родителей раздаётся душераздирающий, полный ужаса крик, причём папе вторит Лизи, моя младшая сестрёнка. Я вскакиваю, стул с грохотом опрокидывается, буквально разваливается. Я ногой отбрасываю спинку и первой бегу на крик. Неужели он что-то сделал на глазах у мелкой?! Вот за это точно не прощу. Я сама не понимаю, как оказываюсь в соседней комнате. Мама влетает следом. Её ладони оказываются на моих плечах, она будто прячется за мной, как за щитом.

То, что я вижу...

Галлюцинации коллективными бывают?

Потолок будто выдавили в комнату, он разбух, вспучился, посерел, превратился в грязную тучу, в недрах которой зарождается смерч. Бесформенная воронка крутится всё быстрее, обретает контуры, и из образовавшейся прорехи выпадают серые щупальца. Толстые жгуты неуклюже шарят по полу, по комнате расползается сероводородная вонь.

Не знаю, что это и знать не хочу. Уйти и позвать помощь — самое правильное решение.

— На выход! — командую я и подталкиваю маму к двери.

Папа больше не кричит, он молча таращится в потолок безумными глазами, на мои слова никак не реагирует.

Одно из щупалец — тонкое, гибкое, — целенаправленно ползёт к Лизи.

Я пытаюсь оттолкнуть сестру, и щупальце ударяет в грудь меня. Запах усиливается, серое марево застилает обзор, я будто в густом тумане оказываюсь. Боли нет, мне только холодно и очень страшно, потому что туман давит, и я не сразу понимаю, что щупальце никуда не исчезло, наоборот, оно стягивает руки-ноги, превращая меня в спелёнутую в коконе гусеницу. Я тщетно пытаюсь вырваться, мне нечем дышать. То ли в глазах темнеет, то ли напавшая на меня серость наливается чернотой.

Не остаётся ничего, кроме холода. Зрение окончательно отказывает.

И во мраке я слышу голос Лизи, сестрёнка зовёт меня, но как-то странно:

— Янри, просыпайся! Янри!

Кто-то хлопает меня по щеке, давление исчезло, но веки свинцовые.

— Сколько можно? — раздаётся незнакомый голос, сочащийся брезгливым презрением. Таким тоном не с людьми разговаривать, а у клопа спрашивать, как он заполз в твою постель.

Открыть глаза никак не получается.

— Простите, госпожа, — лепечет мама.

Не понимаю...

Я помню серую пелену. Мне стало плохо, и мама вызвала врача? Но почему “госпожа”?

— Просто переоденьте её и положите в экипаж!

Удаляющиеся шаги, мамин вздох и тихий голос сестрёнки.

Да что происходит-то?!

Испуг придаёт сил. Я резко сажусь и тотчас заваливаюсь, голова идёт кругом, к горлу подкатывает тошнота, но от прежней слабости, не позволявшей и пальцем двинуть, я избавилась.

— Янри! — радостно восклицает мама.

— Янри, — вторит Лизи и щекой прижимается к моей макушке.

Проморгавшись, я осматриваюсь. Потолок, стены, пол — всё дощатое. Дерево потемнело от времени, кое-где из досок выпали сучки, и образовались похожие на пустые глазницы дыры.

Окошко крошечное и закрыто бумагой, штор нет.

Не знаю, на чём я лежу. Жёстко, неудобно, на кровать не похоже.

Мама сидит на самом настоящем сундуке. И одета она почему-то в чёрно-коричневое, застиранное платье с неопрятными заплатами на подоле. Плечи укрывает серо-бурая косынка, волосы стянуты в невесть откуда взявшуюся косу. Мама же носит каре, волосы не могут отрасти в мгновение. Парик?

— Янри, госпожа Черис велела поторопиться, — плачущие нотки не изменились.

— Где я?

— Дома-а-а, — у мамы мой вопрос вызывает полнейшее недоумение.

Её не смущает обстановка?

Это розыгрыш? Но шутка совершенно не в стиле моей семьи.

Для галлюцинаций... слишком. Слишком реалистично, врут все: и глаза, и нос, и пальцы.

Второй раз подняться получается лучше, головокружение ещё беспокоит, но я, опираясь на Лизи, добираюсь до окна, поднимаю лист. Некачественная бумага рвётся, но я не обращаю внимания.

Вид открывается как из полуподвала, мостовая почти вровень с окном. На противоположной стороне теснятся одноэтажные развалюхи. Подозреваю, мы в такой же халупе. Декорации масштабные...

Или не декорации?

Над дорогой зависло чёрное яйцо, размером не уступающее домикам. Половинка "скорлупы" поднята на манер крыла божьей коровки. Видно нутро яйца — на сиденье, закинув ногу на ногу, расположилась незнакомая дама и нетерпеливо покачивает мыском.

— Где я? — повторяю я.

— Янри, не пугай, пожалуйста. Что с тобой? Ты должна переодеться как можно скорее.

Хм?

На мне платье мало отличающееся от маминого. Такая же линиялая дрань. На смену бежевое с чудесным отложным воротником и тонким белым поясом.

— Кто такая Черис? И... где папа? С ним всё в порядке?

— Папа ждёт, когда ты переоденешься, — отвечает Лизи. Я с удовольствием провожу по её шёлковым волосам и с лёгким неудовольствием замечаю, что пора бы вспомнить про шампунь.

— Янри, госпожа Черис, — строго поправляет мама, застёгивая на спине многочисленные бусины-пуговицы, тянущиеся аж в два ряда. Самой с таким платьем не справиться.

Но лучше оно, чем ходить, замотавшись в тряпку.

— Ма-ам?

— Тебя так сильно оглушило клятвой, да? Дочка, постарайся, ты должна быть очень вежливой с госпожой Черис.

— Клятвой?!

Что за чушь?!

— Госпожа Черис купила тебя, — бесхитростно поясняет Лизи. — Госпожа дала папе тридцать дьяр, и теперь ты поедешь с ней, будешь жить в большом доме, — про дом Лизи рассказывает с мечтательной завистью.

— Купила? — я оборачиваюсь к маме, но мама прячет взгляд, пожимает плечами и, наконец, сдавшись, кивает.

— Ещё минута ожидания, — доносится до меня голос госпожи Черис, — и в следующем месяце вы от меня ни дьяра не получите!

Мама испуганно вздрагивает:

— Дочка, поторопись.

Я. Не. Понимаю.

В одном уверена — ни родители, ни Лизи не играют.

— Мы были в Москве, — всё же пробую я разобраться.

Сестрёнка пропускает вопрос мимо ушей, с восторгом рассматривает моё платье и украдкой пытается потрогать пуговицы, но мама шлёпает её по руке, и Лизи послушно прячет ладошки за спину, но интереса к платью не теряет.

Папа неловко улыбается:

— Янри, прости, где мы были? Ты о чём?

— К тебе приезжал врач...

— Дочка, ты о чём? Как врач мог сюда приехать? — смеётся он. — Это только для богатых. Будем надеяться, что твой прекрасный сон сбудется.

Хах, я бы не назвала визит врача прекрасным сном. Разве приезд скорой не означает, что ты серьёзно болен? Но для папы, кажется, ничего кроме денег не имеет значения, он счастливо поглаживает висящий на поясе кошелёк.

Я невольно оглядываюсь — вид откровенный нищеты вымораживает. И прямо сейчас единственное, что я могу сделать — это послушно сесть в экипаж госпожи Черис, потому что в халупе-развалюхе я ответов на свои вопросы не найду. Единственный человек, который может рассказать мне про клятву, моя новая хозяйка.

В голове не укладывается...

— Береги себя, Янри! — Лизи хочет меня обнять, но мама останавливает. Из-за платья.

— Ты тоже, — улыбаюсь я.

Для родителей у меня никак не получается подобрать слова прощания. Дверь-крылышко плавно опускается, и мама с папой машут совсем как в детстве, только тогда они провожали меня с балкона третьего этажа, а сейчас от порога сарая.

Внутри яичного экипажа сумрачно, окон то ли нет, то ли они хитро закрываются.

Ход плавный, едва ощутимый, похоже на скольжение скоростного лифта.

Салон, если определять на ощупь, обтянут материалом, похожим на велюр. Сиденья невероятно удобные, напоминают мягкие кресла. Откидной столик убран. В воздухе витает едва уловимый аромат сандала.

Я перевожу взгляд на госпожу Черис. Фигуристая блондинка с круглым лицом и полными руками, пальцы унизаны кольцами, а вот с другими украшениями перебора нет — на шее тонкая цепочка с кулоном-висюлькой, скромные серёжки и брошь в виде цветка. Выражение лица портят поджатые, словно съеденные, губы.

Кажется, дама всем своим видом показывает, что мне не следует её беспокоить, но, когда не знаешь — спрашивай:

— Госпожа Черис, в экипаже нет... окон?

Спросить стоило хотя бы ради выражения её лица. Беднягу перекосило. Даже интерес проснулся — а её не заклинит с козьей мордой?

Я смотрю прямо и старательно давлю из себя дружелюбную улыбку.

Молчание затягивается.

Видимо, удостоверившись, что взглядом меня не пронять, она нехотя цедит:

— Глазеть на улицу бескультурно.

Если честно, она не похожа на высококультурную, скорее на напыщенную фифу с раздутым самодовольствием, но это её проблемы, не мои. А раз нельзя смотреть на улицу, буду разглядывать госпожу Черис. Больше-то некого.

Продолжать спрашивать или не нагнеть? Трудно принять решение вслепую.

— Честно говоря, я ничего не помню. Родители упомянули клятву и сказали, что я должна поехать с вами, госпожа.

— Что за чушь ты придумала?

— Госпожа Черис, я действительно ничего не помню, — про родной мир я предусмотрительно умалчиваю.

Она обливает меня очередной порцией презрения, но всё же прислушивается к моим словам:

— Не врешь? У клятвы могут быть самые разные побочные эффекты... Чем глупее голова, тем громче звон? Хм-хм, забавно. Что же, повторяю, потрудись запомнить. Три недели назад погибла семья моей сестры, а ты внешне очень похожа на её дочь. Отныне, девочка, ты моя драгоценная племянница Льяна де Ривей, и мне нужно твоё наследство.

На последней фразе у госпожи Черис даже интонации меняются. Раздражение сменяется сладострастным предвкушением. Можно не сомневаться, дама трепетно и нежно обожает деньги. Наверное, в своём воображении она уже купается в золоте, как та утка из мультфильма.

Как тут не испортить даме настроение?

— Госпож Черис, — предельно серьёзно спрашиваю я, — должна ли я называть вас тётушкой?

Черис снова перекашивает, но тем не менее она отвечает:

— Да. На людях.

Хм...

Я всё ещё плохо понимаю, что происходит. Окружающий мир, ограниченный стенками “яйца” слишком реалистичен, не похож ни на галлюцинацию, ни на декорацию. Я... попала в другой мир? Зачитываясь подобными историями, я, если честно, иногда мечтала оказаться принцессой, но желание исполнилось, и я совсем не рада. Принцесса-то из меня получается фальшивая, да ещё и с багажом проблем.

Но это точно перерождение?

В голове не укладывается...

Зато с моим нынешним положением всё более-менее понятно — оно отвратительное, с какой стороны ни посмотри. Я не понимаю, как Черис собирается выдать меня за свою племянницу. Я не говорю об отпечатках пальцев и прочих способах идентификации, но ведь у девушки наверняка были друзья, просто знакомые. Я “посыплюсь” на первом же вопросе. Но гораздо больше меня смущает упоминание гибели семьи сестры. Это был несчастный случай или убийство? Мне начинать бояться за свою жизнь? Опять же, фактический шантаж благополучием семьи меня не радует, да и тридцать местных тугриков, название которых я ещё не запомнила, не выглядят щедрой платой. Больше не подачку похоже.

Экипаж останавливается, и дверь-крыло плавно поднимается.

Дорога заняла около часа?

— Идёшь со мной, изображаешь слабость после продолжительной болезни. Когда тебя спросят, скажешь, что хочешь, чтобы опеку отдали мне, как единственной близкой родственнице. Даже пустоголовая дурочка справится.

Кто тут дурочка большо-ой вопрос. Госпожа Черис понимает, что ни имён родителей, ни своего возраста не назову?

Дорожка из аккуратных квадратных плиток ведёт к круглому трёхэтажному зданию. Ряд изящных витых колонн поддерживает белоснежный купол. На ступенях лестницы выстроились ростовые скульптуры, судя по острым ушам, изображены эльфийки.

— Тётушка, — окликаю я бодро шагающую Черис, — я за вами не поспеваю и, поравнявшись, шёпотом уточняю. — Разве тётя, бросающая больную племянницу позади, не выглядит странно?

— Ты!

— Если я пойду быстро, никто не поверит, что я слаба и больна, — примиряюще объясняю я, повторяя улыбку и интонацию моей мамы.

На Черис действует. По крайней мере она больше не рычит и принаравливается к моему шагу.

Я замечаю, что она нервничает. Боится разоблачения? Или... отказа? Гадать можно бесконечно. Мы входим под гулкий свод.

Вестибюль отделан камнем, похожим на белый мрамор. Розовато-бежевые прожилки сплетаются в абстрактный узор. Дневной свет льётся через высокие, почти до потолка, окна. Нет ни мебели, ни вазонов с цветами, ни картин на стенах, и подчёркнутая пустота создаёт ощущение воздушной лёгкости. Куда именно мы пришли, по интерьеру не определить. Какое-то официальное учреждение? Храм? Интерьер я рассматриваю на ходу. Черис нетерпеливо тянет меня на второй этаж, сворачивает в ближайший коридор.

И застывает, словно налетает на невидимую стену.

На грани слышимости я улавливаю нечто, похожее на не самое приличное ругательство. Черис откровенно не рада встрече — напротив, скрестив руки на груди, стоит голубоглазый парень в чёрном. Выделяется только коричневый ремень и коричневый же ремешок часов. А ещё на шее парня очень крупный синий кристалл в серебряной оправе.

— Госпожа Льяна де Ривей, — приветствует он меня. — Наследница де Ривей.

Тон... враждебный.

Откровенно изучающий взгляд вызывает внутреннюю дрожь. Это взгляд хищника, и я невольно внутренне подбираюсь, отвечаю злым прищуром.

Как бы повела себя настоящая Льяна? Черис не удосужилась сказать и слова, а парень ведь назвал меня по имени — то есть, как минимум, он знаком с Льяной поверхностно, а, возможно, и весьма тесно. Вдруг, он её... бывший?

Проверка случилась даже раньше, чем я рассчитывала. Мы даже до цели не дошли. Черис пора бы вмешаться, нет? Но тётушка молчит, а игра в гляделки затягивается, парень кривит полные чётко очерченные губы.

Он первым отводит взгляд, но на поражение не похоже. Он проходится по моей фигуре с макушки до мысков новеньких с иголки туфелек. Неразношенный задник ужасно натирает...

— Господин де Мракай, — о, у Черис голос наконец-то прорезался, — прошу нас извинить.

— Госпожа Льяна, вы действительно надеетесь сохранить владение таким образом?

Каким? Я же ничего не знаю.

— Господин де Мракай, — мне удаётся повторить его... фамилию? — У вас есть возражения?

— Безусловно, я ваш противник, — он одаряет меня улыбкой и делает шаг в сторону, позволяя пройти.

Черис, хотя она и обратилась к нему напрямую, он демонстративно не заметил. И вывод напрашивается сам собой — он значительно выше её по статусу. Я хорошо запомнила, каким тоном Черис разговаривала с родителями, а перед ним чуть ли не хвостом виляет, прыгая на задних лапках.

Мы проходим, и она даже фырка себе не позволяет.

Его шаги стихают. Я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что он ушёл, но нет. Он остановился у лестницы, небрежно облокотился на перила и наблюдает за нами. И ухмыляется. Ещё один с раздутым самомнением...

Обернувшись, я совершила ошибку. Я резко отворачиваюсь, чем вызываю смех, и шёпотом уточняю:

— Он мог что-то заподозрить? Кто он вообще?

— Мерзавец! — выплёвывает Черис с неприкрытой ненавистью. — Возомнил, что тоже может претендовать на де Ривей!

Оу...

Я запуталась. Я думала, я выдаю себя за дочь погибшей семьи. Каким образом парень с другой фамилией может претендовать на наследство? Явно же, что не родственник. На ум приходит очевидный способ — через брак. Однако для жениха парень уж больно холоден.

— Кто он? — переспрашиваю я.

— Ариэль де Мракай, хозяин соседнего владения.

Сосед?

Хотелось бы подробностей, но Черис не спешит делиться.

— Всего лишь? — притворно удивляюсь я, подталкивая её к откровенности.

— На территории де Ривей расположен портал в город сильфов, и магия замыкается на владельца или управляющего. Ни на тебя, ни на меня замкнуть ключ нельзя. Оставлять портал без контроля тоже нельзя. Де Мракай идеальный кандидат на роль управляющего. Мне продолжать?! — Черис шипит, будто проблемы с порталом целиком и полностью моя вина.

— Простите, госпожа, но если никто не из нас не подходит, то на что вы рассчитываете?

Не может быть, что она заварила авантюру не продумав хотя бы на шаг вперёд? На кретинку Черис не похожа, хотя особенно умной она мне не показалась. Кто в здравом уме пойдёт на столь грандиозный подлог?

— Сколько-то времени у нас есть, слава бюрократии. Очаруй Премьера, получи поддержку хотя бы половины членов Совета...

Что-что?! Она это сейчас на полном серьёзе?!

Что значит “очаруй”? Как будто очаровать также легко, как обругать.

— А портал? — если я правильно поняла, его нельзя бросать без контроля.

— Вот и научись. Достаточно держать его закрытым.

Иными словами, Черис планирует затянуть спор о наследстве и под шумок выгрести всё, что можно и нельзя. Деньги осядут в её карманах, а порталом, так и быть, пусть подавится де Мракай.

Весёлая у меня перспектива.

За очередным поворотом оказывается открытая приёмная. Заваленный бумагами стол никем не занят, клерк стоит у окна и шумно дышит, зарывшись носом в растущий из горшка кустик пушистого растения. Листья как у мяты.

Черис будто воспряла. Она устремляется к столу с целеустремлённостью самонаводящейся ракеты и барабанит по столешнице костяшками пальцев. Мне даже неловко становится за её поведение. Такое впечатление, что у человека два режима общения — через губу и на задних лапках, а нормально — не умеет.

Или здесь так принято? Да ну, не может быть, что всё настолько запущено? То же де Мракай одет был хотя и непривычно-странно, но

вполне современно. По крайней мере я скорее представлю его на личном суперджете, летящим на переговоры в Нью-Йорк, чем на фестивале косплееров. Клерк тоже одет... обычно: пиджак, брюки, белая рубашка. Вот крой у пиджака непривычный.

Клерк, вздрогнув, оборачивается.

— Г-госпожа? — и кустом прикрылся.

— Молодой человек, поторопись доложить, что прибыла Льяна де Ривей, чтобы заявить права на наследство и решить формальности. И не заставляй госпожу ждать, Льяна ещё не оправилась.

Кивнув, он исчезает за дверью и через минуту сообщает, что господин Тар готов меня принять.

Черис без колебаний заходит вместе со мной, хотя не похоже, что её приглашали. Я, изображая слабость, повисаю на её плече.

— Льяна де Ривей законная наследница своего отца, вы не можете лишить девочку наследства только потому что де Мракаю хочется ограбить бедную сиротку, — Черис сходу бросается в атаку.

Господин Тар мужчина в годах — вероятно, повидал он немало, и выпад Черис не производит на него никакого впечатления.

— Приветствую, госпожа де Ривей, — кивает он мне.

— Здравствуйте, господин Тар.

Простая фраза вызывает у него лёгкий интерес, он задерживает взгляд на моём лице. Черис меня никак не одёргивает, поплевать господину на макушку не требует.

— Поместье де Ривей имеет статус владения, — скучающе объясняет он. — Личность владельца утверждается на открытом голосовании Совета. Хотя дети имеют приоритет, окончательное решение зависит от многих факторов. Госпожа Льяна, если не ошибаюсь, вам девятнадцать полных лет.

Да?

В родном мире мне было двадцать четыре. Как здесь — не представляю.

— Не ошибаетесь, — вместо меня отвечает Черис.

— Полноправным владельцем можно стать не раньше двадцати пяти. Или по решению Совета. Таким образом, госпожа, вы уже проигрываете другим кандидатам, поскольку нуждаетесь в опекуне. Больше того, госпожа Черис была отчислена из академии магии. Согласно квалификационному листу, которым я располагаю, госпожа

не способна работать с большими объёмами энергии и, соответственно, не способна даже временно замкнуть потоки магии на себя. Вам понадобится управляющий, кандидатуру которого одобрит Совет. И если вы не сможете принять потоки на себя в течение года, то управляющий будет признан полноправным владельцем. Весьма безнадёжно.

— Господин Тар, де Ривей мой дом.

— Госпожа Черис, пожалуйста, выйдете. Для дальнейшего разговора ваше присутствие не требуется.

Тётушка поджимает губы, но — удивительное дело — послушно покидает кабинет, напоследок проткнув меня предостерегающим взглядом. Безымянный клерк захлопывает дверь, и я уверена, что подслушать он не позволит.

Господин Тар приглашает меня сесть и, дождавшись, когда я устроюсь в кожаном кресле, задаёт... ожидаемый вопрос:

— Госпожа Льяна, мои соболезнования вашей невосполнимой потере. Госпожа Лаура де Ривей, урождённая Черис, всегда производила впечатление достойной госпожи и вызывала уважение. Увы, сказать подобных лестных слов о госпоже Черис, замешанной в нескольких весьма неприятных скандалах, я не могу. Вы... действительно настаиваете, что хотите видеть её в статусе вашей опекуны и представительницы или поддались эмоциям?

Самое время избавиться от Черис?

Я отчётливо осознаю, что отказ она мне не простит, но я думаю, что справиться с ней легче, чем расхлебать проблемы с законом, когда обман вскроется.

Я открываю рот, чтобы подтвердить — на эмоциях!

И не могу выдавить ни слова. Горло сдавливает невидимый поводок.

Глава 2

Больно, чёрт побери!

Поводок исчезает сразу же, как я мысленно отказываюсь “сливать” Черис. Я хватаю ртом воздух и в глубине души надеюсь, что господин Тар поймёт, что дело не в болезни, но он с искренним беспокойством предлагает вызвать врача. Я хочу согласиться — вдруг врач увидит настоящую проблему? И ловлю новый приступ удушья.

— Ничего страшного, — отмахиваюсь я от господина Тара. — Слабость. Простите, на чём мы остановились?

Вдох-выдох. Пока я веду себя хорошо, я могу дышать...

Если тебя держат в заложниках, то моргни. Увы, господин Тар примет подмигивание за нервный тик. Да и поводок не факт, что позволит разыгрывать пантомиму.

Упоминание портала и магии я восприняла отстранённо, даже равнодушно. В книгах читала, теперь слышу — ничего нового, за исключением одного нюанса. Раньше магия была для меня сказочным вымыслом, а теперь вошла в мою реальность. И прямо сейчас я ощутила её действие на собственной шкуре. Мне... не понравилось.

Я действительно угодила в мир магии.

Проклятье.

А главная подлянка в том, что клятва работает лучше иного надзирателя. Почему она на меня действует отдельный вопрос. Куда интереснее понять, как выкрутиться. Хорошо, хоть думать она мне не мешает приступами острой головной боли.

— Госпожа Льяна, ваше стремление стать владельницей... вызывает сомнения в вашем здравомыслии.

Я тоже в своём здравомыслии сомневаюсь.

— Конечное решение за Советом, — возражаю я.

— Разумеется. Госпожа Льяна, не поймите меня неправильно. Я не желаю вам зла, я обеспокоен решениями, которые вы принимаете. И если ваше желание сохранить владение за собой, мне, по крайней мере, понятно, то ваше желание доверить опеку госпоже Черис — нет.

Всё правильно, да.

Только, увы, не в моём случае.

— Господин Тар, я признательна вам за заботу, однако у меня есть личные причины настаивать на кандидатуре госпожи Черис. В конце концов она моя самая близкая родственница. Но есть и иные причины, которые бы мне хотелось оставить при себе. По крайней мере сегодня.

Может, я могу, не говоря прямо, намекнуть, что меня связывает клятва?

Я открываю рот и... поводок предупреждающе натягивается.

Просто отлично!

Похоже, клятва реагирует не на смысл слов и действий, а на моё намерение. Чтобы её обойти нужно исхитриться обмануть саму себя? Вывих мозга обеспечен...

Господин Тар неодобрительно морщится, но переубедить меня не пытается и подаёт мне чистый лист бумаги. В подставке несколько ручек, и я беру первую попавшуюся. Шероховатая поверхность приятно ощущается в пальцах. Я с улыбкой придвигаю бумагу ближе. Разве я умею писать?

Хотя с речью у меня проблем нет, название местных денег я не запомнила. Поводок — о, да! — неудобств не доставляет, ведь я не пытаюсь вредить сознательно. Непреодолимая сила обстоятельств...

— Вот образец, — господин Тар открывает для меня папку.

И я с грустью обнаруживаю, что рано обрадовалась. Я могу читать, хотя алфавит непривычный, вместо букв стилизованные пиктограммы. И писать тоже получается. Рука помнит движения без участия сознания. Но я ведь не в чужое тело попала, я в своём родном. Как так?!

Приняв у меня прошение на имя Совета, господин Тар напоминает, что мой вопрос будет решаться меньше, чем через месяц и сухо прощается.

Черис ждёт меня снаружи, и мы покидаем приёмную. Я едва успеваю попрощаться, а Черис вежливостью себя не утруждает, ещё и фыркает, что над моей манерой держаться придётся поработать. Я не возражаю — в моём положении любая учёба полезна.

— Куда теперь, тётушка? — негромко спрашиваю я, когда мы спускаемся по лестнице.

— В “Беретон”. Пусть все узнают, что наследница де Ривей вернулась.

Мне “Беретон” ни о чём не говорит, но задать очередной вопрос не получается. Мы выходим на улицу, и я хочу расспросить о статуях эльфиек, но на бордюре сидит господин де Мракай. Черис багровеет и демонстративно отворачивается.

— Госпожа Льяна, — окликает он меня, — ваше самочувствие внезапно улучшилось?

— Разумеется мне лучше, господин Ариэль, иначе я бы не смогла приехать.

Насмешка исчезает из его глаз, Ариэль становится предельно серьёзным:

— Госпожа Льяна, если у вас возникнет хоть малейшее подозрение, что портал просыпается, пожалуйста, либо пригласите мага, либо обратитесь ко мне. Я даю слово чести не использовать это против вас. Проснувшийся портал в худшем случае станет катастрофой и не только для вас.

Во что же я вляпалась-то?

Я не настолько наивна, чтобы поверить в пустое обещание и проникновенный взгляд, однако, если Ариэль не лжёт, то... его готовность помочь выглядит достойно. Впрочем, в конечном счёте мне всё равно.

Черис вмешивается:

— Мы не нуждаемся в ваших услугах, господин де Мракай, — шипит она.

Могла бы убить взглядом — убила бы.

У Ариэля её выпад вызывает усмешку.

— Спасибо, я запомню, — соглашаюсь я, чем, кажется, несказанно его удивляю.

Возможно, именно Ариэль сможет мне помочь?

Он склоняет голову к плечу:

— Я буду рад видеть вас в де Мракай в качестве гостыи. Я приму вас даже без предварительного уведомления.

Мне показалось, или синий кристалл сверкнул? Скорее, солнечный луч попал на грань и отразился.

Черис уводит меня, и в экипаже, едва дверца-крыло опускается, разворачивается ко мне корпусом.

— Что это было, я тебя спрашиваю?!

— А?

Её какая муха укусила?

Она раздражается потоком брани, в мгновение из дамы превращаясь в базарную гримзу. Ругательства достаются всем — Ариэлю, мне, экзаменаторам из академии магии, господину Тару и даже отцу Льяны, выбравшем старшую сестру-зануду. Я слушаю Черис с широко распахнутыми глазами.

А ей не приходила в голову простая мысль, что причина её неудач заключается в ней самой?

— Кто из них, самопровозглашённых умников, за час может увеличить резерв в семь раз?! Да они вообще не могут! А я..., — новый поток брани я пропускаю мимо ушей.

До меня доходит, что она не собирается ограбить де Ривей, как я подумала в начале. Она что-то сделала со мной. Те щупальца, тянувшиеся ко мне через потолок родительской спальни... Одно из них ударило меня, прошло насквозь...

Я вспоминаю серый туман, руки леденеют, и вдруг с кончиков пальцев срываются чёрные струйки.

— Что?! — Черис переходит на визг и внезапно наотмашь бьёт меня по лицу.

Я хватаюсь за обожжённую пощёчиной щёку.

Слов нет.

Хотя нет, есть — она сумасшедшая. Я на поводке у закомплексованной психопатки.

У меня только моргать получается. Рука тянется к несуществующему телефону вызвать неотложку. Успокаивающий укольчик и смирительная рубашка были бы в тему, но телефон остался дома, помощи не будет. И ведь даже не сбежать — экипаж движется, и я не представляю ни как его остановить, ни как открыть дверь.

Я отодвигаюсь в дальний угол и прячу ладони под юбку. Впрочем, чёрный дым развеялся сам по себе, прятать особо нечего.

Черис постепенно успокаивается или, вернее сказать, выдыхается.

— Так сразу почувствовать магию, — ругается она, но уже тише.

— Наверное, это только благодаря вам, — рискую я высказаться. — Не знаю, что вы придумали сделать, но точно могу сказать, что раньше у меня магии не было.

Раздражённо отмахнувшись, Черис, тем не менее, принимает мою лесть за чистую монету.

— Какой толк уметь работать с большими объёмами энергии, когда есть подлинная мощь?

О чём она? Впрочем, лучше поддакнуть и не провоцировать. Её бормотание слишком бессвязно, чтобы ловить крохи смысла, и я не знаю, какотреагирует поводок на моё желание защититься от побоев — позволит или спеленает? Тот случай, когда проверять совершенно не хочется.

Поэтому дальше мы едем в тишине, я тру щёку. Черис замечает мой жест, но никак не реагирует. Извинений я и не ждала, но... Ладно, не важно. Я опускаю руку на сиденье и до конца поездки стараюсь не привлекать внимания.

Экипаж останавливается. В этот раз мы выходим... на парковку? Довольно большое крытое пространство, интерьер лаконичный, светлый. Издали определить материал отделки я не возьмусь, но уверена, что не камень, что-то лёгкое, напоминает пластик.

Очевидно, что мы вышли внутри загадочного “Бертон”.

От привычной парковки огромный зал отличается отсутствием парковочных мест. Дверца-крыло опускается и экипаж... тонет в полу. Получается, всё же парковка?

Черис ничего не объясняет и, цокая каблуками, устремляется к арке, за которой начинается винтовая лестница. Я стараюсь не отстать. Нет, у меня мелькает мысль воспользоваться моментом и удрать. Наверное, я смогла бы, если поводок не дёрнет обратно. Глупость. Вот куда бежать? Я не знаю мира, у меня нет документов, денег. Допустим, я каким-то чудом отыщу нагромождение халуп, в одной из которых обитают мои родители. Что я буду делать? Им ведь нужны деньги... Я не могу позволить Лизи голодать.

Винтовая лестница закручивается штопором, при этом ступеней как таковых нет — устроено подобие пандуса. Нет ни перил, ни другой страховки. Но Черис уверенно шагает на неё и нетерпеливо оглядывается.

— “Бертон” спроектирован по образцу города сильфов. Смелее. Не веди себя как дикарка. Льяна часто здесь бывала.

Шею не сдавливают, но невидимая петля словно бы обретает вес, напоминает о себе, и я уверена, что это не игра воображения.

Неужели клятва не ограничивается моей помощью в аванюре с наследством, а вынуждает меня выполнять любой приказ этой

психопатки?! А если Черис взбесится и прикажет мне прыгнуть из окна головой вниз?!

— Да, госпожа.

Я послушно встаю на пандус.

Сердце бешено бьётся, но я себя успокаиваю, что прямо сейчас беситься Черис не с чего, и вообще я нужна ей живой и относительно здоровой.

Но надо изыскать способ встретиться с родителями, расспросить их.

Проклятье!

В спину ударяет невесть откуда взявшийся ветер.

Закрутившись у самого пола, воздушный поток приподнимает меня. От неожиданности я вскрикиваю, за что получаю болезненный щипок от Черис. Мне удаётся сдержаться и промолчать, хотя за пару часов знакомства... накалило. Прямо сейчас подвешенное в буквальном смысле слова состояние, пугает меня больше, чем психованная тётушка с садистскими замашками, она зло более-менее понятное.

Поток воздуха ускоряется, виток пролетает за витком. Я уговариваю себя, что оказалась на аттракционе. Подумаешь, работает на магии, но ведь поднимает, не роняет. Кстати, на эскалатор похоже. Только опоры под ногами нет.

Глубоко вдохнув, я беру эмоции под контроль — на самолёте летать страшнее, в сильфийском аттракционе хотя бы падать невысоко. Постепенно мне удаётся расслабиться и почувствовать вкус свободного парения. Ветерок приятный, чуть тёплый. Интересно, экипаж на таком же летает?

Полёт заканчивается быстрее, чем я успеваю насладиться, мы оказываемся на этаже, и я задаюсь вопросом, откуда магия знает, на какой именно этаж принести посетителей.

Я растираю запястье — уверена, будет синяк.

Черис замечает:

— Сама виновата. Веди себя достойно, Льяна.

— Госпожа Черис, я приложу все усилия. У меня есть просьба. Пожалуйста, помогите мне ориентироваться. Для меня ведь здесь чуждо абсолютно всё. Я даже не знаю, что такое “Бертон”. Магазин? Театр? Ресторан? Я понимаю, что вам трудно со мной возиться, но

ведь моя невольная ошибка может поставить под удар весь успех, — тошно от гнилой сладости формулировок, но именно так мне удаётся переключить Черис в благодушное настроение.

Самодовольная улыбка растекается по её лицу и придаёт Черис сходства с жабой. Тётушка добровольно берёт меня под локоть, ещё и приобнимает за плечи этак покровительственно. Я изображаю восторг, хотя внутри меня передёргивает.

— “Бертон” это “Бертон”, — объясняет Черис. — Как можно не знать?! Ты, конечно, нищая, но про “Бертон” знают все.

Угу.

— Госпожа? — моргаю я.

Черис, сообрази уже, что из нас двоих ты заинтересована больше. Потому что мой план: продержаться несколько дней, познакомиться с миром, попробовать понять, нет ли дороги назад и... вырваться из петли-невидимки.

— В “Бертоне” есть всё. И магазины, и ателье, и рестораны. Мы идём, — она на миг задумывается, — сперва за покупками, затем в кафе. Тебя должны увидеть.

Торговый центр?

— Госпожа, а если к нам кто-то подойдёт, как де Мракай подошёл? — опасно упоминать его имя, я рискую.

— И что? — тон резкий, у рта прорезались глубокие складки.

Я терпеливо разжёвываю:

— Без вашей подсказки я бы не смогла поздороваться с де Мракаем. Если со мной заговорит кто-то из знакомых Льяны, он сразу же поймёт, что я ничего не могу вспомнить, начиная с имени. Разве это не будет подозрительно?

— У Льяны не было близких подруг. Имена посторонних я подскажу.

— Спасибо, — киваю я.

Глупо ставить диагноз по одному факту, но всё же отсутствие подруг звоночек тревожный. Льяна девочка из явно богатой семьи, возможности для общения у неё были. Так в чём проблема? У племянницы психопатки свои скелеты в шкафу?

— Идём, — Черис тянет меня в первый попавшийся магазин.

Стеклянные двери распахиваются по мановению волшебства, и мне открывается страна вечерних платьев, не иначе. Я не могу

представить себя в шифоновом великолепии, облаком ниспадающем до самых туфель в повседневной жизни. Платье, которое на мне сейчас тоже макси, но оно, по крайней мере плотное и довольно простое, хотя и с пуговицами на спине.

Наряды представлены на реалистичных манекенах, изображающих... остроухих барышень. Эльфы в моде?

Проиигнорировав приветствие работающих в магазине девушек, Черис ведёт меня к дивану, усаживает, причём неуклюже, будто маленький ребёнок с куклой в “дочки-матери” играет.

— Добро пожаловать в...

— Чаю, — перебивает Черис. — Льяна, прийти было плохой идеей. Ты слишком слаба, моя дорогая.

Черис говорит настолько громко, что её слышат все. Мне остаётся только смириться с театром абсурда и посочувствовать девушкам. С такой клиенткой как Черис, самый терпеливый консультант быстро станет человеконенавистником.

Чай сервируют в фарфоре, подают конфеты и фруктовое ассорти. Как по мне, придаться невозможно, однако Черис поджигает губы.

Девушки сохраняют доброжелательные улыбки.

— Желаете посмотреть последнюю коллекцию? — предлагает, вероятно, старшая.

— Моей племяннице после длительного выздоровления нужно что-то освежающее, — Черис неопределённо взмахивает рукой.

Запрос из серии “дайте то, не знаю, что”.

— Госпожа де Ривей, — обращается девушка непосредственно ко мне, — позвольте снять мерки?

Я киваю. Собираюсь подняться и пройти в примерочную, но Черис успевает ухватить меня за руку и крепко сжать, вынуждая остаться на месте. Я послушно застываю — никакого желания приобрести коллекцию синяков.

То, что происходит дальше...

Одна из девушек выносит накрытую непроницаемой тканью клетку, сдёргивает покрывало, и за частоклом металлических прутьев я вижу не птицу, а белокурую малышку с крылышками. Фея детским жестом трёт кулачками глаза, словно она спала, и её разбудили.

Я получаю очередной щипок от Черис, но даже боль не сразу помогает прийти в себя. Зрелище, привычное для Льяны, меня

потрясает, и я даже не знаю, что шокирует больше: что я вижу настоящую фею с прозрачными стрекозиными крылышками или то, что фея в клетке.

Взглянув на меня, фея проказливо улыбается и поднимается над полом клетки. С её крылышек будто брызги бриллиантовой росы срываются мириады искорок. Сияющая пыль легко проходит сквозь прутья, но не осыпается на полу, а вспыхивает и... передо мной появляется моя точная копия, будто двойник из зеркала вышел.

— Что-то освежающее, Ини, — подсказывает старшая из девушек. — “Зимний свет”, возможно?

Фея пожимает плечиками, взмахивает в сторону моего двойника рукой, и одежда тотчас меняется. Исчезает моё простое платье, и вместо него появляется голубой наряд с искрящейся серебристо-белой вышивкой.

— Можно дополнить палантином на вечер или кардиганом на день.

Фея показывает оба варианта. Сперва на плечах двойника возникает меховой кошмар, будто на меня сугроб уронили, затем появляется белый приталенный пиджак. Фея, не дожидаясь указаний переключает цвет на глубокий синий.

— Не может быть! Льяна, это вы?!

В магазин впархивают две девушки, очевидно, приятельницы Льяны.

Я кошусь на Черис:

— Кто они? — спрашиваю я одними губами.

Черис молчит.

Глава 3

— Как их зовут? — без всякой надежды повторяю я вопрос.

— Откуда мне знать всякую шушеру! — Черис стискивает кулак, и я слегка пугаюсь, слишком уж быстро она переходит из расслабленного состояния во взрывоопасное.

Но в этот раз Черис прекрасно себя сдерживает.

— Льяна! — окликают девушки повторно, остановившись в метре от меня.

Так, если они здороваются со мной первыми... Когда мы столкнулись с де Мракаем, Черис его приветствовала, а он на неё внимания не обратил, и она обиду проглотила. Плевалась потом, но шёпотом, высказать претензии ему в лицо не посмела.

Раз девушки обращаются ко мне первыми, значит, в теории, они по статусу ниже. С моим попаданием сплошная головная боль...

— Рада встрече, — отвечаю я и плечом опираюсь на Черис. — Какая приятная неожиданность. Не зря я уговорила тётушку немного развеяться. Выздоровливать в четырёх стенах угнетает.

— Здравствуйте, госпожа Черис, — здороваются девушки.

Выходит неловкая заминка, ведь я должна их представить. Поэтому я прикидываюсь полуобморочной:

— Прошу прощения, слабость ещё одолевает. Возможно, я переоценила свои силы.

Феечка в клетке падает на дно и натягивает на голову кукольное одеяльце. Получившийся кокон начинает дрожать. Без сомнения, фея раскусила моё враньё и ухахатывается. Не исключено, что она рассмотрела во мне нечто... тот же поводок, например.

Хм...

— Льяна, мы вам так сочувствуем! — нестройным хором восклицают девушки.

— Так жаль!

— Ужасающая трагедия, — перебивают они друг друга.

Если резко прикусить щёку, то от боли на глаза навернутся слёзы.

— Я хотела развеяться, — повторяю я. — Тётушка говорит, что папа бы гордился мной, если бы я возглавила де Ривей. Я думаю, я

должна это сделать.

Может показаться, что я следую плану Черис, но едва ли Совет утвердит владительницей плаксу. Прямо сейчас я буквально топлю свою репутацию, но в то же время у меня нет иного способа избежать беседы, в которой я себя наверняка выдам. Когда приходится выбирать из двух зол, поводок не мешает? Приятное открытие.

— Льяна, вы совершенно правы! Де Ривей ваш дом и управлялся вашими предками на протяжении веков. Конечно же, нельзя отказываться!

— Я верю, что вы справитесь, Льяна.

Льстят, безбожно льстят. Я окончательно теряю к их дуэту интерес.

— Может быть, нам стоит вернуться? — спрашиваю я у Черис.

— Конечно, дорогая, — тётушка с готовностью поднимается, помогает мне.

Фея в клетке уже не сдерживается, её переливчатый смех звенит. Старшая представительница магазина бросает на коллегу убийственный взгляд, та ощутимо встряхивает клетку, но фее хоть бы что, только одеялко слетает. Фея на своих прозрачных крылышках приподнимается над полом. Махнув рукой, она обращает моего двойника в бриллиантовую пыль.

На долю мига — если бы я не следила за волшебством, я бы не заметила — искорки оседают, и проступает очертание петли. Искры гаснут в воздухе, но две или три садятся на открытую кожу руки. Я ощущаю лёгкое покалывание.

Феечка озорно подмигивает.

Что именно она сделала? Я не питаю иллюзий. Возможно, ничего хорошего. Но, покосившись на Черис, я принимаю решение промолчать. Пока. Я попробую добраться до книг или... поговорить с де Мракаем. Поводок предупреждающе сдавливают шею и тотчас отпускает.

Девочки, поняв намёк, прощаются. Магазин остаётся с непроданным платьем, а Черис меняет направление и поясняет никому конкретно и всем одновременно, что, чтобы набраться сил, я должна следить за питанием. Мы идём в кафе.

— Тётушка, — как только мы удаляемся достаточно, чтобы тихий разговор не услышали посторонние, я маскирую свой интерес к фее

пустым любопытством, — почему та малышка была в клетке? И кто она?

— Обычная пикси-иллюзорица. Пфф. Где, по-твоему, держать пикси, как не в клетке? Твоя пикси тоже в клетке жила.

Эм...

— Моя пикси?!

— Погибла вместе с Льяной. Стоит ли купить новую? От них столько проблем...

— Я ничего не знаю о пикси, — фольклор из другого мира я за источник достоверных сведений не считаю. — Их ловят как... обычных птиц и сажают клетку?

Не удивлюсь, если так.

Но феечка угнетённой и несчастной не выглядит, но выглядит страдающей и не страдает вещи разные.

Черис закатывает глаза. По тому, как она дёрнула рукой, хотя и не вырвала, я определяю, что Черис разозлилась, и больше вопросов лучше не задавать. Впрочем, остывает она вроде бы быстро. Долгих плевков удостоился только де Мракай.

— Пикси свободно живут в своём городе, и никто их не ловит. В клетку сажают тех, кто гадит, — отрезает Черис.

Да?

Что-то вроде исправительных работ?

Ладно, проблемы пикси — это проблемы пикси. Даже если фею поймали и заперли, не в моих силах её освободить. Разве что выкупить и отпустить, но доступа к деньгам у меня нет.

Меня бы кто отпустил...

В кафе нас снова встречают ушастые статуи. Официант немедленно выходит вперёд, чтобы поприветствовать и пригласить к столику. Молодой человек предлагает уютную боковую нишу — самый логичный выбор для девушки, которая не очень хорошо себя чувствует.

Но Черис выбирает столик в центре зала, самое видное место.

Мне остаётся только головой покачать. Мысленно. Её прямолинейность... Честно говоря, я всё больше недоумеваю, как она с её невеликими интеллектуальными способностями сумела повернуть афёру с подменой. Где тело настоящей Льяны?

Черис не позволяет мне выбрать, озвучивает заказ сама.

Я послушно молчу — зачем мешать Черис самой себе рыть яму? Прямо сейчас она наносит по репутации Льяны ещё один удар. Безвольную затюканную куклу управлять владением не пустят.

Официант подаёт крем-суп неопределённого грязно-бежевого оттенка. Сверху вперемешку сырная крошка и зелень. Я беру ложку.

— Приятного аппетита, тётушка.

— Приятного аппетита, — откликается... фея.

Звонкий голос пикси раздаётся прямо в голове.

От неожиданности я роняю ложку, и она падает прямым в суп, по столу разлетаются брызги, часть достаётся моему платью, долетает и до Черис.

В голове раздаётся злорадный смешок.

Ответ. почему пикси в клетке, получен.

— Прошу прощения, голова закружилась, — оправдываюсь я, глядя в глаза Черис.

Кулаки стиснуты, костяшки побелели. Тётушка не просто кипит, она на грани взрыва. Я не знаю, каким чудом она сдерживается. Будь мы наедине, уверена, она бы уже лупила меня по щекам, если не хуже.

Официант, заметивший происшествие, спешит подать салфетки и предлагает перейти за соседний столик.

Черис, процедив ругательство, уходит в дамскую комнату спасать платье.

— Зачем? — мысленно спрашиваю я пикси.

Неужели это весело?

Черис сдержалась, но, думаю, в экипаже она на мне отыграется.

— Чтобы мы могли спокойно поговорить, — серьёзно отвечает фея. — Моя магия скоро растает, у нас мало времени.

Не уверена, действительно ли магия растает, или фея собирается за мной шпионить. Прямо сейчас проверить правдивость её слов я никак не могу, я могу только слушать.

— И что же ты хочешь, Ини? — да, я запомнила упомянутое консультанткой имя.

— А почему так грубо?

Разве?

Цеплять ко мне чары без моего согласия не грубо?

— Ини, если у нас мало времени, то ты странно им распоряжаешься.

— Фи!

И разговор тоже странный.

— Фе, — передразниваю я.

— Я видела Льяну, — тон у пикси меняется. — Ты не она. Ты фальшивка? И ты связана... Зачем ты согласилась принять силу, которую невозможно принять? А клятва? Разве она не задушит тебя? Задушит-задушит, я вижу. Хочешь я помогу?

Так я и поверила, что пикси из клетки жаждет решить мои проблемы.

Пожалуй, сейчас не тот случай, когда надо скрывать ум, поэтому я спрашиваю в ло:

— В какие же неприятности ты собираешься меня втравить, Ини?

Феечка хмыкает:

— Не-при-ят-ности-и? — тянет она слово словно леденец пробует.

Я возвращаю полотняную салфетку на колени. Спасти платье не удалось — на бежевом лифе расплылись пятна грязи. Делить дамскую комнату с Черис никакого желания, да и разговор с феей явно не окончен, несмотря на её затягивающееся молчание.

Подхватив ложку, я, как ни в чём не бывало, продолжаю есть крем-суп.

Ожидание затягивается, сумасшедшая тётушка вот-вот вернётся.

Магия испарилась?

— Ты уснула? — мысленно окликаю я фею и задумываюсь, способна ли она уловить, о чём я думаю.

— Только то, что направлено на меня. Влезать в голову я, увы, не умею, — вздыхает она. — Я понимаю твои опасения. Преступница не вызывает доверия. О! Выдавая себя за Льяну, ты ведь тоже совершаешь преступление, верно? Мы обязательно поладим. Госпожа Фальшивка, времени действительно мало. Если ты хочешь узнать что мы, феи, видим в тебе, то найди мою сестру.

Заманчиво...

Я понимаю, что просто не будет, понимаю, что рискую вляпаться.

— Где искать? — только и спрашиваю я.

Феечка грустно вздыхает:

— Тоже в клетке. Она едва не спровоцировала магическую катастрофу, и поймавший её владетель воспользовался своим правом назначить сроком заточения... вечность. Разве не слишком?

— Казнить милосерднее?

Не надо обманываться миниатюрным размером и милым обликом. Я общаюсь с очаровательным монстром. С одной стороны, честность подкупает, фея открыто сообщает, в чём обвиняется её сестра, не пытается оправдать, обелить, сослаться на ложное обвинение. С другой стороны, такая честность опасна — легко расслабиться и пропустить незначительную, но фатальную недомолвку.

— Фи!

Суп кончается.

В зал возвращается мрачная как грозовая туча Черис. Видимо, избавиться от пятен полностью не вышло.

— Тётушка.

— Сестру запер Ариэль де Мракай. Остерегайся его, госпожа Фальшивка. Он пойдёт на всё, чтобы получить контроль над порталом. Я не знаю, кто устроил для семьи де Ривей несчастный случай. Не удивлюсь, если это был он.

Фея замолкает.

Кожу, в том месте, где упали искорки, обдаёт холодом, и мне кажется, что я чувствую как нечто невидимое испаряется. Магия феи уходит? Я боюсь ошибиться, но похоже, что именно так, хотя я не отказалась бы дополнительно вымыть руки с антимагическим мылом. Такое бывает? Откликаясь на моё желание, руки окутывает серо-чёрный дым.

Именно в этот момент подходит Черис.

Её гнев бурлит, но тем не менее она садится за столик и, пронзив меня убийственным взглядом принимается за еду. Я никак не реагирую, и продолжаю водить ложкой по дну почти пустой тарелки. Думаю, если я попрошу второе блюдо, Черис лопнет прямо в ресторане. Да и аппетит пропал.

Меня беспокоит совпадение — почему сестра Ини у де Мракай? Допустим, “сестра” не означает кровного родства, а использовано в значении “подруга” или даже “соплеменница”. Кстати, у фей кровь-то есть или она устроены как бабочки? Не важно, вопросы анатомии отложим.

Ини могла предложить мне вернуться в “Бертон” и поговорить без лишних ушей, и, думаю, под предлогом примерки новой коллекции устроить встречу не так уж и трудно, Ини могла отправить меня к

любой другой фее — зачем? — но отправляет к де Мракаю, причём заявляет, что именно он может быть убийцей семьи де Ривей. Разве соваться в его логово не опасно? Или её цель — настроить меня против него?

Я массирую виски.

— Счёт, — взмахивает рукой Черис и переводит взгляд на меня. — Приведи себя в порядок. Льяна.

— Да, тётушка.

Какой смысл спорить?

Если в зале обслуживают официанты, то у дамской комнаты меня встречает... горничная? Я не уверена, что правильно назвала. Она точно не уборщица. Точнее, не только уборщица. Девушка приветствует меня поклоном, приглашает к длинной раковине и, вооружившись флакончиком с розовато-сиреневой жидкостью и щёткой, похожей на зубную, начинает борьбу с пятнами. Капнув пару капель на каждое, она легко-легко проводит щёткой по ткани лифа, и в месте касания поднимается пышная розовая пена, в нос ударяет прелый запах роз, какой бывает в цветочных магазинах, когда цветов слишком много.

Выступившая пена с шипением опадает, и на ткани платья не остаётся ни грязи, ни влаги. Потрясающе...

— Большое спасибо! — искренне благодарю я.

— К вашим услугам, госпожа де Ривей.

Не знаю, должна ли я оставить чаевые. В любом случае оставить мне нечего. Становится неловко перед девушкой. Она же остаётся безупречно вежливой и провожает меня к выходу.

Когда я возвращаюсь в зал, Черис уже нетерпеливо притоптывает у выхода. Я прощаюсь с официантом и спешу к ней.

— Сколько можно копаться? — шипит Черис. — Пока ты пряталась, мимо прошли две главные светские сплетницы. И они тебя не увидели! Шевелись, их надо догнать.

Как прикажете.

Уцепиться за свой локоть Черис мне не позволяет, и я приноравливаюсь к её шагу.

— Разве для больной я иду не слишком быстро? — уточняю я.

— Шевелись, — злобно повторяет Черис. — Такая возможность! Заинтересуй их. Твоя задача получить приглашение на встречу.

— Имена, — напоминаю я.

— Кирстен и Хлоя. Хлоя рыжая. Иди, — тётя подталкивает меня в спину.

Видимо, присутствовать при разговоре она не планирует. Ну... Логично, на самом деле. Тётя сворачивает в парфюмерный салон. Надо признать, выбор идеальный — я смогу пожаловаться на головокружение от сильных запахов, и это объяснит, почему мы разошлись. Я иду неторопясь, целью я выбрала оранжерею в конце коридора и качели. Будем считать, что я иду отдохнуть, пока тётя выбирает духи.

— Госпожа Льяна?!

Не “Льяна”, но и не “госпожа де Ривей”, среднее.

Я оборачиваюсь, опознаю по описанию рыжую кудряшку Хлою, а вот на имя Кирстен претенденток две.

Тьфу.

Глава 4

Улыбнувшись, я слегка киваю:

— Добрый день. Какая неожиданная встреча, — я стараюсь говорить тихо, создавать впечатление болезненности.

Хлоя с подругами переглядывается, в её глазах вспыхивает азартное любопытство.

— Действительно, неожиданная! — восклицает Хлоя. — Госпожа Льяна, позвольте принести вам свои глубочайшие соболезнования. Я прошу прощения за то, что напоминаю о боли, но я не могу промолчать. Ваши родители... такая потеря для нас всех.

Её подруги кивают как китайские болванчики.

— Благодарю, — сглатываю я.

Мне становится по-настоящему нехорошо. Меня буквально выворачивает от отвращения к положению, в котором я оказалась, к тому, что я делаю. Выдавать себя за погибшую, врать, что родители были бы рады, что жизнь продолжается. Мёртвым всё равно, но я чувствую себя какой-то осквернительницей.

Де Мракаю я лгала спокойно...

— Крепитесь, госпожа Льяна. Уверена, ваши родители гордились бы вами.

— Да... Именно поэтому я хочу стать следующей владетельницей де Ривей, — киваю я. — Моя тётушка согласилась помочь и стать моим официальным опекуном, пока я не достигну двадцатипятилетия. Сегодня я впервые после болезни вышла на улицу. Мы ездили, чтобы я подала прошение.

Неужели эта чепуха кому-то интересна? Хлоя и её подруги слушают с восторгом. Не факт, что восторг искренний, но то, что после расставания они перемоют мне все косточки — факт. Хлоя не стесняется засыпать меня вопросами, довольно беспардонно, но, удивительное дело, фразы она строит так, что не придраться.

Я отвечаю, скармливаю байку, что сбежала от сильных запахов и собиралась подождать тётушку в оранжерее.

Подружки Хлои подхватывают нить беседы, активно сочувствуют.

И я не сразу понимаю, что мы уже не стоим, а куда-то все вместе идём, точнее переходим от одной витрины к другой. Вот так, наверное, людей и похищают — заболтали, закружили, затянули. Нет, мы всё ещё в “Бертоне”, даже на том же этаже, но успели свернуть на параллельную торговую аллею. Я оглядываюсь. Должна ли я вернуться? Но Черис хотела, чтобы я наоборот влилась в тусовку.

— Паучий шёлк! — про меня Хлоя временно забывает.

— Подделка?

— Крис, это “Ла-стиль”, какая подделка?

О, наконец-то я узнала, кто из двух блондинок Кристен.

В витрине на бархатной подушке лежат белоснежные перчатки. На мой взгляд они самые обычные, атласные, и причины ажиотажа я не понимаю. Разве что... Хлоя что-то заподозрила и проверяет мою реакцию? Да нет, перебор.

— Госпожа Льяна? — оборачивается блондинка без имени.

Я пожимаю плечами:

— Не интересно.

Хлоя и Кристен с заметным сожалением отвлекаются от перчаток. Я хмурюсь — почему они отнеслись к пустому замечанию как к указанию?

Сказанного не вернуть, и мы идём дальше, минуем очередное кафе. Моё внимание привлекает следующий салон. Витрины как таковой нет. Стеклоанное окно закрыто тяжёлой чёрной портьерой, и на её фоне выставлены пузырьки с цветной жидкостью. Вероятно, продажа магических пятновыводителей и прочих полезностей?

Хлоя наклоняется к моему плечу:

— Шепчутся, что Изабель Мон собиралась выписать себе в мужа тёмного эльфа и именно здесь делала переливание крови. Настолько неудачно, что уже второй год не выходит из дома.

Я откровенно не понимаю, как замужество связано с переливанием крови, зато осознаю, насколько мой новый мир отличен от родного, несмотря на внешнее сходство.

Ах да, новое открытие — помимо людей, сильфов и фей здесь водятся тёмные эльфы. А раз есть тёмные, то по логике должны быть и светлые.

— Бывает, — неопределённо откликаюсь я, и внезапно меня озаряет, по крайней мере на первый взгляд идея кажется гениальной и

я её воплощаю незамедлительно, не тратя времени на здравые рассуждения. — Тёмный эльф... О вкусах спорить бесполезно, да? Но, говоря о мальчиках..., — я понижаю голос. — Когда я с тётёй приехала подавать прошение, то столкнулась с господином де Мракаем.

Хлоя, ты ведь поделишься со мной сплетнями, не так ли?

У девушек глаза вспыхивают будто прожекторы, и я понимаю, что попала в цель.

— Ах, господин Ариэль де Мракай? — с придыханием повторяет Крис и становится похожа на ушибленную в самое сердце фанатку, а такие о своём кумире обычно знают больше, чем всё.

— Господин Ариэль... де Мракай, — вторит Хлоя, и в её глазах тоже появляется поволока мечты и романтики.

— Он такой мрачный!

— Такой нелюдимы!

— Такой холодный!

— Такой злой!

— Говорят, он убил прошлого Премьера.

— Говорят, он убил ваших..., — девочки резко замолкают и начинают моргать с такой скоростью, будто надеются поднять ветер, который меня унесёт.

И как прикажете реагировать? Расплакаться естественная реакция, но глаза сухие, да и не стоит проверять поводок на прочность — репутация плаксы лишь отдалит меня от вступления во владение де Ривей.

Рассердиться?

— Моих родителей? — спокойно переспрашиваю я самым мрачным тоном, на который хватает моих невеликих актёрских способностей.

Получается, фея не придумала, слухи о виновности де Мракая действительно ходят.

— Нам очень жаль.

— Насколько я поняла, господин де Мракай тоже подал прошение и намерен во что бы то ни стало расширить своё владение, — цежу я.

— Будьте осторожны и берегите себя, — предельно серьёзно советует Хлоя.

— Если кто-то хочет войны, то он её получит, — заявляю я, чем привожу девушек в восторг.

Думаю, я дала им достаточно материала, не так ли?

Вытянуть что-то ещё про де Мракая у меня вряд ли получится или мой интерес будет выглядеть подозрительным, вызовет ненужные вопросы. Словом, хорошего понемножку, пора закругляться.

Но Черис приказала постараться получить приглашение на встречу. Объяснить, какую именно, она не потрудилась.

— Госпожа Льяна, вы невероятны!

— Спасибо, — улыбаюсь я, словно невзначай оглядываюсь. — Думаю, тётушка уже выбрала парфюм, и мне стоит вернуться. Она будет волноваться, если не увидит меня в оранжерее. Я очень рада, что мне повезло с вами столкнуться. Я так давно никуда не выходила...

Сработает?

Напрашиваться открыто некрасиво, да и не по статусу будущей владельнице. Впрочем, жирный намёк от открытой просьбы ушёл недалеко.

Хлоя лишь на мгновение задумывается:

— Госпожа Льяна, а почему бы вам не присоединиться к завтрашней вечеринке госпожи Изас? Уверена, узнав, что вы возвращаетесь к активной жизни, она с радостью пошлёт вам приглашение.

Сработало!

— Было бы замечательно, — улыбаюсь я.

Хлоя кивает.

На миг она позволяет себе оценивающе прищуриться. Кажется, Хлоя не так уж и проста. По крайней мере она не пустоголовая сплетница. Без слов она дала мне понять, что приглашение — это услуга, и однажды Хлоя придёт ко мне за ответной любезностью.

Мы прощаемся, и я поворачиваю обратно.

Если честно, общение меня утомило, я чувствую себя опустошённой.

Черис я нахожу в оранжерее на качелях.

— Льяна, как всё прошло?

Я не Льяна.

— Кто такая госпожа Изас? — отвечаю я вопросом на вопрос. — Хлоя обещала поспособствовать, сегодня или завтра придёт приглашение.

— Моя драгоценная племянница! Моя умница! — Черис вскакивает с качелей. Фонтанирую восторгом она чуть ли не на шее у меня повисает, обнимает, прижимает к себе.

Я в первый момент пугаюсь, мне мерещится, что она хочет меня придушить. Но нет, она рада.

Психопатка.

Наобнимавшись, Черис отстраняется, перехватывает меня за локоть.

— Мы уходим? — уточняю я.

— Да, достаточно. Ты лечилась у меня дома под присмотром частного лекаря, но теперь, когда ты подала прошение, мы переезжаем в де Ривей. Дом, милый новый дом, — Черис от восторга начинает напевать.

А я её восторга не разделяю — разве слуги не поймут, что я фальшивка? Что она себе думает?

В экипаже настроение Черис меняется, причём дважды. Сперва, как только дверь-крылышко опускается и отрезает нас от парковки, неуравновешенная тётушка угощает меня пощёчиной за брызги супа, которые она так и не простила.

А затем всю дорогу до городского дома она, как маленькая, радуется приглашению на вечеринку госпожи Изас, и совершенно не берёт во внимание, что никакого приглашения ещё и в помине нет. А я высказываться... остерегаюсь, тем более Черис не просто мечтает, она бредит, на полном серьёзе представляя, как будет через Изас, дочку нынешнего Премьера, из тени руководить политикой.

Когда экипаж останавливается, Черис уже сидит на вершине мира в окружении наложников из тёмных и светлых эльфов.

В открывшемся проёме появляется брюнетка в строгом платье, фасоном напоминающее моё, но тёмное, и пуговицы не сзади, где самой не достать и не расстегнуть, а спереди.

— Госпожа Черис, — стоя на подножке, брюнетка ухитряется поклониться. Меня же брюнетка игнорирует, причём даже тогда, когда устраивается на краешке сиденья лицом против хода движения.

— Твоя горничная, — поясняет Черис. — Ту, которая тебя слишком хорошо знает, придётся отстранить. Поручи ей ухаживать за могилами родителей.

На этом раздача ценных указаний завершается, Черис с удобством откидывается на спинку сиденья и прикрывает глаза. На её губах появляется мечтательная улыбка.

— Госпожа, — обращается ко мне брюнетка, — я попрошу вас задержаться в гостиной или на террасе, чтобы я могла выяснить у остальных служанок, где ваши покои и помочь вам ориентироваться.

Временами Черис довольно продуманная...

Я киваю, у меня нет причин возражать.

Брюнетка замирает в позе прилежной отличницы — ладони сложены на коленях, стопы твёрдо стоят на полу, голова опущена, но спина прямая. Очевидно, что продолжения разговора не планируется.

Ладно, у нас ещё будет возможность поболтать, и лучше это делать наедине, уж точно не при Черис.

Дорога от города до владения занимает пару часов, не меньше. Получается, владение относительно недалеко от столицы? Или экипаж-яйцо умеет разгоняться до немыслимых скоростей? А я ведь так и не видела, что там, снаружи...

Де Ривей встречает нас морозящим дождём. Небо затянуто серыми тучами. Моему взгляду открывается огненный жёлто-красный лес, несмотря на пасмурную погоду поражающий буйством красок. Деревья почти вплотную обступают двухэтажный особняк, чуть левее виднеется купол белоснежной беседки. Я перевожу взгляд на площадку перед парадным входом.

По обеим сторонам дороги выстроились слуги. Видимо, стоят она довольно давно, потому что волосы у них изрядно промокли, одежда — тоже. Я собираюсь выйти, но Черис хватается меня за руку и впивается в кожу ногтями, а моя будущая горничная едва заметно качает головой.

Оказывается, Черис дожидается, когда для нас раскроют зонты. Вперёд выходит седовласый мужчина. Управляющий? Нет, эта должность, как я поняла, связана с магией. Тогда дворецкий? Эконом?

Кем бы он ни был, он кланяется, и Черис первой покидает экипаж.

А я вдруг пугаюсь — внешне я двойник Льяны, да. Но насколько мы похожи? Нелюдимый сосед, с которым Льяна почти не пересекалась, легко мог ошибиться. Но что насчёт слуг? Дело ведь не столько в самой внешности, сколько в мимике, манере держаться.

— Льяна, — требовательно окликает Черис, и поводок натягивается.

Ладно-ладно, уже иду. Я почти привычно хватаюсь за Черис, опираюсь на неё и... из-под ресниц рассматриваю слуг. Внешне все, кого я вижу, люди, ни эльфийских ушей, ни рогов, ни копыт, хотя насчёт копыт уверенности нет — подолы и обувь маскируют. Форма и безэмоциональные лица делают их всех похожими друг на друга. То ли выдержка у них у всех безупречная, то ли возвращению хозяев слуги не рады. Они знают Черис? Я бы такой хозяйке тоже не радовалась. Хах, для меня она и есть хозяйка.

Черис откровенно осматривается.

— Конечно, следует поменять садовника, — цедит она.

Ну-ну.

В холле я отпускаю Черис, нарочито тяжело вздыхаю и позволяю брюнетке увести меня к мягкому креслу.

— Что-нибудь лёгкое перекусить, — приказываю я ей. Во-первых, супа мне мало, а, во-вторых, я таким образом даю горничной больше поводов покрутиться в доме и найти не только мою комнату, но и кухню, гостиную, столовую.

Черис скрывается на втором этаже.

Слуги успели разойтись.

Ко мне подходит миловидная женщина, усыпанная веснушками. Рыжеватые волосы стянуты в пучок.

— С возвращением, госпожа Льяна, — кланяется она.

— Не чувствую себя вернувшейся, но спасибо.

Женщина медлит, словно сомневается, но всё же спрашивает:

— У вас новая горничная, госпожа?

— Сейчас мне это нужно, — пожимаю я плечами. — Признаться, я бы и дольше оставалась у тётушки, я совершенно не пришла в себя.

Эта женщина... она кто? Похоже, что как раз горничная Льяны, но уверенности у меня нет. Возможно, она старшая горничная, экономка... Нет, не экономка, на улице рядом с дворцом её не было.

— Я понимаю.

Черис сказала отправить горничную присматривать за могилами родителей, причём фраза была сформулирована как приказ.

Меня передёргивает от... ужаса.

Я стараюсь не думать, что превращена в живую марионетку. Побой — не самое страшное, если честно. Меня пугает, что садистка Черис прикажет сделать что-нибудь по-настоящему чудовищное: покалечить, убить...

Что скрывается за предложением присмотреть за могилами? Смахивать опавшую листву и зажигать свечи?

— Я...

— Госпожа, позвольте мне кое-что вам показать? — перебивает женщина. — Это важно.

Хм... Почему бы и нет? Если я получу информацию, которой не располагает Черис, это может быть полезно. В любом случае наладить с женщиной контакт правильно — через неё я смогла бы действовать за спиной моей кукловодки. То же сообщение де Мракаю передать. Осмотреться тоже не помешает.

Чем больше я думаю, тем больше мне нравится эта идея.

Неожиданностью становится то, что женщина приглашает меня не в какую-то комнату, как можно было бы ожидать. В кабинет родителей, например, или в кабинет дворецкого. Вместо этого она приводит меня к боковой террасе. Под козырьком крыши уютно обустроен уголок для чаепития, ступеньки уводят в сад, и мы спускаемся.

Только сейчас я замечаю странность — листья на деревьях жёлто-красные, осенние, а трава по-летнему сочная, зелёная, да и мелкие кусты зеленеют. Огненный окрас только у деревьев, похожих на клёны.

Пока я глазею, женщина сворачивает с центральной дорожки на заросшую едва заметную ниточку тропинки.

— Что именно ты хочешь мне показать? — останавливаюсь я.

Женщина оборачивается.

От неё исходит напряжение.

— Тайник, — отвечает она.

Тропка выводит к подёрнутому ряской пруду. Вода отражает серые тучи и сама кажется свинцовой. Деревянный навес обломился, наполовину утонул и медленно гниёт, по доскам расползаются тёмные пятна, пучит глаза серовато-зелёная с чёрными вкраплениями лягушка. Кусты разрослись и смыкаются кронами.

Черис была не так уж и не права, выразив недовольство садовником...

Женщина останавливается у самой кромки воды:

— Взгляните, госпожа, — она пристально вглядывается в нерозрачную толщу воды.

Я осторожно подхожу ближе.

— На что?

Пруд и есть пруд.

Я запоздало понимаю, что, придя сюда, совершила огромную ошибку. Себя можно оправдывать бесконечно — слишком много навалилось в один день, давит одно осознание, что на шее затянута петля, у меня не было причин не доверять слугам... Всё это не имеет значения, потому что сильный толчок отправляет меня напрямик в воду.

Я падаю, выставив руки.

Первый испуг проходит. Я успеваю глотнуть воздуха. Сейчас я погружусь с головой и вынырну, плавать я умею. Лишь бы о камни не разбиться, кто знает, что скрывается на дне.

На что она рассчитывала?!

Я и правда падаю в воду, но ожидания напрочь расходятся с реальностью. На поверхность меня выталкивает неведомая сила. Сначала мне кажется, что я всплываю в утопленной лодке, вода выплёскивается за борт.

Над головой смыкается купол, раздаётся тихий щелчок, и лодка плавно приходит в движение.

Только никакая это не лодка. Если экипаж Черис похож на яйцо... курицы, то я оказалась в яйце какой-нибудь перепёлки. Мягкое сиденье, приятная на ощупь обивка. Салон наполняется тёплым воздухом, и я ловлю себя на том, что стучу зубами — вода в пруду оказалась ледяной.

Меня разбирает истеричный смех — меня похитили, да?

Самый худший день в моей жизни...

Наверное, за всю жизнь со мной не произошло столько, сколько сегодня.

Кем бы ни был похититель, он весьма заботлив. Впрочем, забота не помешает ему меня убить. Не так ли, господин Ариэль? Едва ли я ошибусь, если предположу, что моё похищение его рук дело.

Подогрев салона помогает слабо, мокрая одежда липнет к телу, нос начинает хлюпать.

Я пытаюсь найти кнопки, окошки, рычаги — что угодно, что позволит открыть купол, перехватить управление, связаться с водителем, если он есть, но я не зря сравнила экипаж с яйцом, стенки абсолютно гладкие, их разве что разбить изнутри. Как заставить купол открыться, остаётся для меня загадкой.

Экипаж, судя по ощущениям, замедляется. Дорога заняла около четверти часа, что только подтверждает мои подозрения в адрес соседа.

Когда купол открывается, я усилием воли расправляю плечи. Ариэля я буду встречать с гордо поднятой головой. И я совсем не удивляюсь, когда он отвешивает мне шутовской поклон и ухмыляется:

— Госпожа Льяна, добро пожаловать во владение де Мракай.

— Кто бы мог подумать, что вы промышляете похищениями, господин Ариэль.

Он морщится:

— Уверяю вас, госпожа, я не намерен вас удерживать на своей территории. Предлагаю считать нашу встречу принудительным визитом.

— Пожалуй, я соглашусь. При условии, что вы выдадите мне чистую и сухую сменную одежду, одеяло и горячий чай.

Ариэль с неожиданной галантностью подаёт мне руку, а ощутив, насколько мои пальцы холодны, хмурится и знаком показывает слугам помочь мне. Я, естественно, не отказываюсь, и горничная, представившаяся Майлой, провожает меня в гостевую спальню.

Мне настолько зябко, что я толком ни на что не обращаю внимания, в памяти отпечатались лишь смутные образы — всё тот же жёлто-красный лес, морось с ватных облаков, особняк, опоясанный колоннами, светлый интерьер и мозаичные панно на стенах, пряный запах... благовоний?

Служанки стягивают с меня платье. Я не сопротивляюсь и с радостью соглашаюсь принять горячую ванну. Мне действительно нужно согреться. А заодно попытаться понять, чем мне грозит похищение.

Ариэль не запер меня в клетке, не посадил на цепь, поддерживает светскую вежливость. Обольщаться не стоит, но и паниковать рано. Майола взбивает пену, добавляет несколько ароматических масел.

Как давно я была в салоне красоты? Служанки не просто помогают мне согреться, а проявляют инициативу — одна вылавливает из воды мою ногу и принимается за педикюр, другая — за маникюр, третья наносит на волосы жирный пахнущий травами бальзам.

Поданный прямо в ванну глинтвейн подействовал успокаивающе, я расслабилась.

— Тётушка заметит моё исчезновение, — единственное, что меня всерьёз беспокоит.

Как эта сумасшедшая отреагирует, обнаружив мою пропажу? Дёрнет за поводок?

— Госпожа, не беспокойтесь, госпоже Черис помогут не заметить, — улыбается Майла.

— Хорошо..., — соглашаюсь я и, кажется, вызываю недоумение.

Я почти решилась: если Ариэль найдёт способ избавить меня от поводка, то я готова выступить перед Советом в его пользу. Я даже готова дать показания против Черис, лишь бы меня признали жертвой и отпустили. Желательно, с денежной выплатой на первое время. Если я в родном мире встала на ноги, то и здесь смогу.

Мозг со скрипом начинает прокручивать шестерёнки, и я задаюсь простым вопросом — почему вместо горячей ванны я получила полноценный уход с макушки до ноготочков? Меня даже на кушетку переманили и растирают массажным маслом.

Веки тяжелеют...

— Госпожа, просыпайтесь, — звучит над ухом мягкий голос.

Хм? Встрепенувшись, я приподнимаюсь на локте, оглядываюсь. Новый мир... это был не кошмарный сон?

Надо отдать девушкам должное — я чувствую себя отдохнувшей, даже разомлевшей, что называется, заново родившейся.

Я провожу по волосам — никогда, даже в лучшие времена, у меня не было настолько шелковистых и послушных, волосок к волоску без тонны лака и фиксатора — волшебство. Маникюр радует аккуратностью и моей любимой овальной формой, а кожа — безупречной гладкостью.

Майла подаёт мне новое нижнее бельё, быстро собирает на голове рыхлый пучок, губы подкрашивает розовой помадой.

Готовят будто наложницу к ночи с падишахом. Но платье подают закрытое, из плотной ткани, уместное для деловой леди, но никак не

для одалиски, и этот диссонанс с омовением и тщательной подготовкой только добавляет загадочности.

Жемчужно-серое платье с белыми вставками оказывается мне к лицу, я с удовольствием смотрю на своё отражение в зеркале.

— Госпожа, прошу.

Даже обувь новая.

Я начинаю подозревать, что Ариэль выбрал пруд именно ради возможности загнать меня в ванну. Я слишком фантазирую?

— Госпожа де Ривей, господин ждёт вас.

— Да, я готова.

Ложь.

Когда я понимаю, что меня ведут не просто на первый этаж, а куда-то ниже уровня земли, вспоминаются слухи о причастности Ариэля к убийствам и многочисленные киношные сцены жертвоприношений.

Глава 5

Зал с низким сводом облицован необработанными камнями, отчего начинает казаться, что я спустилась в пещеру. Чадят самые настоящие факелы, отсветы пламени играют на лице Ариэля. Он стоит полубоком к высокому плоскому камню, подозрительно похожему на алтарь, а очертания скрывающийся в нише статуи только подкрепляют мою уверенность.

Я останавливаюсь.

— Смелее, госпожа Льяна, — подбадривает Ариэль. Он всё также вежлив, но губы кривит ухмылка.

Шагнув навстречу, я разглядываю алтарь. Ни верёвок, ни других креплений. Конечно, утихомирить можно и без кандалов, но всё же я чувствую себя увереннее.

— Господин Ариэль, — я запинаюсь. Поводок не позволит мне сказать лишнего, формулировать придётся очень осторожно, чтобы не переступить черту дозволенного.

— Избавьте меня от той чуши, которую вы собираетесь мне сообщить, Льяна, — Ариэль смеряет меня неприязненным взглядом. — Я прекрасно знаю вашу настоящую цель, поэтому...

— Не знаете, — возражаю я.

В гробу я видела владение де Ривей! Пусть забирает.

Но что он имеет в виду, говоря “я знаю вашу настоящую цель”? По его мнению, цель сохранить владение за собой не настоящая?

Ариэль вынимает из внутреннего кармана чёрный флакон, подбрасывает на ладони и резко, с замахом бросает на алтарь. Раздаётся звон бьющегося стекла. Разлетаются осколки, и на алтарь выплёскивается... ночь. Иначе и не скажешь.

Мрак растекается по всему залу, сквозь навалившуюся тьму свет факелов не пробивается. Я не столько вижу, сколько угадываю смутное движение. В темноте кто есть, и я говорю не об Ариэле. Тени вздыхают, стонут.

Он выпустил призраков?!

Я надеялась поговорить, но... не сложилось.

Пора драпать.

И вспомнить, что у меня вроде бы тоже есть магия.

Отступив на шаг, я разворачиваюсь и, стараясь ступать неслышно, иду в сторону выхода. Прوماхнусь — отыщу проём на ощупь. Мне бы до стены добраться. Шаг, другой. За плечом дуновение воздуха. Я вздрагиваю, но продолжаю идти. Впереди вспыхивает призрачный свет. Бледно-розовое сияние подсвечивает... алтарь.

Я не могла ошибиться! Я вижу иллюзию или мне довериться глазам и повернуть обратно? Я переступаю с ноги на ногу.

Света становится чуть больше. У алтаря появляется призрачная фигура. Голову венчает усыпанная драгоценностями рогатая шапка, лицо скрыто вуалью, контуры размыты. Одежда пышная, бесформенная, под такой легко может скрываться и женщина, и мужчина, оттого фигура кажется бесполой.

Пожалуй, правильное решение — бежать.

Я делаю шаг назад, но ни на миллиметр не отдаляюсь. Разворачиваюсь и бегу — но остаюсь на месте.

Другой призрак, выдававший себя лишь лёгким ветерком обретает очертания. И оказывается даже ближе, чем я ожидала! Почти вплотную. Я шарахаюсь, однако тьма не пускает, я перебираю ногами попусту.

Этого призрака я могу рассмотреть — молодая женщина в длинном платье. Уши заострённые.

Она эльфийка?

Женщина смотрит в сторону алтаря пустым взглядом. Не похоже, что в ней есть хоть капля сознания.

— Хей, — на пробу окликаю я, но тьма поглощает мой голос, не раздаётся ни звука.

Из тьмы выныривает Ариэль и перехватывает меня за руку.

Инстинктивно я пытаюсь вырваться, но хватка у него железная. Ариэль успел растерять остатки добродушия, вид мрачный. Не похоже, что он рад происходящему, однако отступать он не собирается.

Между тем женщина словно замечает его появление, вперила в него немигающий взгляд, по-прежнему пустой, бессмысленный. Спасибо, что не в меня.

— Послушайте! — и снова выкрик в пустоту, я сама себя не слышу.

Хватка на запястье становится немного болезненной. Ариэль предельно напряжён, и на меня он при этом не обращает внимания, он целиком и полностью сосредоточен на призрачной женщине.

— Леди Лаэль, даруешь ли ты Мирэлю статус твоего мужа? — свистящим шёпотом спрашивает бесполой фигура.

Меня передёргивает.

Голос не назвать неприятным, но я на одних инстинктах понимаю, что говорит мертвец. Хочется бежать прочь, зажав уши.

— Дарую, — твёрдо отвечает призрачная эльфийка.

Что происходит?

С одной стороны, меня зовут Яна, Янри или в худшем случае Льяна. Уж точно не Лаэль, вопрос не имеет ко мне никакого отношения. С другой стороны, весьма сомнительно, что Ариэль держит меня в качестве зрителя.

Бесполой фигура опускает ладонь на алтарь:

— Тьма услышала. Мирэль твой, Лаэль.

Эльфийка вскидывает руку, с её пальцев срывается чёрный дым. Странно, что в окружающем мраке я могу его видеть. Может быть, потому что с появлением призраков посветлело? Дым устремляется к Ариэлю, но... он рывком притягивает меня к себе, буквально впечатывает в своё тело, я утыкаюсь носом ему в грудь, и... закрывается мной как живым щитом, тьма ударяет мне в спину.

Я замираю в ожидании боли, но боли нет. Сегодня я уже испытывала нечто похожее, когда меня затягивало из родного мира в этот. Неприятно, но терпимо.

Магия течёт по венам, я ощущаю, как становлюсь сильнее, но магии слишком много. Наверное, я бы в считанные мгновения лопнула, как перекачанный воздушный шарик, если бы сила не нашла выход — через мои руки она перетекает в Ариэля, поднимается уже по его венам.

— Мой..., — доносится до меня сладострастное бормотание эльфийки.

— Мой, — интуитивно повторяю я.

Поток магии неуправляемый, однако я могу чувствовать его биение. Магия привязывает Ариэля ко мне.

И не только я это ощущаю.

Ариэль вдруг бледнеет. Неверие, ужас...

— Ты тёмная?!

Теперь уже он не только отпускает меня, но и сам отталкивает, однако магия вжимает нас друг в друга, склеивает надёжнее любого клея, формируется что-то вроде моего поводка-невидимки.

Постепенно поток магии слабеет, иссякает.

Исчезают призраки, свет факелов разгоняет мрак.

Ариэль отстраняется, и меньше всего он похож на победителя.

— Что-то пошло не так? — с лёгким злорадством хмыкаю я. Сочувствия я точно не испытываю. Слишком много нервов он мне вытрепал там, где надо было просто поговорить и к взаимному удовольствию договориться.

— Ты тёмная! — повторяет Ариэль.

— Нас можно поздравить с браком?

Логично, на самом деле. О здешних законах у меня представления самые поверхностные, но тем не менее не трудно догадаться, что статус мужа даст Ариэлю преимущество в борьбе за владение де Ривей. Правильнее сказать, он не оставил Черис и шанса.

— Себя поздравь, — огрызается он. Если бы не неприкрытый страх во взгляде, я бы разозлилась.

Так...

Получается, с настоящей Льяной ритуал бы не сработал? Тогда какой смысл его проводить? Скорее ритуал сработал бы, но не так? А как? Миллион вопросов, ответов на которые у меня нет. Я смотрю на Ариэля.

Он вцепился в полу пиджака, пальцы настолько напряжены, что кажутся сведёнными судорогой. А может и не кажутся.

Попытка поговорить номер два?

Почему он застыл словно ждёт, что инициативу проявлю я? Я не спешу, слежу за игрой отблесков на его лице. Молчание затягивается.

“Выкать” хватит — Ариэль первым перешёл на “ты”.

— Здесь продолжим или в более уютное место переберёмся? — предлагаю я.

— Как пожелаете, госпожа.

Хм?

Снова на “вы” и “госпожу” зачем-то приплёл. Язвительностью захлебнуться можно.

Пожав плечами, я обхожу алтарь и приближаюсь к нише. Мне кажется важным рассмотреть статую, но изображение укрыто тёмной тканью, наброшенной на манер балахона, лицо наполовину прикрыто.

— Идём? — оглядываюсь я и первой направляюсь к выходу из подземелья. — Где мы можем поговорить?

Ариэль следует за мной.

Я почти физически ощущаю исходящий от него... мрак? К ужасу примешалось отчаяние, злость. Да что с ним?

Он приводит меня в гостиную на втором этаже. Светлая комната с потрясающим панорамным окном, выходящим на жёлтый лес, меблирована мягкими креслами, расставленными с продуманной небрежностью. На первый взгляд может показаться, что кресла окружают чайный столик, но одно выдвинуто чуть назад, визуально отделено бежевым ковром, стена за спинкой декорирована абстрактной мозаикой. Словом, очень тонко, на ассоциациях, кресло представлено троном.

И Ариэль уступает мне его, а сам встаёт за спинку обычного кресла, облокачивается. На губах снова кривая ухмылка.

Проигнорировав, я сажусь у окна.

— Так что пошло не по плану-то? — переспрашиваю я вполне миролюбиво, но Ариэль стискивает спинку кресла с такой силой, будто в его воображении это моя шея..

— Всё. Поздравляю, госпожа. Вы меня подловили. Не ожидал, что вы отречётесь от Света.

Что-что?

Неправильный у нас разговор. Как у кота с вороной. Звуки вроде издаём, а понимания ноль.

— Ты против моей воли подстроил наш брак и планировал таким образом получить контроль над де Ривей. Я правильно поняла твой план?

— Да, правильно, госпожа Льяна.

— Тогда у меня для тебя плохие новости. Твой план изначально был обречён. Потому что я не Льяна.

— Что?

— Я не Льяна де Ривей, — повторяю я с улыбкой. Поводок на мои откровения никак не реагирует, словно после ритуала Ариэль стал своим, и это не может не радовать. — Настоящая Льяна мертва, а я

всего лишь очень похожая на неё девушка. Не знаю, как Черис меня отыскала, но факт остаётся фактом.

Кажется, мои откровения оказались той соломинкой, которая переломила спину верблюду. Ариэль закрывает лицо руками, издаёт тихий стон. Даже сочувствие проклёвывается, но я напоминаю себе, что, во-первых, Ариэль заварил кашу сам, во-вторых, мои желания он не учитывал. Брак-то он мне навязал.

— Проклятье, — выдыхает он. — Чем ты думала, когда соглашалась?!

Он обходит кресло, садится.

Я прищуриваюсь:

— Следил бы ты за собой. Я тебя не похищала, замуж принудительно не выходила. Не надо валить с больной головы на здоровую.

— Не моё дело, согласен. Но от этого твоё решение менее безумным не становится.

А не проверить ли мне одну смутную догадку?

— Для начала расскажи мне всё, что знаешь о гибели семьи де Ривей и о причинах, по которым ты так стремишься получить их владение немедленно.

Мой вопрос звучит как приказ.

Сможет ли Ариэль его проигнорировать?

Его аж перекашивает, в глазах океан ненависти и вместе с тем обречённости.

— Я не причастен к их гибели, хотя вот ни капли не расстроен. По версии следственной группы от Совета господин де Ривей вышел с супругой и дочерью на прогулку, во время которой почувствовал аномальную активность портала. Он отправился к месту, супруга и дочь последовали за ним. Якобы господин де Ривей на какое-то время потерял контроль. Хотя ему удалось усыпить портал, ценой стали его жизнь и жизнь супруги. Некоторое время ходили слухи, что Льяна де Ривей также погибла, но вскоре поступило заявление от госпожи Черис, в котором та уверяла, что племянница жива и находится на лечении.

Ушам не верю, у нас начинает получаться диалог! Принудительный, пфф!

Я не только слушаю, но и отслеживаю реакцию Ариэля. Он чуть успокаивается. Или, скорее, возвращает над эмоциями контроль. На меня он не смотрит, уткнулся взглядом в пузатую вазу и будто с ней беседует, а не со мной.

— А что насчёт спешки? — напоминаю я второй свой вопрос.

Важно ли допытываться? По идее, для меня самое важное избавиться от поводка, владение де Ривей мне безразлично. Важно, потому что, увы, свалить ни в родной мир, ни в закат, мне пока что не светит.

— В де Мракай располагается Туманная низина, кто-то пытался её разбудить. Мне удалось предотвратить катастрофу, но не поймать диверсанта, однако охранный контур был повреждён, и мне нужен ключ, чтобы его замкнуть.

— И-и-и?

— Когда-то де Ривей и де Мракай были единым владением, ключ находится на территории де Ривей. Господин де Ривей отказал мне в доступе, госпожа Черис тем более откажет. Я пытался действовать через Совет, однако они нарушения контура не увидели.

— Или не захотели увидеть?

Во что я вляпалась?

Почему, каждый раз, когда я думаю, что концентрация проблем достигла предела, их количество и качество возрастает. Вот только что я узнала, что я не просто сижу на поводке, а сижу, пристёгнутая к пороховой бочке.

Ариэль только ухмыляется.

— Незаконное проникновение не вариант?

— Не вариант. Мне нужен доступ не к территории, а к магическим потокам.

Я не настолько наивна, чтобы безоговорочно довериться рассказу, но в целом, полагаю, Ариэль сказал правду. Всё же магия...

— Если бы не Черис, ты бы уже получил желаемое. Так?

— Так.

Я невольно попадаю в болезненную точку, Ариэль сжимает кулаки, ненависть вспыхивает с новой всепоглощающей силой. Зато я окончательно для себя уяснила основные моменты.

— Ариэль, как насчёт сделки?

Поводок будто от спячки очнулся и предупреждающе сжимается. Вероятно, реагирует на мои намерения?

Я хватаюсь за шею, тру, а заодно мысленно заверяю поводок, что не буду говорить то, что собиралась.

— Сделку? Разве вы не поняли, как подействовал ритуал, госпожа?

Далеко не всё поняла, и вообще, ритуал история отдельная.

— Мои родители небогатые люди. Говоря откровенно, нищие. Вероятно, Черис соблазнила их деньгами, а они убедили уже меня. Я говорю “вероятно”, потому что совершенно ничего не помню. Из оговорок Черис я поняла, что она каким-то образом буквально влила в меня силу, и вроде бы связала клятвой. Каждый раз, когда я хочу нарушить её приказ, меня начинает душить невидимый поводок. Так вот, я не буду препятствовать, забирай ключ, забирай владение де Ривей целиком, но взамен мне нужна помощь... с родителями.

Я не могу сказать прямо “освободи меня от поводка”. Но иносказания достаточно, чтобы Ариэль понял.

— Помочь... родителям, — хмыкает он.

— Ты согласен?

Вместо ответа Ариэль отходит к окну. Любоваться его спиной мне совсем не интересно, хотя, надо признать, вид шикарный, что с лица, что с тыла. Фигура в моём вкусе — подтянутая, жилистая, я легко могу представить, как Ариэль небрежно поднимает пудовую гирю, но при этом нет ничего общего с габаритами такого быка-тяжеловеса. Пропорциональный, с грацией танцора. Может быть, Ариэль умеет танцевать.

Воображение рисует картинку, от которой мне моментально становится жарко, кровь приливает к щекам, а фантазия становится совсем уж неприличной. Я ловлю себя на том, что облизываю губы.

Как напрягаются его плечи, я замечаю только потому что смотрю почти не моргая.

Ариэль тягуче медленно оборачивается.

Его голос звучит особенно низко, хрипло, провокационно:

— О чём вы сейчас думаете, госпожа?

Он... эмпат?! Или ещё хуже, читает мысли?

Чувство неловкости отрезвляет:

— Тебе не стоит знать, — мямлю я.

Уверена, что он всё понял!

Мы молчим.

А ведь мы попусту тратим время, когда где-то там, в соседнем владении, Черис может хватиться меня в любой момент. И не только Черис. Приставленная ко мне горничная точно заметит. Доложит ли?

— Помочь вам... с родителями, — Ариэль выделяет голосом, — в моих интересах. Клятва и неизвестный способ сделать из вас мага... Больше ничего?

— Черис упомянула, что-то про настоящую мощь и противопоставила её чистой энергии.

— Она имела в виду тьму, — Ариэль не заинтересовался. — Позвольте, я посмотрю?

Он подходит ко мне на расстояние вытянутой руки и жестом просит встать. Я послушно поднимаюсь. Ариэль обходит меня по кругу, его глаза наливаются чернотой и превращаются в два бездонных провала. Выглядит жутко. Ариэль делает ещё один круг. Не знаю, что он там видит, но настроение у него заметно улучшается. Он выпускает из руки несколько сплетённых из дыма жгутиков и... Для меня, непосвящённой, со стороны его действие кажется ощупыванием воздуха. Может, ауру проверяет?

Постепенно его глаза приходят в норму, вспыхивает и гаснет синий кристалл на цепочке.

— Госпожа, я попрошу вас ненадолго задержаться в де Мракай, мне нужно кое-что подготовить для помощи... вашим родителям.

— Конечно.

— Если вам что-либо понадобится, слуги в вашем распоряжении, я предупрежу.

Я остаюсь в комнате одна.

Ариэль улетучился. Не в буквальном смысле. Выскочил за дверь, будто за ним бесы гнались.

Проводив его взглядом, я опускаюсь в кресло и запрокидываю голову. Моя проблема так легко решится? Было бы здорово, но не стоит радоваться раньше времени. Ариэль ведь в первую очередь будет думать о себе, своих интересах.

Я про связавший нас брачный ритуал не расспросила...

Надеюсь, я не совершила очередную ошибку.

Я поднимаюсь и выхожу в коридор. У стены ожидает знакомая мне горничная, Майла.

— Госпожа, — она кланяется, — желаете отдохнуть? Прикажете подать обед или лёгкие закуски? Осмелюсь рекомендовать вам посетить Коллекционную. Собрание редкостей не самое большое, зато можно увидеть поистине уникальные артефакты.

Надо полагать, Ариэль приказал меня занять?

Нет уж, сокровищами меня не соблазнить.

— Майла, проводи меня кратчайшим путём в библиотеку своего господина.

Когда-то я читала, что в богатых усадьбах книги, не предназначенные для гостей, держали в так называемой господской библиотеке. Я специально подчёркиваю, куда именно меня отвести. Правда, я смутно представляю, как найду нужную мне информацию без “окей, гугл”. По-старнке, ручкам? Шурша страницами и оставляя на подушечках пальцев порезы? Ужас, если честно.

— Но, госпожа... У господина нет дамских романов и других интересных книг, только скучные справочники по магии.

Ариэль не хотел, чтобы я шарила по его полкам или Майла проявляет инициативу?

— Отведи, — повторяю я. Будучи гостьей, я, естественно, не позволила бы себе подобного, но факт похищения избавил меня от моральных терзаний. А уж если вспомнить наш брак по принуждению...

Майла вроде бы сдаётся, приглашает по коридору налево, но всё же продолжает ворчать:

— Господину не понравится.

— Его проблемы, — фыркаю я.

В зеркале я ловлю полный негодования взгляд. Кажется, моё пренебрежение к Ариэлю Майла восприняла чуть ли не как личное оскорбление. Я притворяюсь, что не заметила. В конце концов, Майла ко мне спиной, нет необходимости скандалить, тем более дойти до библиотеки интереснее.

Может, Майла нарочно провоцирует?

Распахнув дверь, она отступает в сторону, пропуская меня к высоким, почти до потолка, застеклённым шкафам. На полках теснятся книги в преимущественно тёмных обложках. На корешках имя автора

и название выведены мало того, что мелко, так ещё и каким-то готическим нечитаемым шрифтом.

Что я хочу найти? А что получится. Хоть про магию в целом, хоть про брачный ритуал, мне любая информация в радость.

Помимо самих книг в библиотеке у широкого окна устроен рабочий уголок, а вот уютной зоны чтения с мягкими диванчиками и чайным столиком нет.

С чего начать? Я прохожу к столу из расчёта, что Ариэль мог не дочитать какую-то книгу и осветить. Правда, залезать в ящики я не готова, несмотря на лёгкую злость.

И мне везёт!

При ближайшем рассмотрении за столом оказывается этажерка, и на ней сразу две стопки книг. Если честно, я не уверена, что Майла привела меня в библиотеку Ариэля, а не какую-то другую, но вслух я сомнения не высказываю и сажусь за стол, вытягиваю из стопки нижнюю, самую толстую книгу, но быстро понимаю, что промахнулась. “Контроль потоков тёмной магии во время ритуала. Том второй” не то, что может понять случайный человек. Я беру следующую и попадаю в десятку — “Виды и особенности магических связей у тёмных эльфов”. Меня немного смущает, что ни тёмной кожи, ни острых ушей у Ариэля нет. Либо тёмный эльф затесался среди его предков, либо магические связи работают и с людьми, лишь бы те были тёмными. Я углубляюсь в введение. И сходу спотыкаюсь об отсылку к другой книге — “Теория магических связей”.

Вникать в книгу, рассчитанную на читателя, обладающего базовыми знаниями предмета...

“Магические связи... бла-бла-бла... Связи особенно сильны, так как ритуал обычно проводится жрицей в храме...бла-бла-бла”.

Я возвращаюсь к оглавлению — буду читать непосредственно про заключение браков, которому посвящена отдельная глава. Я нахожу нужный раздел. Мне повезло, что автор книги вставил довольно большое примечание, касающееся культурных отличий. У людей браки заключаются двух видов — договорные, когда подписывается брачный договор, но не даются клятвы, закреплённые магией, и магический. У тёмных эльфов браков... нет.

Глава 6

Перечитывать приходится раза три — чтобы убедиться, что я поняла всё верно. Картинка потихоньку выстраивается в голове. Я даже с магией более-менее разобралась! Правда, для этого пришлось заглянуть в справочник, благо стеллаж с ними расположен ближе всего к рабочему столу, и найти нужный труда не составило.

Итак, преимущественно маги пользуются чистой энергией, и от объёма резерва зависит сила мага. Грубо говоря, у одного литровый горшок, а другого — трёхлитровый, оба доверху заполнены водой. В столкновении выиграет тот, у кого резерв больше. Однако помимо чистой энергии есть Свет и Тьма. Если продолжать аналогию с банкой, то две одинаковые, допустим, снова литровые, заполнены доверху, но первая пухом, а вторая... щебнем. Побеждает “тяжеловес”. Адепт Тьмы или Света легко уложит на лопатки приверженца чистой энергии, даже если по объёму резерва тот будет превосходить его в несколько раз.

Возникает закономерный вопрос, почему все поголовно не выбирают одну из сил...?

Хочется всё и сразу! Я себя останавливаю — прыгая с темы на тему, я только запутаюсь.

Я возвращаюсь к брачному ритуалу, сначала разберусь с ним.

Ариэль тёмный, никаких сомнений. Во мраке он чувствовал себя как рыба в воде. Скорее всего, Свет бы Ариэля, как минимум, ослабил, а, как максимум... нокаутировал. Больше того, вероятно, сотканые из Света узы, продолжали бы ослаблять Ариэля постоянно.

От уз, созданных чистой магией Ариэль отказался, поскольку Ариэль считал Льяну светлой: она бы чистые узы легко порвала. Остаётся Тьма.

Хм...

Подчинить Льяну он, вероятно, опасался из-за реакции Совета. Равная связь его тоже не устроила. Зачем соглашаться на равенство, когда можно получить преимущество? Да и не факт, вообще возможно установить тёмную связь равных со светлой.

— Занятно...

— Госпожа? — тотчас окликает Майла.

Я не стала её выставлять, пусть смотрит, если хочет.

— Ничего, мысли вслух.

Ариэль... гений?

Надо быть очень особенным, чтобы додуматься до столь смешного фокуса.

У тёмных эльфов царит лютый матриархат. Браков в привычном понимании у них нет, как нет и такого слова. Однако аналог магической брачной связи всё же есть, только она односторонняя — привязывает мужчину к женщине, а женщине даёт над ним власть.

Ариэль не мог игнорировать мои пожелания, высказанные в повелительной форме...

По его задумке Тьма не только бы ослабила светлую Льяну, но и не дала бы ей никакой реальной власти, связь бы установилась, но работала бы против Льяны. Однако Ариэль феерически промахнулся.

Я, стараниями Черис, тёмная.

Как ко всему этому относиться? А пока не знаю... Разберусь. Со временем. Главное, что магия не позволит Ариэлю мне навредить.

Что же, вопрос с браком частично закрыт.

Я возвращаюсь к полюбившемуся справочнику.

Но прежде...

— Сколько времени я читаю? — спрашиваю я у Майлы. Горничная так и не сдвинулась с места, словно её ни капли не тяготит изображать из себя статую. — Два с половиной часа, госпожа.

То-то я чувствую, что глаза слезятся. Когда я увлекаюсь, совершенно теряю счёт часам. По внутренним ощущениям прошло минут сорок.

Но разобраться, почему “чистые” маги отказываются от халявного могущества, надо.

— Вынужден прервать ваше приятное времяпровождение, госпожа.

Я поднимаю глаза.

В библиотеку вошёл Ариэль, он жестом отсылает Майлу и захлопывает дверь, стремительно пересекает разделяющее нас расстояние, подходит вплотную к столу и, не скрываясь, проходится оценивающим взглядом по потревоженным стопкам книг, зло усмехается, но вслух недовольства не выражает.

Зажав страницу пальцем, я захопываю справочник:

— Слушаю?

— Я не рассчитывал, что вы задержитесь в де Мракай так долго, нам следует вернуться.

— “Нам”?

— Я сопровожу вас, госпожа. Это в наших интересах. Не беспокойтесь, вы имеете полное право привести в дом супруга без согласования с госпожой Черис.

— Хорошо.

Ариэль опускает на стол очередной заполненный тьмой флакончик. Я с любопытством разглядываю непроницаемые для взгляда матовые стенки. Тронуть не решаюсь. Не дождавшись от меня вопросов, Ариэль сам поясняет:

— Тёмным, а госпожа Черис по вашим словам тёмная, соприкасаться с Тьмой полезно. По возвращению сразу же преподнесите сосуд ей. Госпожа, наша связь не позволяет мне вам солгать. Содержимое сосуда не причинит госпоже Черис вреда, напротив, ей действительно может пойти на пользу. Осторожнее, сосуд хрупкий.

А может и не пойти?

Думаю, не тот случай, когда следует задавать вопросы. Я осторожно поднимаю флакон. Стекло обжигает ладонь холодом, будто его только что из морозилки вытащили.

Я притворяюсь, будто мне интересен флакон, но на самом деле из-под ресниц наблюдаю за Ариэлем. Ни торжества, ни злорадства, ни любой другой реакции, выдающей, что я попала в его ловушку, я не замечаю.

Всё в порядке?

Ох, не знаю...

Раздаётся стук в дверь — два быстрых удара. Дождавшись разрешения Ариэля, входит Майла. За ней следуют младшие горничные, и они держат мою одежду, уже высушенную, приведённую в порядок. Ариэль ни слова ни говоря выходит.

Я с некоторой опаской опускаю флакон обратно на стол. Вдруг разобьётся? Вдруг именно на это рассчитывает Ариэль?

К счастью, ничего плохого не происходит.

Благодаря помощи служанок я меняю платье в считанные минуты, Майла поправляет мне волосы. В библиотеке нет зеркала, но я не сомневаюсь, что выгляжу как до падения в пруд. Окинув меня придирчивым взглядом с ног до головы, Майла стряхивает с моего плеча несуществующую пылинку и выходит в коридор:

— Господин, госпожа Льяна голова и ожидает вас, — Майла будто стремится показать, что у меня здесь более низкий статус.

Это же не ревность, правда?

— Можешь идти, — Ариэль обдаёт служанку холодом и протягивает мне руку.

Прихватив флакон, я выхожу:

— Есть что-то, что мне нужно знать заранее?

Ответ уверенный:

— Нет.

Мы спускаемся к боковому выходу. Ариэль как само собой разумеющееся подал мне руку, а я машинально ухватила за его локоть, и только на середине лестницы меня догоняет осознание, что мы идём вместе как пара. То, что формально мы и есть пара, я ещё не осознала.

Внизу ждёт знакомый миниатюрный экипаж, и Ариэль помогает мне сесть, забирается следом. В салоне он уступает мне лучшее место — лицом по ходу движения, а сам садится от меня наискосок, насколько возможно далеко в тесном пространстве.

Экипаж трогается.

— Ариэль.

— Да, госпожа?

Я морщусь, но сменить манеру обращения не предлагаю. Пока.

— Почему маги из людей обычно пользуются чистой энергией и отказываются от мощи, которую им может дать Свет или Тьма?

У Ариэля такое выражение лица становится, как будто я не вопрос задала, а заставила раскусить лимон самый кислый из возможных.

— Потому что у людей от рождения нет предрасположенности ни к Свету, ни к Тьме, в отличие от тех же эльфов. Среди моих предков были и тёмные эльфы, и сильфы. Я не чистокровный человек.

Хм... По-моему, он увиливает, да?

Я растягиваю губы в неискренней улыбке:

— Ариэль, ответ неполный. О чём именно ты пытаешься умолчать?

Он вздрагивает, обжигает меня ненавидящим взглядом, но сопротивляться не может:

— Чистокровных людей Свет и Тьма разрушают, кого-то быстрее, кого-то медленнее. Госпожа Черис, насколько я слышал, изначально с головой не дружила, нормальный человек не сделает с собой того, что сделала она. Тьма усугубила. Я хотел умолчать, госпожа, что вас, как чистокровного человека, да ещё и не мага, Тьма уничтожит... очень быстро, причём не только разрушит ваше сознание, но и в конце концов убьёт.

Что?!

Я отказываюсь верить!

Вскочив, я сжимаю кулаки. Ариэль усмехается, но без прежней злости, без злорадства и даже с толикой сочувствия. И это значит... что всё очень плохо. Я обессиленно падаю на сиденье, закрываю глаза. Может, проблемы с памятью о моём здешнем прошлом возникли, потому что Тьма сожрала воспоминания? Проела в моём сознании дыру? Спасибо, что личность не затронула... Не затронула? Разве сейчас, когда я вскочила, я не повторила Черис? Или я нормально отреагировала для человека, узнавшего, что смертельно болен?

Я сжимаю виски, будто можно выдавить услышанное обратно, прочь из головы, но... прятаться от проблем не мой стиль.

Медленно открыв глаза, я встречаюсь взглядом с Ариэлем:

— Сколько времени у меня осталось?

— Не знаю. Мало. От недели до месяца.

— То есть тебя можно поздравить со скорым вдовством? — переспрашиваю я.

Хочу домой... К ноутбуку, к треснувшей чашке, к фото обнимающихся на фоне “Либерона” Светы и Миши, всё равно бы у нас с ним не сложилось.

Похлопав ресницами, я прогоняю вставшую в глазах влагу. Реветь я не буду. Не при Ариэле. Ночью в подушку... Когда уже этот проклятый день закончится? Почему он просто не может оборваться, как слишком затянувшийся страшный сон?

— Поздравьте, госпожа, — откликается Ариэль.

Неужели не мог ответить что-нибудь другое? Хотя... для него избавиться от меня только в радость.

— И что, совсем ничего нельзя сделать? Очиститься как-нибудь? — я отказываюсь мириться с неизбежностью.

Ариэль морщится:

— Насколько мне известно, никакого способа нет. Если бы он был, его бы применяли. Верно?

Логично.

Я тяжело вздыхаю.

Неделя... Он сказал, что от недели до месяца. Значит, у меня есть пара дней, чтобы позаботиться о родителях, о Лизи. Тревожнее всего за сестрёнку.

Экипаж замедляется.

— Ты пойдёшь со мной? — уточняю я.

— Не стоит. Уверен, Черис набросится на вас с криком. Постарайтесь сразу же отдать ей подарок.

Звучит сомнительно.

— Я не смогу солгать ей о происхождении подарка. Госпоже Черис достаточно приказать, и я расскажу ей о похищении, о браке, обо всём.

Ариэль позволяет себе снисходительную усмешку:

— Госпожа, просто доверьтесь мне.

По-своему он прав, сейчас тот случай, когда неведение — благо.

Я согласно киваю.

Дверца поднимается, взгляду открывается заросший участок сада, пруд. И издали слышен крик Черис:

— Ищите лучше! Найдите её!

— Быстрее, госпожа, — усмехается Ариэль.

Надо мной смеётся? Я ведь тоже на поводке, как и он... Я резко оборачиваюсь и насмешки не вижу, только нетерпеливое предвкушение. Ариэль вопросительно выгибает бровь. Качнув головой, я отворачиваюсь и по едва просматривающейся тропке через кусты выбираюсь в ухоженную часть сада.

Флакон холодит пальцы. Руки буквально замерзают, будто я держу не стекло с декоктом, а лёд. После купания в пруду, несмотря на то, что согрелась и больше не мёрзну, нет даже намёка на насморк или простуду, пробирающий холод от флакона чувствуется особенно остро.

Оказавшись на широкой аллее, я почти сразу же попадаю на глаза слугам.

Кто-то громко сообщает, что я найдена.

— Сюда, немедленно! — Черис выкрикивает приказ безадресно, но поводок на шее не только сжимается, но и ощутимо тянет. Спасибо, что не рванула.

Прибавив шагу, я последние метры преодолеваю почти бегом.

Черс стоит на верхней ступени крыльца и смотрит на меня сверху вниз. Исходящая от неё злоба настолько густая, что кажется осязаемой. Черис... пугает меня одним своим видом, но я усилием воли давлю страх и заставляю себя приблизиться вплотную.

Флакончик почти обмораживает ладонь.

Я взбегаю по лестнице.

Ударит?

Взгляд многообещающий, но Черис косится на толпящихся слуг. Похоже, при них устраивать сцены она воздержится. По крайней мере пока. До решения Совета? Не важно. Сейчас Черис прикажет мне следовать за ней и за закрытыми дверями...

— Тётушка! — восклицаю я и леплю на лицо самую придурочную улыбку, какую только получается изобразить. — Мне жаль, что я заставила вас волноваться. Но посмотрите, что у меня есть!

Ни слова лжи — мне жаль, потому что её волнение грозит мне побоями.

Я вытягиваю руки и чуть ли не в нос ей упираю флакончик.

Черис отшатывается:

— Что это? — морщится она.

Я угадала — переключается она быстро. Ярость сменяется интересом и недоумением. Видимо, подобные флакончики на дороге не валяются.

— Не знаю, — снова правда.

Я держу флакон слишком близко к её лицу, Черис явно неудобно, и она, видимо, решив, что я нашла его где-то в саду, не чувствуя подвоха, осторожно забирает его у меня двумя пальцами.

Интересно, она не чувствует холода?

Черис рассматривает флакон всё с большим интересом, а я вот замечаю, что стенки потеют, будто и впрямь настоящий лёд оказался в тепле.

Поводок тянет, вынуждая предупредить, сказать правду, но я терплю давление, отступаю вниз.

— Госпожа! — выкрикивает брюнетка, моя личная горничная, имя которой я так и не успела узнать.

— Госпожа Черис, — вторю я. Давление чуть ослабевает, мне удаётся глотнуть воздуха, и я снова замолкаю.

Предупреждения проходят впустую.

Стенки флакончика истончаются в местах соприкосновения с её пальцами. Появляются трещины, с хрустом флакончик складывается, как смятая скорлупа. Черис успевает отбросить его от себя, но заключённая в нём тьма всё равно выплёскивается, и я оказываюсь в крошечном мраке точь-в-точь, как было в храме. Там Тьма не причинила мне вреда. А здесь...?

Я слепо пачусь.

Поводок вопреки ожиданию ослабляет свой удушающий захват. Я касаюсь горла — давление чувствуется, но оно не мешает, только дискомфорт вызывает. Чем-то похоже на ощущение от очень тугого ворота.

Мрак развеивается.

Бесчувственная Черис, раскинувшись, лежит на ступенях крыльца.

Глава 7

Замерев, я смотрю на свою... хозяйку.

С одной стороны, я испытываю невероятное облегчение. Пока Черис без сознания, она не причинит мне вреда, не отдаст абсурдный, неприемлемый для меня приказ. Но с другой стороны... Меня захлёстывает новой тревогой. Только что я убедилась, что поводок не даёт гарантий безопасности. Черис дышит, грудь мерно поднимается и опускается. Больше похоже не на обморок, а глубокий сон. Черис жива. Но и только.

Откуда мне знать, что Ариэль не использует не усыпит меня?

— Госпожа! — к Черис бросается горничная-брюнетка, опускается на колени, зовёт.

Преданность или игра?

— Тётушка, что с вами? — я поднимаюсь на крыльцо.

— Что вы сделали с госпожой?! Что вы ей дали?

Хм?

Я понимаю, что брюнетка знает правду и не воспринимает меня настоящей госпожой. Но это не значит, что я буду терпеть подобный тон. Да и другие слуги смотрят...

— Девочка, притихни.

У меня получается достаточно неплохо. Брюнетка широко распахивает глаза и действительно замолкает. Или она не на командную интонацию среагировала, а удивилась, что девочка из трущоб спокойно приказывает?

Оглянувшись, я пытаюсь высмотреть Ариэля. Вроде бы самое время для эффектного появления, но нет, Ариэля не видно. Неужели рванул за ключом? Но ведь он говорил, что получить ключ без доступа к потокам магии не может...

— Госпожа? — ко мне с поклоном обращается дворецкий, если я угадала его должность. Старший над слугами — в этом я уверена.

— Тётушку нужно перенести в спальню, — киваю я.

Наверное, я сейчас я меньше всего похожа на любящую племянницу, за которую пыталась себя выдать, но меня это не заботит. Я хочу чтобы Черис унесли с глаз долой и... не тревожили. Пусть спит,

пусть видит счастливые грёзы, отдыхает... Пусть в её мечтах ей хоть весь мир принадлежит, не жалко.

Дворецкий степенно кивает и начинает давать распоряжения: зовёт слуг-мужчин, одну из горничных посылает за покрывалом, на которое можно переложить Черис. Как по мне, проще поднять на руки, Черис не худышка, но и особенно тяжёлой не выглядит. Однако дворецкий действует иначе.

Без суеты, но всё делается с приятной быстротой.

Я поднимаюсь следом, когда Черис переносят в спальню и укладывают на кровать. Мужчины сразу же уходят, а горничные остаются переодеть Черис в спальную сорочку. Наблюдать за процессом нет ни малейшего желания, да и неприлично, поэтому я оставляю горничных.

От основного коридора спальню отделяет небольшой будуар — отличное место для ожидания. Я подхожу к окну, взгляд сам собой прилипает к огненно-красному лесу, обступающему дом. В сумерках он по-прежнему смотрится ярким кричащим пятном, и даже вечер не затемняет буйства красок.

На меня наваливается усталость, я прижимаюсь лбом к прохладному стеклу, но тотчас отстраняюсь. Холодным был флакон...

Куда делась брюнетка? Больше всех хлопотала вокруг Черис на крыльце, но в спальне её нет.

И почему дворецкий не предложил позвать врача или мага?

Свалить бы все эти безнадёжные вопросы на Ариэля...

Из спальни выходят горничные:

— Госпожа Льяна, госпожа Черис спит.

Хоть одна хорошая новость.

Я отпускаю служанок, но в последний момент меня озаряет:

— Я не очень хорошо себя чувствую, помогите мне дойти до моей комнаты, — прошу я. Проблема с незнанием, где жила настоящая Льяна, решена.

Горничные слетаются стайкой, и мне остаётся идти туда, куда ведут. Служанки наперебой предлагают чай, травяной отвар, притирки и примочки. Я вяло отнекиваюсь, а, оказавшись в комнате, и вовсе отсылаю их, но на пороге оказывается дворецкий:

— Госпожа Льяна, не нужно ли пригласить врача? Позволю себе заметить, что после длительного восстановления, когда здоровье

особенно хрупкое, следует быть осторожной.

Вроде бы забота, а взгляд внимательный. Он что-то подозревает?

— Спасибо, но я в порядке, — качаю я головой.

— Рад, что вы в порядке, госпожа.

Поклонившись, дворецкий выходит. Вроде бы ничего не случилось, но мне не по себе. Передёрнув плечами, я избавляюсь от сомнений. Всё, что мне нужно — это продолжать.

А пока...

Я с удовольствием сбрасываю сидящие не по стопе туфли, замечаю на каблуках уличную грязь. Мимолётно удивившись, что по дому полагается ходить в том же, в чём и по улице, я босиком прохожу из будуара в спальню.

И понимаю, что я сглупила — избавиться от платья самостоятельно я не смогу. Звать горничных обратно? Не хочу...

Я откидываю край покрывала, сажусь на кровать прямо в платье. В вечернем полумраке комната кажется серой, лишь местами видны проблески позолоты. Присмотревшись, я замечаю лепной орнамент, бегущий по стыку стены и потолка. Трюмо на гнутых ножках словно вышло из покоев венценосной особы. На меня обрушивается роскошь, которую я до сих пор замечала, но не воспринимала, с сейчас, оставшись с ней наедине, я будто в музее оказалась.

Прикасаться к экспонатам в музеях нельзя — я давлю в себе порыв вскочить.

Чужое место, чужая атмосфера. Безотносительно всех перипетий судьбы, я бы предпочла оказаться в лачуге...

О чём я думаю?!

Вот теперь я вскакиваю, чтобы обессиленно рухнуть обратно на кровать и ощутить под рукой мягкость простыней. Я ведь не к родителям хотела вернуться, я испугалась видимого богатства и вместо того, чтобы радоваться комфорту, пожелала спрятаться в привычную нору бедности.

Чем я лучше мамы, которая убрала новый сервиз далеко в шкаф и продолжала пользоваться чашками с трещинками и сколами?

Что я вообще делала со своей жизнью? Почему, стремясь наверх, работая и открывая для себя новые возможности, я одновременно продолжала разрушать своё будущее, себя? Почему, имея все возможности, я палец о палец не ударила, чтобы улучшить качество

своей жизни? Мне кажется, я не справлюсь... Даже сейчас я вроде бы пытаюсь найти выход из западни, борюсь, но одновременно я погружаюсь в отчаяние. Сдаться легко, починить себя... невозможно?

Мне себя так жалко становится...

Может быть, это стресс слезами вытекает? Хочется думать, что я сильная, а минуты слабости бывают у всех, что завтра будет новый день, взойдёт солнце, разгонит мрак и отчаяние, и с новыми силами я встану.

А сегодня можно дать эмоциям волю, и всхлипываю. Подушка становится мокрой.

Я реву, как не ревела с начальной школы, когда потерялась в “Детском мире”, также по-детски, также безутешно, но мне становится по-настоящему легче, и уверенность постепенно возвращается.

Я чувствую осторожное прикосновение к плечу.

От неожиданности я вздрагиваю, испуганно оборачиваюсь.

Рядом со мной на кровати Ариэль.

Парень выглядит обескураженным. Даже ошеломлённо-испуганным, будто ни разу не видел плачущих девушек, а слёзы вместо того, чтобы прекратиться, текут ещё быстрее. Мне стыдно за мою истерику, за изуродованное плачем лицо, но в то же время во мне будто новая личность проклёвывается. Или это разум берёт верх над комплексами? Внутренний голос успокаивает, что чувствовать не стыдно.

Ярываю зрительный контакт, пытаюсь отвернуться, спрятаться в подушку — нарыдаюсь всласть и никакой Ариэль мне не помешает. Но он неожиданно удерживает меня за локоть.

— Ты плачешь, — с недоумением сообщает он.

Капитан Очевидность.

А с таким же недоумением ищу и не нахожу в его взгляде отвращения. Красная, опухшая, на что он смотрит?

Ариэль, едва касаясь, проводит подушечками пальцев по моей щеке. И тотчас разбивает очарование момента:

— Госпожа, вам бы... умыться.

Он издевается?

— Не хочу! И вообще, что ты здесь делаешь? Вламываться в спальню...

— Я к своей законной жене пришёл, — перебивает он. — Вместо жены почему-то кикимора.

К Ариэлю возвращается его усмешка. Одарив меня снисходительным взглядом свысока, он попросту подхватывает меня на руки. Я только пискнуть успеваю, как он прижимает меня к себе и совершенно по-хулигански дует куда-то за ухо, щекочет дыханием затылок.

Вроде бы я не вчерашняя школьница, чтобы краснеть и теряться, а теряюсь. Ариэль не даёт мне ни мгновения, чтобы собраться с мыслями. Одной рукой он держит меня под лопатки, другой — под колени. И ухитряется словно невзначай поглаживать прямо сквозь ткань платья.

Надо сказать, чтобы прекратил...

Ариэль опускает меня на пуфик у раковины, открывает воду в кране, трогает, проверяя температуру.

— Можно же позвать горничную, — предлагаю я. Когда я успела успокоиться? Ни слёз, ни истерики. Главное, на отражение в зеркале не смотреть... Сразу покажет, кто на свете всех страшнее.

— Я за неё, — фыркает Ариэль.

И я получаю пригоршню тёплой воды в лицо.

— Хей!

В ответ вторая пригоршня.

Вода попадает на волосы, льётся на платье. Ариэль опускает ладонь мне на затылок, мягко подталкивает наклониться и... умывает как маленькую. Больше всего меня поражает бережность его касаний, и я молчу, позволяю ему мне помочь.

Ариэль закрывает воду. Стопка чистых полотенец дожидается на полке. Ариэль берёт верхнее и сам же промакивает моё лицо. А затем небрежно отбрасывает полотенце прямо на пол.

— Так-то лучше, — заявляет он.

— Даже не знаю, возмущаться или благодарить?

Ариэль усмехается, и я снова оказываюсь у него на руках. Я уже достаточно пришла в себя, чтобы пресечь его поползновения, но в этот раз он не даёт волю рукам и просто возвращает меня в спальню. Приобняв словно невзначай, он принимается за пуговицы.

— Излишне, — отстраняюсь я.

— Госпожа, — он возвращается к прежнему стилю обращения, — платье мокрое, а сами вы не справитесь. О чём вы думаете?

Ариэль вроде бы спорит, но на шаг отступил.

— Зачем ты пришёл? — повторяю я вопрос.

— Хм? Я думал, вы будете рады. Неужели вы собираетесь меня отвергнуть? Госпожа, в первую брачную ночь вы разбиваете мне сердце!

“Думал, что вы будете рады”? — из всей тирады именно эта фраза ответ на мой вопрос.

Во внезапно вспыхнувшую ко мне страсть я не верю.

Ариэль хорош собой, привлекателен. Другая бы, наверное, действительно радовалась, а я ищу подвох и скрытый смысл. Неужели хочет привязать меня эмоционально, чтобы я растеклась у его ног сиропной лужицей и не доставляла проблем? Похоже на правду.

— Скажи, — улыбаюсь я, злясь на попытку задурить.

Безобидное начало, но я вижу, как Ариэль напрягается, потому что “скажи” не что иное, как прямой приказ, ослушаться который он не сможет.

— Да, моя госпожа? — всякое сочувствие смело, от Ариэля вновь исходит ярость. Не сомневаюсь, что мог бы — убил бы.

Я невольно ёжусь.

На собственной шкуре ощутив, каково это — быть на привязи — я тем не менее дёргаю за привязку. Вроде бы не со зла, я не хочу ничего дурного. Но забываю, что сам факт неволи ужасен. А как иначе получить ответ на свой вопрос?

Как не утонуть в сладкой иллюзии?

— Если бы наш брак получился таким, каким ты и задумывал, ты бы тоже требовал брачную ночь, Ариэль? — я стискиваю край одеяла.

Ариэль чуть расслабляется, криво усмехается:

— Нет. Я рассчитывал на фиктивный брак, моя госпожа. На всех официальных мероприятиях мы бы в соответствии с требованиями протокола появлялись как пара, а в личном отношении... жили бы раздельно. Вы здесь или в столице, или где-то ещё, по вашему желанию. Я бы жил в де Мракай и никоим образом не препятствовал вам проводить время в чём угодно приятном обществе. И себе бы не отказывал.

Звучит неплохо.

По крайней мере он не собирался запира́ть Льяну в четырёх стенах.

— Так почему бы тебе и дальше не искать развлечений на стороне? — вот теперь формулировка ни к чему не обязывающая.

Ариэль подаётся мне навстречу, его лицо оказывается близко-близко, и сердце снова срывается в галоп, пульс грохочет в ушах. Я уверена, он замечает мою реакцию, иначе откуда этот проблеск самодовольства?

— Потому что у нас полноценный тёмноэльфийский брак, госпожа, — шепчет он. — Даже с прямого разрешения жены измена невозможна. Даже по приказу.

— Оу...

Ещё один повод желать мне скорой смерти?

— Не волнуйтесь, госпожа. Ограничения касаются только мужчин, — то ли меня успокаивает, то ли уже над собой посмеивается.

— Знаешь, Ариэль, мне сейчас совершенно не до личной жизни, — отворачиваюсь я.

Ещё бы разбушевавшиеся гормоны приструнить...

Воспользовавшись моментом, Ариэль садится рядом, приобнимает за плечи, но в его жесте больше нет ни желания, ни страсти, только бережная поддержка:

— Что бы ты ни думала, я тебе не враг и не хочу твоей смерти.

— Моя смерть тебя освободит. Разве плохо? — хмыкаю я, но позволяю Ариэлю обнять крепче, сама приваливаюсь к его плечу. — Знаешь, у меня есть просьба.

— Тебе достаточно приказать, — напоминает он.

— Нет. Это именно просьба.

— Да?

— Моя семья. Родители и младшая сестра. Я влезла в авантюру Черис только из-за того, что они в бедственном положении. Я не прошу осыпать их золотом, но прошу помочь им выбраться из нищеты. Если со мной..., — завершить фразу трудно, я сглатываю ком в горле.

— Хорошо, — удивительно легко соглашается Ариэль.

Я чувствую лёгкий, почти мимолётный поцелуй куда-то в висок.

А потом... я засыпаю?

Засыпаю, как заснула Черис?!

Глава 8

Пробуждение резкое. Как из пруда вынырываю. Когда ещё грань между сном и явью не стёрлась, мне даже кажется, что я действительно вынырываю, и сейчас экипаж захлопнет дверцу, салон наполнится тёплым воздухом, и выйти я смогу только в де Мракай.

Но нет, никакого пруда, никакого салона. Я в спальне, и солнечные лучи подсвечивают золото на стенах, в отделке.

Рядом никого, Ариэль, очевидно, ушёл. Причём... судя по тому, как смято постельное бельё, он ночевал со мной. Платье исчезло. Точнее, вон оно, висит на плечиках, зацепленных за специальную перекладину. Забавный контраст с брошенным на пол полотенцем. Или с платьем уже горничная постаралась? Не знаю... Я зябко обхватываю себя за плечи. Нижняя одежда явно не тронута, ночь была, но никакой не брачной, просто спали на разных сторонах широкой постели. Однако от одной мысли, что Ариэль меня раздевал, становится не по себе.

Раздевал, умывал...

И куда-то ушёл. Разве мы не должны как можно скорее поехать в Совет, чтобы оформить для Ариэля доступ к магическим потокам?

Я бы позавтракать не отказалась. Здоровый аппетит — к здоровому самочувствию. Вчерашняя истерика в свете дня кажется немного смешной, но правильной. В тех слезах я будто искупалась, обрела ясность мысли, чистоту взгляда.

Так...

О Совете пусть Ариэль беспокоится, я готова хоть сейчас переписать прошение в его пользу.

Позвать горничную? Чуть позже.

Если вчера роскошь казалась угнетающей, то сегодня, комната во всё её великолепии вызывает смесь любопытства с удивлением — зачем в спальне позолота? Комната шикарна, но ей катастрофически не хватает домашнего уюта. В спальне совершенно не чувствуется характер хозяйки — всё прибрано, вылизано, безжизненно. Только висящее на перекладине платье, туфли, появившиеся у двери, с

присохшей глиной и смятая постель выбиваются из антуража идеальности.

Встав, я обхожу комнату, заглядываю в ящички, шкафы — знакомлюсь, чтобы хоть немного начать ориентироваться.

Книг нигде нет, жаль. То ли Льяна не любила читать, то ли не носила из библиотеки в спальню.

Разглядывая комнату, я перебираю в памяти события вчерашнего дня, начиная с того момента, как мама принесла мне чай. Пришедшие через серую прореху щупальца тянулись не только ко мне — к Лизи, к папе. В этом я уверена — запомнила. Когда я очнулась в этом мире и увидела родителей, я логично посчитала, что провалились мы все вместе. Одежда на них была местная. Ну так и я была в местно. Вот почему такой казус — я помню Землю, а они — здешнюю жизнь? Загадка...

В дверь раздаётся короткий стук.

Я прыгаю обратно в постель, прикрываюсь одеялом:

— Да?

Входит Ариэль, и я с первого взгляда понимаю, что-то случилось. Что-то явно нехорошее, раз он мрачнее тучи, и недовольство вроде бы не связано со мной.

Я могу предположить только одно:

— Неужели Черис проснулась?!

— Нет. С чего бы?

— Тогда... что? Ты совершенно не выглядишь, как человек, заглянувший пожелать доброго утра.

Ариэль криво усмехается:

— Доброго утра, моя госпожа, — и тотчас снова мрачнеет. — Я сожалею...

— Что?

Почему у него взгляд... виноватый?

— Рано утром я отправил своих людей, чтобы пригласить твоих родителей в де Мракай. Слуги вернулись одни и сообщили, что ночью семью, старшую дочь которой недавно забрала к себе богатая госпожа, по описанию Черис, увёз экипаж. В неизвестном направлении. Муж, жена и их дочь садились добровольно. По крайней мере, их не затаскивали силой, девочка не плакала.

П-похитили? Но...

В ушах шумит, на миг я словно выпадаю из реальности, и воображение рисует ужасы из кино и сводок новостей. Лизи ещё подросток, но уже вполне оформившаяся, и страшно подумать, что с ней могут сделать за закрытыми дверями. То, что родители и она сели в экипаж добровольно, не означает, что с ними и дальше будут обращаться хорошо. Но в то же время есть шанс, что их, например, просто запрут, не тронут.

Втянут в очередную авантюру...

Я хватаю ртом воздух и усилием воли давлю панику.

Ариэль стоит передо мной, опустив голову, что выглядит несколько странно, будто и впрямь он ждёт приговора. Только в чём его вина? В том, что отправил слуг не сразу, а утром? Но кто мог предположить?

— У меня нет причин винить тебя, — выдыхаю я. — Насколько реально найти...?

— Я отдал распоряжения.

Я киваю.

В голове не укладывается.

— Но кому могла понадобиться моя семья? — спрашиваю я, будто Ариэль может знать. — Жили в нищете никому не нужные, пока... на них не вышла Черис из-за моего сходства с Льяной. Как она их нашла, не понятно. Знаешь, я бы не удивилась, если бы их вывезла Черис. Для неё это имеет смысл — шантажировать меня. Но благодаря тебе Черис спит.

— Вы приехали с горничной, среднего роста, темноволосая.

— Да, — соглашаюсь я.

— Она исчезла сразу после того, как Черис была усыплена. Если предположить, что она пешком покинула де Ривей и добралась до дороги, а потом в течение двух-трёх часов передала сообщение гипотетическому сообщнику Черис, то он как раз успевал забрать вашу семью. Моё упущение.

— И моё, — пожимаю я плечами. — Я заметила её отсутствие, но не отправила никого в погоню, хотя следовало быть особенно внимательной. Ты говоришь, соучастник?

Надо сосредоточиться на важном.

Толку назначать виноватых? Да, я могла бы обрушиться на Ариэля с потоком обвинений, и он, судя по его настрою, принял бы это.

Однако лучше исправить ошибки и учесть на будущее.

Ариэль поясняет:

— Черис слишком глупа и неуравновешена, чтобы провернуть подмену. Я не понимал, как ей удалось. Получается, за ней кто-то есть.

— Тот же, кто помог Совету не увидеть проблем с контуром в Туманной низине? — уточняю я.

— Других вариантов у меня нет.

Удивительно, как наши с Ариэлем мысли совпали.

— Получается, найдём твоего врага — найдём моих родителей? — приободряюсь я. — Но в Совет, наверное, лучше не соваться? Если ты сообщишь о нашем браке, потребуешь доступ к магическим потокам, а соучастник Черис раскроет подлог и ты окажешься в очень невыгодном положении?

— Именно. Поэтому... Я прошу вас вернуться в де Мракай, госпожа.

Почему он продолжает звать меня госпожой? Неприятно, если честно. Но это терпит.

— Хорошо, — у меня нет причин отказываться. — Неужели ты собираешься перехватить потоки магии силой?

А что ещё?

Ариэль усмехается:

— Госпожа, я себя чувствую перед вами... обнажённым. Ничего не утаить. Я пришлю горничную и прикажу подготовить экипаж.

Не дожидаясь моего ответа, он выходит.

Я остаюсь в одиночестве. Недолго. Только нарушает его отнюдь не горничная. Бесшумно сдвигается позолоченная панель, и из проёма в стене выходит моя копия.

Внешнее сходство поразительно. Я будто в зеркало смотрю. Но в то же время перепутать меня с настоящей Льяной может только чужой человек. Никогда я не смотрела на окружающих с такой брезгливостью, никогда не задирала подбородок, никогда не склоняла голову чуть набок, чтобы подчеркнуть длину шеи.

Разве Льяна не мертва? Это она, если, конечно, у нас не завёлся ещё один двойник.

Над плечём девушки трепещет стрекозиными крылышками миниатюрная феечка.

Какова вероятность, что псевдомёртвая и есть сообщница Черис?

Ха!

— А..., — открываю я рот. Позвать его — единственно правильное.

Феечка взбивает крыльями воздух, сыпятся искорки-блёстки, и мой голос будто не может пробиться сквозь магию. Вместо крика выходит стихающий шёпот.

Льяна неприятно ухмыляется:

— Бесполезно, дорогуша.

— Попробовать стоило.

— Конечно, — легко соглашается она, — но впредь води себя правильно. Ты же не хочешь, чтобы твоя милая младшая сестра пострадала?

Шагнув в комнату, Льяна задвигает панель, а затем, ухмыльнувшись ещё более неприятно, достаёт из клатча перетянутый ниткой светлый локон. Срезан у Лизи? Цвет один в один. Льяна подходит и небрежно роняет прядку в мою ладонь. Ей не нужно спрашивать, узнала ли я. Узнала, осознала, прониклась.

Феечка сбрасывает с крыльев новую порцию мерцающих блёсток, но на сей раз искорки падают на локон, и в воздухе появляется картинка. Лизи сидит на кушетке, обняв колени, а рядом с ней... чужак. Мужчина одет во всё тёмное, голова повёрнута так, что лица не видно. Лизи его явно боится, но не настолько сильно, как если бы он... её обидел.

Родителей “в кадре” нет.

Картинка тает.

— Ты будешь вести себя правильно? — с улыбкой спрашивает Льяна. — Бедная девочка может рассчитывать только на тебя.

— Да, буду.

Она же не уточняет, что считать правильным.

Льяна подцепляет меня за подбородок острым ногтем. Ещё одно отличие — я подпиливала коротко и всегда выбирала овальную форму. Я позволяю ей поднять моё лицо.

— Поразительное сходство, — хмыкает Льяна.

Мне кажется, что она хочет добавить нечто злобное, но в последний момент проглатывает фразу. Для себя я делаю вывод, что ничего хорошего меня не ждёт.

Жаль, я не представляю, можно ли позвать Ариэля с помощью магии. Или не стоит пытаться? Не исключено, что фея или сама Льяна сумеют засечь мои потуги. То есть пытаться стоит, но не при них.

— Кто бы мог подумать, что из-за внешности я огребу столько проблем, — откликаюсь я.

Льяна улыбается. Мой ответ её позабавил?

— Встань, — приказывает она.

Ладно.

Я поднимаюсь.

Феечка тотчас залетает мне за спину. Ощущение неприятное. Сразу остро чувствуется собственная уязвимость. Обернуться... Но Льяна снова ловит меня за подбородок, вынуждая смотреть на себя.

Кожу на запястьях начинает покалывать, рывок болезненно отдаётся в суставах. Я выдыхаю сквозь зубы, привыкая к магическим оковам, на пробу шевелю пальцами — руки стянуты надёжно. И интуиция мне подсказывает, что освободиться будет не так просто, как от верёвки. Впрочем, и от верёвки избавиться нелегко.

Феечка на одних руках не успокаивается. На глаза опускается непроницаемая повязка.

Льяна касается моего плеча, чуть надавливает, подсказывая направление:

— Вперёд.

— Зачем я тебе?

Я не жду ответа. Льяна не похожа на барышню, страдающую нарциссизмом, вываливать на меня все детали плана, лишь бы я восхитилась её гениальностью, не будет. Льяна нетерпеливо подталкивает меня.

Наверное, это иллюзия, что здесь, в комнате, у меня ещё есть шанс сбежать. Крошечная феечка играючи создала оковы. Уверена, подавить любое сопротивление ей не составило бы труда. Да и угроза Лизи держит меня крепче любых оков, поэтому я послушно иду, куда направляют, и гадаю, как быстро Ариэль догадается, что я в беде. Он ведь сказал перебраться в де Мракай, а я исчезну, как есть, в сорочке. И платье, и выпачканные туфли останутся в комнате. Если фея мимоходом не приберёт...

Мне придётся справиться самой?

Надо бы оставить Ариэлю подсказку. В сказке даже маленькие дети догадались оставлять россыпь хлебных крошек, но у меня ни хлеба, ни, в отличие от сказочных детей, идеи, что бросить и как указать на Льяну.

Коснувшись моего плеча, она заставляет чуть повернуть, я догадываюсь, что мы проходим через дверной проём и, судя по тесноте хода, дальше пробираемся потайным лазом в толще стен.

Через несколько десятков шагов Льяна придерживает меня за плечо, и миг спустя откуда-то снизу ударяет порыв ветра. В “Бертоне” на воздушном лифте я уже каталась. Мне даже удаётся не вскрикнуть, хотя внутри от ощущения падения дух захватывает.

Волшебный лифт движется вниз. Кто бы сомневался, Ариэль меня тоже первым делом под землю поволок.

Спуск длится довольно долго. Видимо, подземелье меня ждёт глубокое.

Наконец стопы касаются холодного каменного пола, и дальше идти пешком. Шаги Льяны гулко отдаются эхом. В помещении затхло и сыро, а в одной нижней сорочке ещё и прохладно, не говоря уже о том, что я босиком.

— Янри! — узнаю я звонкий голос Лизи. Сестрёнка напугана гораздо сильнее, чем было на картинке, но голос бодрый, что успокаивает.

— Лизи, тебе придётся быть храброй и потерпеть, — отвечаю я и сама поражаюсь спокойствию, с которым мне удаётся это сказать.

Льяна не позволяет мне увидеть сестру, ведёт дальше.

Голосов родителей я не слышала. То ли они в другом месте, то ли промолчали.

Одно я понимаю точно — от Лизи меня куда-то уводят, но вроде бы идём мы по прямой, никуда не сворачиваем. То есть при удачном стечении обстоятельств отыскать Лизи я, наверное, смогу, а пока меня примиряет с отвратительной действительностью, что она вроде бы одна, мужчина с картинки не с ней.

От Льяны исходит нетерпение.

Она прибавила шаг, будто мы вплотную у цели.

Её напряжение передаётся не только мне, но и феечке — крылья заработали чуть ли не со сверхзвуковой скоростью.

Льяна подталкивает меня вперёд, и я, больно ударившись большим пальцем правой ноги, налетаю на преграду высотой чуть выше колена. Рывок за руки. От неожиданности и боли в теперь уже в суставах я вскрикиваю. Оковы почему-то раскрываются, сама я от очередного толчка заваливаюсь на спину.

Миг свободы, и оковы возвращаются, фея заставила меня завести руки за голову.

Кажется, я догадываюсь...

Повязка слетает с глаз. Проморгавшись, я поворачиваю голову, чтобы убедиться — меня уложили на алтарь.

Проклятье!

Алтарь совсем не такой, какой я видела у Ариэля. Продолговатый, скруглённый, формой немного напоминает лодку — в столешнице устроено углубление, и по бокам от меня приподнимаются края-бортики, частично закрывая обзор.

Льяна счастливо улыбается, что не мешает ей отмахнуться от феи как от назойливого мотылька. Приблизившись, Льяна вытягивает руку у меня над лицом, и затылок тотчас неприятно стягивает, будто я выпила слишком много кофе.

— Он такой предсказуемый, — удовлетворённо хмыкает она и опускает руку.

— Что?

— Ариэль, — в этот раз Льяна откликается. — Непревзойдённый маг, лучший из лучших, привык считать себя непобедимым, но... что такое сила против ума? Стоило наметить для него путь, поманить морковкой, и он, как тупой баран, пришёл напрямик на бойню. Осталось затянуть петлю и показать ему его настоящее место — у моих ног.

По-моему, она тоже сумасшедшая. Не как Черис, но по-своему.

Пропавшая из поля зрения феечка возвращается, сопровождаемая непонятным дребезжанием. Я приподнимаю голову. Льяна никак не препятствует и позволяет мне увидеть четырёхколёсную тележку с разложенными на ней инструментами: чаша, несколько кинжалов...

— Надо полагать, живой я с алтаря не встану? — ко мне приходит смертельное спокойствие.

Не смирение, не безразличие, а именно спокойствие.

Мы одни — Льяна, феечка и я. Хотя я связана, у меня всё ещё есть магия. Помню, как Черис взбесилась, обнаружив, что мне удалось выпустить серый дымок. Скорее всего, Льяна не только не в курсе моих успехов, но и не ждёт, что я ударю.

А я ударю — убив меня, Лизи она не отпустит. Зачем Льяне напрягаться?

— Верно, — улыбается Льяна. — Сейчас ты уступишь мне место.

— Что?

Льяна, естественно, не отвечает, она берёт нож и, оттянув на мне ворот сорочки, делает разрез, обнажая область декольте. Я сглатываю. Уже сопротивляться или ещё подождать? Чем больше Льяна увлечётся процессом, тем легче мне будет. Лишь бы не упустить время... Но пока что идёт подготовка. Льяна торопливо раздевается, остаётся в одних панталонах и лёгкой маечке.

— Ты не боишься, что Ариэль узнает о моей пропаже и придёт?

— Не узнает. Он ещё вчера ходил к portalу и пытался перехватить контроль над потоками. Представляешь, у него начало получаться, и он решил, что это его заслуга. Папа с ним сейчас играет... Даже если Ариэль прозрел и уже бросился на твои поиски, сюда он не попадёт. Всё продумано, не надейся.

Я надеюсь... на себя.

Льяна проводит рукой по краю алтаря, и бортики становятся на ладонь выше.

Пора?

Льяна всё ещё ничего не предпринимает, она задумчиво постукивает ногтем по подбородку, будто в уме ещё раз прокручивает план действий. Феечка кружит поблизости. И я думаю, что с феей следует разобраться в первую очередь. Оковы я могу снять только магией, а вот дальше брошенное на пол платье и туфелька Льяны сойдут за мухобойки. Льяну для начала достаточно пнуть.

Я сосредотачиваюсь.

— Она будет сопротивляться! — взволнованно сообщает фея и снижается.

А я ведь ещё даже не нащупала магию...

— Да? Мне пригласить сюда твою милую сестричку? — хмыкает Льяна. — Я бы с удовольствием поучила тебя хорошему поведению, даже жаль, что у нас нет времени.

Ляна берёт с тележки футляр, вынимает миниатюрный флакончик, наполненный матовой чернотой и, скрутив тяжёлую пробку, выливает содержимое на меня.

Глава 9

Кромешный мрак заслоняет мир. Тьма ощущается плотной, желеобразной, липкой.

Про сопротивление я забываю. Задержав дыхание, я боюсь вдохнуть, боюсь захлебнуться, мне совершенно не хочется глотать тьму, но воздуха не хватает, лёгкие сдавливают, в ушах появляется звон, и я сдаюсь рефлексам. Вдох получается жадный, на языке проступает привкус рыбы.

Кто-то хватается меня за лицо, ногти вонзаются в кожу под глазами, на скулах, у висков.

Льяна? Больше никому.

Щёки вспыхивают огнём, тьму озаряет вспышка розовато-молочного бледного света, и верх меняется с низом. Почему-то исчезли пути. Их смыло? Растворило? Однако даже пальцем не пошевелить — тьма настолько плотная, будто я пудовым одеялом придавлена. Я отчётливо понимаю, что всё ещё лежу на алтаре, но в то же время я совершенно теряюсь в пространстве.

В кожу лица впиваются уже не ногти, а иглы. Тьма...

Тьма пытается вышвырнуть меня из собственного тела.

Вот, что имела в виду Льяна, говоря, что я уступлю ей место. И ведь она не пытается поменяться телами, нет. Она пытается избавиться от меня, растворить в сером безвременье.

Окружающая тьма перестаёт иметь для меня значение. Я по какому-то наитию концентрируюсь, собираю в кулак всё, что у меня есть — волю, желание жить, чувство долга перед родными и неожиданно для самой себя беспокойство об Ариэле. Несмотря на не самые благовидные поступки и тягу к противозаконным действиям парень мне понравился. Вечером, когда я рыдала в подушку, он мог уйти, мог бросить меня наедине с моими страхами, он мог уйти, убедившись, что я не собираюсь в приказном порядке тащить его в постель, но он остался со мной. Думаю, только благодаря ему я настоящей выспалась. Прямо сейчас его тепло меня согревает, придаёт сил.

Льяна хочет вытолкнуть меня назад? Понятия не имею, где это её “назад”, но я рвусь навстречу, вперёд, в бой. Мы сталкиваемся. Нет, наши души сталкиваются.

И миг удивления Льяну подводит, мне удаётся зацепиться. Давно пропал алтарь, на нём лежит тело, но схватка происходит совершенно на другом уровне — в пустоте. И Льяна единственная, за кого я могу здесь зацепиться.

Опомнившись, она пытается меня стряхнуть, низвергнуть, а я наконец-то выпускаю магию, и серый дым сплетает нас с Льяной в единый кокон.

Магия что-то меняет во мне, полностью меняет восприятие — окружающая тьма расцветает... но не красками, она остаётся такой же матово-чёрной, а формами. Я будто была слепой и прозрела. Я обретаю шестое чувство, показывающее мне те самые пресловутые потоки магии в пространстве. Какофония образов, текстур, линий, их плавного перетекания из одного в другое сбивает с толку, завораживает, отвлекает. Я вижу петлю на своей шее и поводок убегающий куда-то далеко-далеко, что впрочем, не мешает мне опознать на том конце спящую, заляпанную магией Черис. Этакie грязные ошмётки паутины, забивающей нос, рот, уши. Я следую взглядом по одной из ниточек, и она приводит меня к Ариэлю.

Я обрадованно вскидываюсь, только Льяна не позволяет мне воспользоваться шансом. Я слишком отвлеклась — катастрофическая ошибка. Льяна избавляется от моих по-новорожденному слабых жгутиков, а меня отталкивает-таки к самому краю бездны.

Падать нельзя, ни при каких обстоятельствах, ни за что на свете нельзя, и я пытаюсь ухватиться за нашу с Ариэлем связь, тугая нить мне кажется единственной надёжной опорой, но... Реальность окончательно расслаивается, и я начинаю с кристальной ясностью видеть планы бытия, вижу своё тело на алтаре, вижу себя-душу, оттеснённую прочь и... узы, тянущиеся к Ариэлю, узы, на которые я так рассчитывала ведут не от меня, от... тела! Вспоминая, наш странный брачный ритуал, я не удивляюсь.

Плохо, очень плохо...

Мало того, что зацепиться, как мне хотелось, не получится, так ещё и Льяна, заняв моё место, станет Ариэлю супругой. Если быть точной — хозяйкой.

Почему меня это волнует сейчас, когда время бояться за себя?

Свет озаряет тьму вспышкой, но неожиданно не причиняет мне вреда.

Всплеск будто игрушечный. Рассыпаются блёстки и бессильно опадают. Чем-то похоже на иллюзии, показанные феи.

— Он... ненастоящий? — вопрос срывается вслух.

Льяна вздрагивает. Её лицо искажает гримаса злобы.

Я попала в цель? Причём в болевую точку.

— Исчезни уже! — кричит она.

Подскочив, бьёт наотмашь, но я выпускаю её навстречу серо-чёрный дым, впиваюсь в неё магией. Мы балансируем на краю. Льяна странно вскрикивает, и мы вместе проваливаемся, но не в бездну. А куда...?

Перед глазами с бешеной скоростью раскручиваются образы. Фрагменты каких-то картинок, обрывки голосов. Я вижу Льяну, одетую в чёрное глухое платье и клубящуюся тьму вокруг, вижу Льяну, склонившуюся перед скрытой в тени фигурой и лежащего на полу тёмного эльфа, вижу Льяну, бегущую по ковру из огненной листвы.

Появляется алтарь, и Льяна, теперь в снежно белом, делает на запястье тонкий разрез. Кровь бодрым ручейком устремляется на алтарь, но не красная, как у людей, а чернильно-чёрная. Мне даже приходит на ум, что я ошиблась, и Льяна использует краску.

Картинка не исчезает, не разваливается на осколки. Я вижу, как на алтарь летит чёрная пыльца — феи начали свой хоровод. Их кружит не меньше десятка, и каждая стряхивает с крыльев антрацитовый порошок.

Я вижу прошлое, да?

Жидкость на алтаре — называть это кровью язык не поворачивается — съёживается, собирается комком. Зрелище... мерзкое. На вид получается... согнутый баклажан. Один конец заметно толще, а более тонкий закруглён. До меня не сразу доходит сходство с зародышем.

Картинка раскалывается, и я вижу следующий “кадр”. Льяна отчаянно не хочет мне его показывать. От неё же я понимаю, что по времени прошла неделя.

Я ещё крепче впиваюсь в Льяну.

На алтаре теперь не зародыш, а кокон достаточно большой, чтобы в нём поместился человек. Льяна проводит лезвием по “кожуре”, и... на алтаре появляется её собственная копия. Я смотрю с ужасом. И, кажется, пазл начинает складываться.

— Без души ничего не получится, — со знанием дела заявляет феечка.

— Мне не нужна чужая душа.

— Но Юни права, — подхватывает другая фея. — Без души никак.

Новое воспоминание фрагментарное — Льяна ловит душу. Когда-то давным давно в тёмно-серую паутину попала я.

Картинки-кадры вновь теряют чёткость, последовательность.

По большому счёту я увидела лишь один эпизод, но он многое объяснил — изначально Льяна была тёмной, но ей на время потребовалось стать понарошку светлой, и она из собственной крови создала свою копию, в которую и запечатала жившую в ней тьму.

Выходит... я не я? Копия, подделка, фальшивка. Открытие обескураживает. Даже разгадка тайна внешнего сходства с Льяной не вызывает ни малейшего отклика. Нет же! Я как раз я, душа, случайно втянутая в чудовищный ритуал. Чужая внешность не лишает меня собственной личности.

— Так ты создала двойника, использовала его как сосуд собственной сила, а пустоту заполнила фальшивым светом? — спрашиваю я.

Не столько рассчитываю на ответ, сколько, проговорив вслух, пытаюсь разложить полученные сведения по полочкам.

Я же для двойника заменяла родную душу, чтобы он не погиб...

Сколько жизней я прожила с привязанным чужим грузом?

А сколько жизней прожила Льяна? Она перерождается с памятью о прошлом?

С этим надо разобраться...

На древнюю ведьму она совершенно не похожа. Не внешне, а ментально. Мы настолько тесно соприкоснулись, что я прекрасно чувствую её личность — ровесница, но никак не зрелая женщина. От Льяны веет импульсивностью и юношеским максимализмом.

— Я не отдам ключ! — кричит она и разрывает дистанцию.

Видения тают, я возвращаюсь в реальность, ту самую, где я балансирую на краю пропасти.

Льяна вновь опережает, тянется к некогда принадлежавшей ей силе.

Я бросаюсь ей наперерез.

Я как никогда остро желаю жить.

— Госпожа? — откуда-то издали доносится до меня удивление Ариэля.

Не знаю, что он делает. Я открываю глаза и рывком переваливаюсь через бортик алтаря. Больно ударившись локтями и коленями, я радуюсь, что голова цела.

Фея... Опаснее всего именно фея с её оковами. Я хватаю с пола брошенное платье и широко замахиваюсь. Подол раздувается парусом. Фея юрко взлетает к потолку, но краем я её всё же цепляю, и девочка с крылышками падает на пол. Когда-то в детской книжке я прочитала, что бабочек нельзя хватать за крылья — стираются чешуйки и бабочка теряет способность летать — но можно осторожно захватить с боков. Не знаю, правда ли это, да и у феи крылья стрекозиные, прозрачные, без чешуек. Я заставляю фею сложить крылышки и сжимаю двумя пальцами.

На писк и протесты не обращаю внимания — крылья источник её магии.

Льяна лежит на полу, тяжело дышит. Глаза закрыты, но ресницы подрагивают — вот-вот очнётся.

Ударить?

Я не настолько озверела, хотя здравый смысл подсказывает, что поверженного противника правильнее добить, чем дать ему оклематься и добить уже тебя. Но...

Обувшись и натянув платье, при этом ухитрившись не отпустить обмякшую фею, я оглядываюсь — выход из зала один. И я, хромая на правую ногу, припускаю прочь. Одновременно я пытаюсь позвать Ариэля. Я не особенно рассчитываю на ответ, но он приходит:

“Потерпи. Я уже в доме и спускаюсь за тобой”.

“Спасибо”.

Коридор тянется по прямой, без ответвлений. Впереди появляется стена, пустой, ничем не закрытый проём, а за ним зал, по обеим

сторонам которого зарешёченные ниши, в одной из которых я вижу сестрёнку.

— Лизи.

— Янри! — она бросается к прутьям. — Янри, мне страшно.

— Я с тобой, — успокаиваю я.

Левее решётки замочная скважина. Я ни разу не взломщица, не представляю, как открыть. Магией? Тёмно-серый дымок срывается с ладони и заполняет отверстие.

— Янри, — всхлипывает сестра.

— Ты знаешь, где родители? — отвлекаю я.

Лучше бы они были где-то поблизости.

— Что ты делаешь? — раздаётся за спиной.

Я пугаюсь, но тотчас узнаю голос Ариэля. Обернувшись, убеждаюсь, что это действительно он. Ариэль подходит с видом хозяина жизни, приобнимает меня за плечи. Жест получается неожиданно естественный, каким-то родным, и я приваливаюсь к его боку.

— Пытаюсь открыть.

— Кто же так взламывает? — хмыкает он, отвечает замочной скважине щелбан, и решётка легко отходит в сторону.

Криминальные таланты, конечно.

Я невольно вспоминаю заверения Льяны, что быстро Ариэль меня не найдёт. Как показала практика, она крупно ошиблась.

Лизи бросается ко мне, обнимает поперёк живота, хватается с отчаянием утопающей.

— Льяна появится в любой момент, — сообщаю я на мой взгляд самое важное и показываю фею. — А с ней что делать?

Обмякшую малышку я продолжаю держать за крылышки. Меня смущает её состояние. Похоже на притворство, но если я навредила... то отпускать опасную противницу всё равно не готова.

— Тише, — успокаиваю я Лизи.

Ариэль, не обращая на наши с сестрой нежности ни малейшего внимания, достаёт из-под полы пиджака прозрачную фляжку, выкручивает пробку и поворачивает фляжку горлышком ко мне:

— Бросай сюда.

Полуобморочная фея мигом оживает:

— Это запрещённый сосуд! Вы не имеете права! — от визга феи закладывает уши. Я и не подозревала, что эта крошка способна на ультразвук.

Задёргавшись, фея чуть ли крылья себе не обрывает, но я не позволяю ей увильнуть и опускаю во фляжку. По наклонённой стенке фея съезжает как по ледяной горке. Приземлившись на четвереньки, она бодро вскакивает, корчит донельзя злую мордочку и принимается вертеться, пытаясь заглянуть себе за спину. Видимо, оценивает нанесённый моими пальцами ущерб крыльями.

Ариэль закрывает фляжку пробкой, прячет.

— Она не задохнётся? — не то, чтобы меня всерьёз это волновало, но...

— Не успеет, — беззаботно отмахивается Ариэль и присаживается на корточки перед Лизи. — Привет. Давай знакомиться? Я Ариэль.

Лизи, отпустив мой подол, косится на него и, похоже, не знает, как реагировать.

Хорошо, что бояться она уже забыла, однако игру в гляделки я перебиваю:

— Эй, ничего, что вот-вот здесь будет Льяна?

Ариэль тяжело вздыхает, всем своим видом показывая, какая я зануда и порчу прекрасный миг знакомства. Лизи даже хихикнула, настолько живо у него получается. Как по мне, Ариэль слишком самоуверен. В чём-то он хорош, гораздо лучше, чем Льяна о нём думает, но в ловушку с браком он ведь влез — это не повод задуматься?

Закатив глаза, Ариэль поднимается:

— Лизи, ты знаешь, где ваши родители?

— Их увели.

Вразумительного ответа нет.

Но Ариэль не сдаётся:

— Отсюда? Или вас разлучили в другом месте. Расскажи, что было после того, как вас забрали из дома и посадили в экипаж?

Сейчас точно подходящее время?

Лизи оглядывается на меня.

В коридоре раздаются шаги. Кто-то нетвёрдой походкой идёт со стороны зала, и я ни капли не сомневаюсь, что это Льяна. У нас есть

ещё шанс сбежать, выдав себя топотом, но Ариэль принимает решение остаться на месте. Меня и Лизи он задвигает себе за спину, а сам делает шаг вперёд.

Только вот расклад меняется, когда шаги раздаются теперь уже с противоположной стороны. Кто-то неторопливо идёт Льяне навстречу. И, кажется, Ариэль чертовски прав, что не стал ломиться к выходу, а спокойно занял оборону.

Лизи вцепляется в меня, и я успокаивающе глажу сестрёнку по спине, хотя меня бы саму кто успокоил.

Первым появляется человек из коридора. Незнакомый мужчина в тёмной одежде, фигурой напоминает того, которого мне показывала фея рядом с Лизи. Сестрёнка вздрагивает. Узнала? Ариэль вскидывает руку, и с его пальцев срывается поток мрака. Мужчина в мгновение исчезает в непроглядной темноте, не издав ни звука. Чёрная пелена спадает, и я решаю... не задавать вопросов, тем более мужчина вполне мог сбежать.

— Ты!

Льяна, появившаяся в противоположном проёме, несмотря на слабость, успела среагировать и закрыться куполом света. В её руке как по волшебству оказывается стеклянный флакончик. Бросок, и флакон летит в пол, ударяется, разлетается вдребезги. Уверена, выплеснувшийся свет самый настоящий.

Ариэль справляется, закрывает нас чернильно-чёрным мраком, настолько густым, что мне кажется, что им заполнился весь зал.

— Госпожа, постарайся почувствовать своих родителей, они должны быть где-то здесь, — доносится до меня его уверенный голос.

Он всё ещё готов их искать? Приятно... Но что я делаю, как он себе это представляет?! Я не умею! Однако, когда мне пытаются помочь, ныть о своей полной несостоятельности точно не стоит.

Лизи обливает меня фонтаном чистого восторга:

— Янри, ты найдёшь маму с папой?

— Янри..., — повторяет Ариэль, словно пробует моё имя на вкус. Чтобы не отвлекаться, я прикрываю глаза.

Он сказал “почувствовать”...

Родственные узы тоже осязаемые? Мне удаётся абстрагироваться от разворачивающегося противостояния с Льяной. Я... доверилась Ариэлю? Наверное, раз думаю о чём-то отвлечённом. Поглаживая

Лизи, я погружаюсь в себя, представляю мамино лицо, как всегда усталое, неухоженное. Она часто повторяла, что мы так плохо живём, что на себя у неё нет ни сил, ни времени. И, глядя на неё, я тоже пренебрегала кремами, масками, ограничивалась недорогой пенкой-умывашкой. Кошмар...

Тьма обволакивает киселём, я вспоминаю, как в зале смогла видеть несколько планов бытия одновременно. Мне нужна нить, связывающая меня с мамой. Мама... Я мысленно зову, тянусь к ней всей душой, и Ариэль прав, мне удаётся поймать нить.

Если наша с Ариэлем связь осязаемая, плотная, то ниточка, отзывающаяся на мысли о маме тонкая и почти невесомая, будто мягким карандашом начерчена без нажима.

Мысленно проследовав по нити, я упираюсь в развилку.

Одна к папе, другая к маме? Но я ведь думала сейчас только о маме...

Их держат в разных местах?

Направо или налево? Налево!

При всей своей невесомости и волосяной тонкости нить не рвётся и вообще, если так можно сказать о чём-то неживом, уверенно чувствует себя в пространстве, хотя, чем дальше я продвигаюсь, тем больше она истончается.

Что-то не так. Слишком уж далеко. В разы дальше, чем я “путешествовала” по связям к Черис и Ариэлю. А нить и не думает кончаться... Может, вернуться? Попробовать другую или даже честно сказать, что у меня ничего не вышло?

Но вроде бы нить чуть утолщилась... Я решаюсь. Двигаюсь вперёд и считаю до двадцати. Если ни к чему не приду — возвращаюсь. Один, два... пять. Тёмно-серый туман расходится, будто шторы раздёрнули.

И я вижу папину комнату, ту, земную.

Глава 10

— Мама?

Нить тянется... к серой незнакомой женщине. Блёклые, некогда русые волосы закручены неаккуратной гулькой, сухие волоски топорщатся во все стороны. Лучше бы подстриглась... Растянутая серая футболка в застиранных пятнах, местами краска полиняла от отбеливателя. На ногах треники с обвисшими коленями и дырой на правом бедре, тапочки на размер больше, мужские, отремонтированы изолентой. Отвратное зрелище при том, что сама женщина ещё сохранила следы природной красоты. Её бы отмыть, подержать месяцок в санатории, одеть, не говорю уже о накрасить. Конфетка будет. Но она предпочла превратить себя в тётку.

Женщина меня не услышала, она смотрит на мужчину в кровати. Тоже незнакомец.

Не толстый, но какой-то обрюзгший, помятый, засаленный. Тоже в футболке, которой место на помойке, даже на роль половой тряпки не годна. Широкие шорты немногим лучше.

Мужчина сидит в постели, одеяло наполовину свесилось на пол. Бельё... ещё советских времён и, как ни странно, выглядит лучше всего в этой комнате. Может, его хранили и только недавно пустили в дело?

Я замечаю двух девочек. В старшей узнаю себя. Младшая... по возрасту Лизи, но по лицу снова незнакомка. Но квартира-то наша! И момент очевидный — тот самый, из которого меня выдернули.

— Кошмар? — спрашивает женщина у мужчины.

Он проводит ладонью по щетине на щеках.

Перед собеседованием он не удосужился побриться? Я внимательнее осматриваю комнату. На стуле висит старый-престарый костюм и желтушная от времени рубашка с оторванным воротником.

Я же покупала папе новый костюм! Не угадала с размером — в пиджаке папа тонул. Я, кстати, отдала чек и сказала съездить поменять, но... но он просто повесил новую вещь в шкаф.

Неужели я была настолько слепой?!

Да он сделал всё, чтобы ему отказали! Конечно, зачем работать, когда дочка кормит, поит, содержит. Лучше ныть о своей никчёмности.

Но это точно мои родители? Их лица...

Две жизни смешались в одну? С памятью у меня нелады после ритуала Черис. Будто мою память о жизни в трущобах выбросили, а на её место приклеили память о земной жизни. От трущоб остались только лица родителей, заменившие тех, других.

Пока что выглядит именно так.

Папа проснулся, никакая серость никого никуда не утаскивает. Как и меня.

— Доча, Янчик, мне так жаль..., — обращение точно папино, его слова, его интонация.

— Па..., — я-земная хлопаю глазами.

Я тоже растеряна, но по другой причине — почему мне в обеих жизнях не повезло? Хотя... внешность отличается, но манера поведения, характер — один в один. Будто родители вместе со мной переродились.

С этим я ещё разберусь, а пока же мне хочется подойти к себе прошлой...

Для людей в комнате я невидимка. Так зачем сдерживаться?

Я подхожу к себе-земной вплотную и выкрикиваю прямо в лицо:

— Да очнись же ты! Неужели не видишь, что тобой помыкают как последней дурой! Попытка покончить с собой вообще была или мама придумала? И как она так точно подгадала со временем? Откуда в “Либертоне” появилась Света? Уж не Света ли подсказала маме, когда именно позвонить?

Выговорившись, я устало замолкаю. Я ведь верила в их любовь, верила, что мы семья.

Сестрёнку жалко — что она с детства впитывала?

На первый взгляд мой крик не возымел никакого действия. Я-земная медленно переводит взгляд с папы на старый костюм.

— Ты устраивался на работу в этом? — спрашивает она ледяным тоном.

Вау. Я собой горжусь.

— Янчик?

— Яна, как ты с папой разговариваешь? Ему и так очень тяжело, а ты добавляешь.

Слов нет, одни эмоции.

Вроде бы родные люди, и надо щадить их чувства, но мои мама не только не щадит, но и прицельно бьёт в болезненную точку.

Я-земная вздрагиваю.

— Не поддавайся, — шепчу я.

По-новому, незнакомо усмехнувшись, я выбегаю из комнаты. Я-невидимка следую за собой. Мама бросается за нами.

Я нахожу на тумбочке её телефон. Старая моделька с разбитым стеклом. Мама любит вздыхать о своей технической несостоятельности, так что телефон не запаролен.

— Яна! — восклицает она.

Моё земное воплощение, не обращая внимания, быстро листает. Я заглядываю себе через плечо, и губы расплываются в улыбке. Мне кажется, я бы не догадалась, но ведь вот делаю — смотрю в телефоне журнал вызовов. Неопределённый номер, вызов пропущен — вероятно, соцпрос или реклама. Я нахожу вызов на свой номер, отвечен, вызов длился меньше минуты. По времени подходит — как раз мы с Мишей входили в “Либертон”. Ох, кажется, это было вечность назад, в другой жизни. Точно, в прошлой жизни.

Сразу перед звонком мне неподписанный номер, и вызовы на него были раньше, в том числе и вчера. Совпадение? Не верю. Не выпуская телефон из рук, я возвращаюсь за стол, беру свой телефон.

— Яна, ты не должна!

Неужели?

— Чего именно? — вторя моей интонации усмехается моё прошлое воплощение.

Номер, с которым мама разговаривала перед тем, как позвонить мне, принадлежит... Свете.

— Он тебе не подходит, Яна! Этот Миша...

Я на миг даже отрываю взгляд от экрана.

Ушам своим не верю... Где были мои глаза? А мозги? Кажется, я должна поблагодарить Черис за отрезвление. Правда, будить её для выражения благодарности совсем ни к чему, “спасибо” скажу спящей.

— Мама. В истории вызовов нет звонка в скорую. Я, конечно, могу запросить распечатку вызовов с городского телефона, но мы обе знаем, что я ничего не найду, верно? Никакой скорой не было. Ты. Солгала.

Я не повышаю голос, не сыплю обвинениями, тем более — угрозами. Я рассчитываю на диалог двух взрослых? Едва ли... Реакция ожидаемая: мама некрасиво кривит рот и ударяется в слёзы:

— Я всего лишь стараюсь для тебя! Он тебе не пара, почему ты не хочешь понять, что я забочусь о тебе? Ты меня больше не любишь?

Ненавижу, когда она плачет...

Мою решительность сразу смывает.

— Янчик, — в дверном проёме появляется папа, — что случилось? Зачем ты довела маму до слёз?

Я сейчас сорвусь? Или не сорвусь? Но видеть свою земную ипостась в бешенстве мне... нравится.

— Пап, а может быть, ты у неё спросишь, зачем она сорвала моё свидание?

Сначала свидание, потом отношения, потом свадьба, дети, и довольствие родителей резко сокращается. Я бы продолжала помогать, обязательно. Я же любящая дочка. Но в приоритете была бы своя семья.

Папа с недоумением переводит взгляд с меня на маму, с мамы — на меня.

— Янчик, ты связалась с плохим парнем?

Папа вообще не в курсе, что мама ему попытку самоубийства приписала? Теперь я уверена, что несостоявшееся отравление чистая выдумка. Только вот... ему всё равно. Смотрит на меня пустым взглядом.

— Па...

— Янчик, ну что ты. Давай мириться? Мы с мамой тебя очень любим. Зачем нам ссориться из-за мелочей?

Раньше бы я уже под гнётом чувства вины давно втянула голову в плечи и просила прощения.

— Моя жизнь по-вашему мелочь? По вашему отношению — да, мелочь. Но сегодня я прозрела.

Мне удаётся говорить спокойно, по-настоящему доброжелательно. Но отец почему-то отшатывается, а мама перестаёт плакать, даже руки от лица отняла и смотрит на меня поражённо. Она открывает рот и... закрывает, так ничего и не сказав.

— Янчик, — просяще мямлит папа.

Я морщусь, впервые неприязненно.

Качнув головой, я кладу мамин телефон, который так и не выпустила из рук, на стол. Свой бросаю в сумку. Следом ноутбук, клубок проводов, в который превратились зарядки.

Мама ойкает. Что-то сообразила? Она опрометью выбегает.

Я не отвлекаюсь.

Папа топчетя у двери, и вид у него старого дворового пса. А ведь я помню его другим, помню, как он вечером брал меня на прогулку и учил кататься на велосипеде, бегал за мной, страховал, как покупал мне мороженое-рожок, потому что эскимо у меня, подтаяв, вечно падало на асфальт, и я расстраивалась. Помню, как он играл со мной в куклы, когда я заболела. Помню, как водил в парк аттракционов и помогал с уроками. Самое главное, я помню, как он верил в меня, верил в себя.

Куда всё делось?

Лишившись работы — попал под сокращение — папа искал вакансии, устраивался на временные подработки. Но всё чаще он оставался дома, а сбережения таяли... Однажды мама попросила заниматься с сестрой вместо репетиторов, потому что они нам больше не по карману.

В какой-то момент я пошла подрабатывать — жизнерадостно улыбаясь, предлагала усталым покупателям в супермаркетах попробовать колбасы, сыры, йогурты, или бывало, что в душном костюме какого-нибудь забавного чудака раздавала листовки. Сама не замечая как, я взвалила содержание семьи на свои плечи.

— Яна! — с криком в комнату влетает сестрёнка, перепуганная, и не трудно догадаться, кто её напугал.

Зло берёт.

Одно дело я... Всё же я уже не ребёнок. Сестрёнка ещё подросток. Пусть не малышка, но девочка же. И использовать её для шантажа... мерзко.

— Да? — я указательным пальцем легонько, будто пушинку, стряхиваю, щёлкаю её по носу, присаживаюсь на стул, чтобы оказаться на одном уровне с сестрой. Совсем как Ариэль недавно...

— Это правда?! Мама сказала, что ты нас бросаешь!

— Нет, неправда. Помнишь, я тебе рассказывала, что мне нравится Миша? Он пригласил меня на свидание, а мама наше свидание сорвала, и я очень обижена.

Мама появляется в дверном проёме:

— Хочешь променять нас, сестру на своего Мишу, так и скажи!

Дурдом!

Я бросаю взгляд за окно — ещё не слишком поздно.

— Пойдём пройдемся? — предлагаю я сестре. — Поболтаем. Я куплю тебе мороженое. Рожок хочешь?

— Да..., — замороженно отвечает сестрёнка.

— У нас нет на это денег! — выкрикивает мама, но я не обращаю внимания. Деньги есть, потому что с этой минуты бюджет отдельный.

Окружающее пространство начинает размываться.

Я будто в окно заглядываю, которое постепенно с краёв запотеваает. Жизнь моего земного воплощения раскручивается перед глазами. Я не знаю, вижу я то, что уже было или то, что только будет. Я не куплю сестре рожок, я поведу её в кафе и куплю целую креманку с разноцветными шариками мороженого, орехами, шоколадом... Мы будем долго разговаривать обо всём и ни о чём, о жизни, о родителях, о будущем, и Лизи решит поступать в лицей-интернат с углублённым изучением языков. И у неё всё получится! Я... я по-прежнему буду оплачивать за родителей коммунальные услуги. Какими бы они ни стали сейчас, они подарили мне очень счастливое детство. Я буду оплачивать продуктовые доставки и... да, я попытаюсь найти для них хорошего психолога. Я буду верить, что мы вернём то прекрасное чувство и душевное тепло, которое у нас было.

А сама я... переберусь на съёмную квартиру, сменю работу и, наконец, встречу принца своей мечты.

Картинка тает без следа, я снова в чёрно-сером нигде держусь за путеводную нить. А последнее, что я вижу в своей земной жизни — свадьбу. И мой жених один в один Ариэль.

Прощавшись со своей земной жизнью — она продолжается для моего земного воплощения и я в ней, уверена, буду счастлива — я по нити возвращаюсь в свою нынешнюю жизнь, часть которой из-за Черис, увы, забыта.

На миг мне приходи в голову простая идея, очевидная — зачем возвращаться?! Можно же зацепиться за своё земное я, слиться с ним, стать единым целым, прожить жизнь, которую я успела увидеть и которая меня... вдохновила самой стать счастливой.

Кстати!

Всего лишь догадка, но выглядит здраво... Возможно, мне показалось, что меня выдернули из земной жизни за миг до моего прозрения потому что в нынешней жизни у меня случилось такое же прозрение? Меня не оставляет мысль, что здешние родители меня продали... Конечно, они прикрывались оправданием о лучшей жизни. Притворяясь Льяной, я, по их мнению, получала не проблемы, а полное содержание, красивые наряды, армию слуг.

Нет, оставаться на земле я не хочу. Я вспомнила ту жизнь. Зачем мне её проживать повторно? Я выбираю новую жизнь в своём новом мире, новое счастье, к которому я обязательно приду.

И я решительно поворачиваю обратно.

Притормозив на развилке, я выбираю правое ответвление. В отличие от левого оно оказывается очень коротким, и в считанные мгновения нить приводит меня к здешней маме. Я тщетно пытаюсь вспомнить хоть что-то, но на ум приходят одни “земные” картинки.

Не важно...

— Янри? — издали приходит оклик Ариэля.

— Я здесь!

Он появляется рядом почти мгновенно и почему-то обнимает меня, прижимает к себе. Я чувствую исходящую от него волну облегчения.

— Янри...

— Что случилось? — я провожу по его плечу, и вдруг понимаю, что повторяю жест с земной свадьбы.

— Ты... словно исчезла. Мне показалось, что ты потерялась.

Ну... в каком-то смысле.

Отвлеклась на параллельный мир, заглянула к себе-прежней в гости.

— Тебя потянуло следом? — хмурюсь я. Доставлять неприятности я не собиралась.

Ариэль почему-то морщится и отвечать не торопится.

Я уже собираюсь сказать, что не настаиваю на ответе, но Ариэль опережает:

— Поводок провис, и я увидел что-то странное... Янри, нам нужно возвращаться.

— Забыла..., — растерянно отвечаю я. Как я могла?!

— Здесь время течёт иначе, — объясняет Ариэль. — Это твоя мама?

— Да.

Родители вместе. Их заперли в тесной каморке, из мебели только брошенный на пол тюфяк и какая-то ткань, чтобы укрыться. Ни грустными, ни обеспокоенными они не выглядят. Устроились на тюфяке бок о бок, мама пристроила голову папе на плечо.

Наша комната в трущобах была не лучше...

Ариэль подхватывает меня под руку, и безоговорочно доверяюсь ему, позволяю увести себя от родителей, вывести из черноты.

Я прихожу в себя у решётки в коридоре. Я сижу на полу, облокачиваюсь частично на прутья, частично — на Лизи, сестрёнка поддерживает меня за плечи.

— Всё хорошо, — успокаиваю я.

— Я думала, тебе плохо. Ты совсем не ела, да? Вот, возьми, — Лизи протягивает мне замусоленную баранку.

У меня на глаза наворачиваются слёзы.

Ариэль рядом, закрывает нас... правда, не знаю от кого. Ни безымянного мужчины в тёмной одежде, ни Льяны.

— Девочки, вы как? Уходим?

Мы с Лизи переглядываемся и хором отвечаем:

— Да!

Ариэль подаёт мне руку и вытягивает с пола, как репку. Я бы встала и сама, но Ариэль опередил, причём справился без малейшего видимого усилия, словно весу во мне не больше, чем в пушинке. Обернувшись к сестре, я понимаю, что Лизи наблюдала за нами с чистым детским восторгом, и Ариэль в её глазах чуть ли не принц-спаситель из волшебной сказки. А в моих...

Определиться я не успеваю. Ариэль сходу задаёт бодрый темп. Поддерживая меня под локоть, он не забыл и про Лизи, твёрдо взял её за руку, чем вызвал счастливую улыбку.

— Спасибо, — тихо шепчу я.

Ариэль привычно усмехается, но не отвечает, целеустремлённо сворачивает в боковой коридор. Лабиринтом подземелья особняка де Ривей не назвать, но всё равно с непривычки заблудиться легко. Я только понимаю, что мы идём не к выходу. Или, по крайней мере, не к тому выходу, через который меня вела Льяна.

Кстати, где она?

— Сюда, — зовёт Ариэль и останавливается у ничем не примечательной глухой двери.

Уверена, мы отыскали моих родителей.

Ариэль оставляет нас с Лизи у стены, а сам, шагнув вперёд, обрушивает на дверь тьму. Створка под ударом буквально испаряется, осыпается на пол угольным порошком.

— Ма-па! — вскрикивает Лизи и, вывернувшись из моих рук, радостно бросается к родителям.

Мама и папа оборачиваются:

— Дочка?

На их лицах особой радости нет, только бесконечная усталость, но они охотно распахивают Лизи объятия, а мама даже слабо улыбается.

— Простите, что прерываю, но нам нужно идти.

Только сейчас они обращают внимание на Ариэля и меня, стоящую за его спиной.

Я поражаюсь...

Их действительно ничего не тревожит, начиная с крайне сомнительной сделки и заканчивая банальным фактом, что их заперли. Мне кажется, их спокойно могли не запирать — они бы и не пытались выйти.

Проклятье...

Почему мне не везёт с родителями вторую жизнь подряд?

Всегда ли мы нищенствовали в трущобах или в начале тоже был счастливый проблеск? Мир другой, а судьба повторяется...

Я сама не замечаю, как “включаю” магическое зрение. Окружающее пространство расслаивается на планы бытия, и я скорее по наитию, чем осознанно перескакиваю на самый тонкий. Узнавание, а вместе с ним и окончательное осознание простой истины приходит моментально — изменилась внешность, изменились декорации, но больше... ничего. Родители в моей прошлой жизни в этой точно так же встретились, поженились и открыли для меня дорогу в этот мир.

И не только родители, Лизи со мной в обеих жизнях. Ариэль.

Вместе с осознанием меня накрывает волной удушливой обречённости — неужели всё предопределено?!

Нет, я отказываюсь принимать поражение!

Я...

Если я изменила свою жизнь в земном воплощении, то и здесь смогу. Хей, я уже решила стать счастливой, долой сомнения!

— Идти? — растерянно переспрашивает мама. — Но куда же? Госпожа Льяна сказала оставаться здесь.

— Обстоятельства изменились, — отвечает Ариэль, и родители подчиняются его спокойной уверенности.

Осталось выбраться из особняка...

— Я так и знала, — раздаётся голос... Льяны.

Мама ойкает и закрывает ладонью рот, в её брошенном на Льяну взгляде расцветает чувство вины. Папа просто опускает голову.

Спокойнее всех снова Ариэль:

— Госпожа Льяна, вы с одного раза не понимаете, да?

— Я стала сильнее, — усмехается она. — К тому же... я не Льяна. Ты ведь уже догадалась, да, Янри?

Нет.

Ничего я не поняла, кроме того, что Льяна действительно изменилась. Нас уже трое?! Лишь бы не начать размножаться почкованием в геометрической прогрессии...

Родители отступают в комнату, утягивают за собой Лизи, и я не могу не согласиться с их выбором. Я тоже пачусь, освобождая Ариэлю пространство. Льяна невозмутимо следит за нашим манёвром, цокает задумчиво. Сейчас додумается до какой-нибудь гадости, но Ариэль обрывает её размышления самым грубым образом — атакует магией.

Льяна не только не защищается, но и со смехом распахивает руки навстречу чёрной волне.

Что-то не так...

— Ариэль! — или не лезть под руку, не отвлекать?

К счастью, мой окрик не становится фатальной ошибкой. Ариэль даже не оборачивается на меня, я чувствую эмоциональный отклик — Ариэль делится своим спокойствием и непоколебимой уверенностью. Я же передаю ему те образы, которые мне удалось уловить во время борьбы с Льяной.

Ариэль вдруг теряет уверенность, тьма развеивается.

Льяна стоит невредимая. На её губах расцветает насмешливая улыбка. Она склоняет голову к плечу и смотрит на Ариэля как кошка на мышонка, ещё не схватившая, но уверенная, что ему не избежать её когтей.

Ариэль быстро успокаивается, хмыкает и... разбивает очередной флакон:

— Я тоже умею удивлять.

Коридор тонет в ослепительно-белом свете. Льяна с визгом, будто её ошпарило, бросается прочь, я слышу её бег. Ариэль берёт меня за руку и совершенно неожиданно подносит мою ладонь к губам, целует запястье, будто ловит биение пульса.

— Ты был великолепен, — улыбаюсь я, почему-то уверенная, что Ариэль ждёт именно лести.

— Нам пора, — он нехотя отпускает мою руку.

И я понимаю, что сцену между нами наблюдали родители и Лизи. Сестра в восторге, а вот мама... хмурится.

— Уходим, — повторяю я. Командный тон действует на родителей.

Ариэль уверенно ведёт по переплетению коридоров, возникшую на пути дверь безжалостно сносит. Открывшийся проём выводит в самый край то ли сада, то ли уже леса. Зелёные кусты растут перемешку с желтолистными деревьями. Куда-то в заросли убегает тропинка...

Неужели выбрались? Радоваться рано, но иллюзия простора дарит ложную надежду на финиш злоключений. Ариэль не спешит, прощупывает проём тёмно-серыми сотканными из дыма жгутиками, и, только признав его безопасным, первым поднимается по потемневшим от старости ступенькам.

— Ты здесь бывал? — я не могу удержаться от любопытства.

— Надо же было присматривать за драгоценными соседями.

На улице никого.

— Янри, но разве это нормально вот так бросать свою хозяйку? — “просыпается” мама.

— Да, Янри. Госпожа Черис нам заплатила, а госпожа Льяна пригласила жить в резиденции вместо наших трущоб. Мы не должны их расстраивать.

Тьфу!

Ариэль с недоумением оборачивается, он даже выслушивает их бред до конца.

— Эм... А вас не смущает, что у нас полным ходом война? Вспоминать про службу несколько поздновато, нет?

— Янри?!

По-моему, Ариэль даже не шокирован, а нокаутирован. Если честно, я шокирована тоже. Не может же быть всё настолько плохо!

Внезапная догадка, и я замираю на месте. Как тьма сводит с ума, я видела на примере Черис. Во мне, как в сейфе, на протяжении многих перерождений скрывалась сила Льяны. Родители перерождались вместе со мной. Так может быть они нормальные, это моя тьма их разрушала?! Ведь на земле с моим уходом всё наладилось...

Глава 11

Времени на размышления нет. Я кивком показываю, что я в порядке и мысленно делюсь своей догадкой.

— Мы разберёмся, — твёрдо обещает Ариэль, и я чувствую, что это не отговорка, а серьёзное намерение.

Мне бы удивиться нашему молниеносному сближению, но оно воспринимается настолько естественным, что нет сомнения — иначе просто не могло быть.

Густые заросли резко расступаются, и на круглой площадке с помятой травой нас встречает... стог, при ближайшем рассмотрении оказывающийся тщательно припрятанным экипажем-"яйцом". Рассчитан экипаж на двоих, при желании можно разместиться троим, нас же пятеро. Давно, с прошлой жизни, я не чувствовала себя в транспорте килькой в банке.

Родители заметно смущаются сдержанной дороговизны отделки салона, но послушно забираются внутрь, хотя я уже готова услышать от них очередной перл в духе "А давайте мы пешком?". Обошлось.

Устроившись лицом против хода движения, родители втискивают Лизи между собой. Мы с Ариэлем садимся напротив, и он тотчас приобнимает меня за плечи, позволяет облокотиться на себя.

— Нам не станут мешать? — спрашиваю я, имея в виду, что Льяна могла бы попытаться перехватить наш экипаж.

— Некому. Льяна нестабильна, а её отец в Туманной низине, он тоже любитель заглядывать в гости без приглашения. Есть у нас нечто общее, да?

— Ты расскажешь, чего де Ривей добиваются? — и, скосив глаза на родителей, поспешно добавляю, — Как-нибудь, при случае?

Ни к чему делиться с ними — не удивлюсь, если они вдруг перескажут разговор той же Льяне, если она окажется рядом.

— Да, расскажу.

Задержать нас на территории де Ривей действительно не пытаются, экипаж свободно скользит. Видеть, что происходит снаружи невозможно, но, судя по времени — мне кажется, проходит около

четверти часа — мы уже должны были пересечь границу, либо вот-вот пересечём.

— Погоди! — доходит до меня. — Прямо сейчас отец Льяны пытается устроить магическую катастрофу?!

— Да.

— И ты так спокойно об этом говоришь?!

Ушам своим не верю!

— Пфф! Пусть попробует. Контур действительно был повреждён, но я принял меры.

— Твоя самоуверенность... — вздыхаю я.

— Моя самоуверенность делает меня неотразимым.

— Угу, — я его восторга не разделяю, но буду верить, что Ариэль знает, что делает.

Экипаж мягко тормозит, дверца поднимается, и открывается знакомый вид, на особняк де Мракай.

Нас встречают давешняя горничная и лакей.

Ариэль, несмотря на тесноту переполненного салона первым протискивается на улицу, ухитрившись не зацепить ни меня, ни родителей. Чуть прогнувшись в корпусе, он склоняется, будто находится не перед собственным домом, а минимум на светском рауте, галантно подаёт мне руку.

С удовольствием оперевшись, я выбираюсь наружу.

Ариэль ведёт меня один шаг и отпускает, чтобы снова повернуться к экипажу:

— Маленькая госпожа, — приглашает он Лизи и тоже протягивает ладонь.

Лизи вспыхивает смущением и чистым детским счастьем. На Ариэля она смотрит с обожанием и трепетом. С налётом влюблённости... А ведь Лизи как раз в возрасте первой любви. Как бы не увлеклась...

Ариэль чуть медлит, позволяя папе поухаживать за мамой, но нет, инициативы папа не проявляет.

— Госпожа? — вместо него руку маме предлагает снова Ариэль.

Мама застывает, поджав ногу, будто цапля, и я отчётливо понимаю, что она боится. Боится как принять галантный жест, так и отвергнуть. Неловкость не допускает Ариэль, он всё же подхватывает мамину ладонь, подносит к губам и на тыльной стороне запечатлевает

лёгкий поцелуй. Мама не столько выходит из экипажа, сколько выпадает, полностью дезориентированная.

Папа выбирается следом... спокойный и равнодушный, даже тень ревности не мелькнула, ни желание оказаться на месте Ариэля.

Чем больше смотрю, тем отчётливее вижу — родители будто выпитые досуха.

— Кажется, ты была права, — шёпотом замечает Ариэль и переключается на прислугу. — Проводите моих гостей в лучшие комнаты, помогите привести себя в порядок и подберите что-то более подходящее из одежды. Учитывайте, что гости пропустили обед или даже завтрак.

Ни горничные, ни лакеи не допускают на лица эмоций, словно их хозяин каждый день в качестве дорогих гостей приводит оборванцев, и это в порядке вещей.

— Будет исполнено, господин. Я Миранда, — поворачивается статная женщина к родителям, — ваша горничная на время пребывания в де Мракай. Пожалуйста, обращайтесь ко мне по любым вопросам, я сделаю всё, чтобы вам помочь. Госпожа, господин, юная госпожа, прошу.

— Янри, я ненадолго отлучусь. Чувствуй себя как дома.

Из-за Туманной низины, да?

Не хочу отпускать...

— Будь осторожен и береги себя.

— Это приказ? — весело ухмыляется Ариэль.

— Да, — мне тоже удаётся улыбнуться.

— Подчиняюсь, моя госпожа.

Внезапно Ариэль притягивает меня к себе в объятия, и я подаюсь навстречу.

— Мне кажется, я знала тебя всю жизнь, — признаюсь я.

— Всю прошлую жизнь, — подсказывает Ариэль, заключает моё лицо в ладони и целует с трепетом и нежностью, плавно переходящей в страсть.

У меня мелькает мысль, что первая брачная ночь случится прямо здесь, в холле, при свете дня, и, надо признать, я ни капли не возражаю, меня даже слуги не смущают — уверена, им хватит такта уйти. Ни подглядывать, ни сплетничать они себе не позволят. Но

Ариэль с сожалением отрывается от меня. В его бездонных синих глазах я вижу жаркое обещание.

— Надо идти? — не хочу отпускать! Пусть я чувствую его безоговорочную уверенность в собственных силах, но не разделяю, и на душе тревожно.

— Нельзя позволить им её разбудить, — не очень понятно объясняет он.

Разбудить кого? Черис? Но разве её перенесли в Туманную низину? А зачем?

— Будь осторожен, — повторяю я.

Ариэль возвращается к экипажу, и те несколько метров мы идём, взявшись за руки. Теперь уже я крепко сжимаю его ладонь в своей. Ариэль мягко высвобождается, целует меня в щёку и скрывается в салоне экипажа. Дверца плавно опускается, отрезая его от меня. Сердце щемит.

Так и тянет крикнуть, чтобы остался, не уходил, достаточно дёрнуть за поводок, но... я же взрослая девочка, я сдерживаюсь.

Экипаж приподнимается над землёй и быстро скрывается за изгибом дороги. Порыв ветра бросает вслед экипажу пригоршню ярко-жёлтых листьев.

Я продолжаю стоять даже когда экипаж давно пропал из виду.

Рядом со мной неслышно возникает одна из служанок и раскрывает зонтик — с неба сыплет морось вперемешку с колкими снежинками.

— Госпожа? — окликает она меня.

— Чаю, пожалуйста. Я буду в кабинете.

— Да, госпожа.

Отношение ко мне разительно поменялось. Видимо, Ариэль дал соответствующие указания, за что ему большое спасибо.

Кабинет я нахожу сама. Книги на рабочем столе лежат так, как я их и оставила, не тронуты. Я в раздумьях барабаню по столешнице. Я уже получила ответы, которые искала, особенности тёмноэльфийских браков мне пока больше не интересны. В книгах же, не имея базовых знаний, я просто утону.

Я сажусь за стол, поддвигаю к себе чистый лист бумаги и принимаюсь записывать факты, подозрения, домыслы.

Туманная низина — ключ — портал в город сильфов... Как всё это увязать в понятную систему?

— Ваш чай, госпожа, — горничная предусмотрительно дополнила сервировку не вазочкой с конфетами, а блюдом с мясными рулетиками.

— Спасибо.

Женщина проходится взглядом по корешкам книг на стеллажах, затем достаёт одну и кладёт на угол стола:

— Возможно, вам будет любопытно, госпожа.

— Вдвойне спасибо!

Она улыбается и, предупредив, что будет ждать моих распоряжений, оставляет меня в одиночестве.

На тёмной обложке золотыми буквами выведено невыразительное название: “Размышления о прошлом и будущем Янсаэля де Мракая”. Если честно, без подсказки служанки, я бы ни за что не обратила внимания на эту книгу. Какое мне дело до чужих философствований? Но судить по названию не стоит.

Де Мракай... Очевидно, предок Ариэля? Будем знакомы.

Отправив первый рулетик в рот, я открываю оглавление.

Рулетик вкусный, а оглавление такое же невыразительное, как и название с обложки. Понять, о чём в какой главе написано, нереально, и я ныряю в текст в надежде, что с выражением мысли у автора нет такой беды, как с формулировкой заголовков.

Если честно, то первый порыв — захлопнуть книгу. Могла же горничная поиздеваться, но я упрямо продираюсь через нагромождение слов, пока не привыкаю к архаичному стилю Янсаэля де Мракая. Если представить, что его история — эта напевная легенда о старых временах, то сразу становится легче.

Предок Ариэля повествует о древних временах. Определить, идёт речь о событиях вековой давности или тысячелетней, я так и не смогла, да и не нужна мне точная датировка, поэтому для себя я ограничилась простым “давным-давно”.

Пролистав рассуждения об укладе жизни людей, тёмных эльфов и сильфов, я, наконец, добралась до сути — биографии некой леди Мимиэль, выдающейся дочери тёмноэльфийской матроны Седьмого Дома и пленного мага из людей.

Будучи полукровкой, Мимиэль была обречена стоять в иерархической пирамиде на ступеньку ниже чистокровных тёмных

эльфиек, однако унаследованные от матери амбициозность и жёсткий характер не позволили ей смириться с тесными рамками.

Леди Мимиэль покинула Кристаллические подземелья и основала собственный Дом на поверхности, возглавила таких же тёмных полукровок, как она сама. Некоторое время леди довольствовалась ролью торгового посредника между народами поверхности и тёмными эльфами, но амбиции росли.

“Мощь чистой тьмы разрушительна для хрупкого человеческого разума. Не выдержав давления, люди ошибочно обвиняют в своём сумасшествии саму тьму. Истинную угрозу для любого разума, человеческого, эльфийского или сильфийского, несёт тьма, отравленная болью и страданием, особенно предсмертной мукой. Леди Мимиэль в поисках могущества вступила на путь жертвоприношений, и её личность окрасилась чёрной кровью”, — я несколько раз перечитываю замысловатый абзац, чтобы уложить в голове.

Опасна не тьма, а разница потенциалов? Грубо говоря, человек может спокойно стоять под душем, однако Ниагарский водопад этого же человека расплющит в блин, хотя в обоих случаях вода одна и та же, “аш-два-о”.

Леди Мимиэль приступила к расширению своих владений, тогда же она начала массово захватывать людей для жертвоприношений в магических ритуалах. Вспыхнувшая война обернулась разгромом человеческих магов, Леди, к этому времени прозванная Кровавой, провозгласила себя ни много ни мало — императрицей и нацелилась на захват всего континента. Вероятно, дошло бы и до Подземелий, но леди не успела.

В какой-то момент Мимиэль пришла к мысли, что именно кровь ритуально насмерть замученных родственников позволит ей подняться на недостижимую высоту.

Дом Мрарвей раскололся. Дочь леди Мимиэль, веря в свою неприкосновенность, встала на сторону матери, а сын, понимая, что он первый в очереди на жертвенный алтарь, восстал, если так можно назвать пущенный в ход яд. Нет, он не убил Кровавую Мимиэль, не смог, не захотел поднять руку на ту, кто дала ему жизнь... Он погрузил мать в глубокий сон, построил для неё усыпальницу... на дне Туманной низины.

Ха?!

Я отодвигаю книгу.

Только что я получила ответ.

Говоря, что нельзя позволить им её разбудить, Ариэль имел в виду не Черис! Он говорил о Кровавой Мимизель.

Попытавшись представить, что ведьма, проспавшая невесть сколько десятков, а то и сотен лет, проснувшись, снова будет опасна, я не могу. Однако совсем недавно я точно также не могла представить, что существует магия. Вероятно, усыпальница — это не просто здание, а гигантская магическая ловушка. Иными словами — артефакт. Да и яд мог быть магическим, так что исходить буду из того, что Мимизель встанет отдохнувшей, полной сил.

Встанет?! Почему я думаю об этом, как о свершившемся факте? Ариэль ведь не допустит... А кто сказал, что не допустит?

Я доедаю последний оставшийся на блюде рулетик — незаметно я смела их все. А вот в чашке ещё больше половины, остыть полностью чай не успел. Я не торопясь отпиваю глоток. Читать дальше пока не хочется — надо переварить уже прочитанное.

В дверь раздаются три коротких удара. Дождавшись разрешения, дверь открывает горничная:

— Госпожа, к вам ваша сестра госпожа Лизари.

— Да, конечно, приглашай.

Горничная отступает, и в библиотеку вбегает Лизи:

— Янри, а почему ты здесь? — Лизи оглядывает заставленные книгами полки.

— А где же мне быть? — удивляюсь я.

— В ванной!

— А?

Разве... от меня пахнет? Я ведь плескалась относительно недавно.

— Госпожа Черис выбрала тебя, потому что ты красивая, а Майла сказала, что ты стала госпожой де Мракай, потому что тебя выбрал Ариэль. Господин Ариэль.

— И? — никак я не могу понять.

— Янри, здесь так хорошо, и есть можно, пока живот не лопнет. Я не хочу отсюда уезжать! Тебе нужно заботиться о красоте, чтобы господин Ариэль нас не выгнал. Книжки вообще скучные.

— Лизи...

— Пойдём! В ванной столько бальзамов, и они все так вкусно пахнут!

Мне совершенно не нравится, что я слышу от сестры. Лизи же, не замечая моей реакции, берёт меня за руку и тянет за собой. Я остаюсь сидеть и, перехватив её ладонь, вынуждаю Лизи остановиться:

— Почему ты думаешь, что Черис выбрала меня за красоту?

Лизи удивлённо распахивает глаза:

— Потому что ты красивая! Гораздо красивее меня, — Лизи надувает щёки с показной обидой, и я окончательно теряюсь.

Хочется сказать, что она ничем не хуже, и обязательно расцветёт, но...

— Лизи, — серьёзно объясняю я. — Черис выбрала меня не за красоту, а за сходство с Льяной де Ривей. Я притворялась племянницей Черис. Если бы Льяна была некрасивой, то Черис бы выбрала другую девушку, некрасивую.

Сестрёнка, я вижу, не воспринимает мои слова всерьёз, и возражение у неё железобетонное:

— Зато Ариэлю ты нравишься. Господину Ариэлю, — поправляется она.

— Господину Ариэлю нравится мой характер, склад ума, душевные качества. Сама подумай. Ариэль был давно знаком с красавицей Льяной, но не обращал на неё никакого внимания. Если бы дело было во внешности, он бы выбрал её.

— Я думаю, она ему отказала.

Рассказать правду? Едва ли Лизи готова услышать. Но позволить ей и дальше витать в её глупостях... опасно для неё же самой. Я не думаю, что ставка на внешность приведёт хоть к чему-то хорошему. Скорее, к горечи разочарования.

— Лизи, всегда найдётся кто-то более красивый. Если ты интересна только внешностью, то быстро проиграешь.

— Поэтому я и говорю, что тебе нужно принять ванну с омолаживающим зельем!

— Лизи, ты уже забыла, как тебя заперли? — жёстко спрашиваю я.

— Янри? — сестра... всё ещё не понимает, но настроение у неё портится.

— Тебя заперли, чтобы заставить меня делать то, что они хотели.

Лизи склоняет голову к плечу:

— А зачем ты заставила их заставлять? Ты же могла сразу слушаться госпожу Черис. Она такая добрая! Столько денег нам оставила! А потом пригласила в де Ривей... Здесь, конечно, лучше...

Лизи тоже заразилась безумием?

— Они хотели, чтобы я причинила вред Ариэлю.

Лизи хмурится:

— Но госпожа Черис такая хорошая...

— Потому что дала несколько монет? — сарказм так и рвётся. — Только хороший человек наймёт девочку из трущоб на роль фальшивой племянницы. Ради тех монет мне пришлось украсть имя Льяны де Ривей.

У Лизи на глазах выступают слёзы:

— Янри, прости-и-и-и!

Ну вот, довела. Ощувив укол вины, я напоминаю себе с чего разговор начался. И вообще, хотя для меня Лизи всегда будет маленькой сестрёнкой, она уже не малышка. И даже не ребёнок. Она подросток, который через несколько лет станет совершеннолетним человеком, полностью отвечающим за свои слова и поступки.

Я приобнимаю Лизи, глажу по спине:

— Я не сержусь на тебя, Лизи. Я хочу, чтобы училась оценивать не только сиюминутную выгоду, но и отдалённые последствия. Понимаешь?

— Да, — кивает Лизи, но как-то... неискренне.

— Хорошо, — я легонько щёлкаю её по носу. — Как только я освобожусь, мы вместе чем-нибудь займёмся. Да?

— Да!

Повеселев, Лизи бросает взгляд на пустое блюдо и загорается новой идеей — попросить у слуг чего-нибудь вкусного. Еда воодушевляет её больше баночек с чудодейственными бальзамами и кремами.

Снова оставшись в одиночестве, я возвращаюсь к чтению.

Кровавая Мимиэль была повержена, а её дочь — слишком слаба, чтобы оказать сопротивление уцелевшим человеческим магам, сплотившимся вокруг сына-бунтаря. Дом Мрарвей раскололся на де Мракай и де Ривей. Брат с сестрой поделили не только территорию, но и полное имя рода располовинили.

Новоявленная леди де Ривей была обречена, однако, как и когда-то мать, она сумела обернуть поражение в победу — откзалась от тьмы и приняла свет.

Переход должен был неизбежно убить её, однако случилось величайшее чудо — леди де Ривей выжила.

Добровольно представ перед судом, леди поведала, что была под принуждением. Кто бы сомневался, да? Она поведала, что бесконечно благодарна брату за спасение от материнских оков, что смена тьмы на свет подарила ей свободу, что она понимает ненависть магов и готова смиренно умереть за учинённые матерью зверства, если это принесёт людям хоть каплю облегчения. В общем, красиво наплела... Умирать леди де Ривей не собиралась — она между прочим призналась, что ещё будучи тёмной, несвободной, украла ключ от усыпальницы. А обретя свободу... она перво-наперво запечатала ключ, чтобы никто не смог освободить Кровавую Мимиэль. Почему не вернула ключ брату? Потому что хранить ключ на территории де Мракай опасно — сторонники Мимиэль ещё живы, и запечатать ключ в де Мракай означает облегчить им взлом усыпальницы.

Суд... признал леди невиновной, а я получила второй кусочек головоломки.

Те видения... Точнее, обрывки воспоминаний, которые я выхватила из памяти Льяны.

Первая леди де Ривей смогла обмануть и человеческих магов, и светлых эльфов, и сильфов — её обследовала комиссия. Она не перешла в свет. Она “слила” свою тьму в созданного из крови и магии двойника, использовала меня, точнее мою душу, в качестве клея, чтобы бездушный двойник не развалился. Свет же, который она якобы приняла, был чистой фальшивкой.

Вторая часть истории разворачивается прямо сейчас, ведь цель первой леди де Ривей осталась прежней — разбудить мать, вернуть в мир Кровавую Мимиэль.

Остался вопрос, ответ на который едва ли имеет хоть какой-то практический смысл — почему именно сейчас? Почему не десять лет назад, не сто, не двести? В самом начале дочь Мимиэль, вероятно, была под пристальным наблюдением, и она решилась на что-то, что изменило цикл её перерождений, но что-то пошло не так. Она потеряла память о прошлом? Ослабла? Не знаю... Факт в том, что

Льяна меняется. Да, она не смогла вернуть силу. Я настолько сроднилась с её тьмой, что магия охотно мне откликается. Я вытягиваю пальцы на правой руке, и позволяю клубам серого дыма подняться с ладони. Магия мне послушна... Зато Льяна вернула свою личность. Возвращает...

Ариэль, как не вовремя!

Может, мне удастся дотянуться до него мысленно? А правильно ли отвлекать? Возможно, прямо сейчас он сражается... Нет, об этом лучше не думать, потому что ноги сами понесут меня к Туманной низине, и мелочи, что я понятия не имею, где именно она.

Вскочив, я прохожусь из угла в угол. Мемуары Янсаэля и разговор с Лизи отвлекли меня, но сейчас тревога вернулась, в голову лезут всякие ужасы.

Не выдержав, я соскальзываю на нематериальный план бытия, оказываюсь в чёрном, тёмно-сером дыме. Пожалуй, прав Янсаэль — открывшаяся картина мало кому понравится, но вреда тьма не несёт, просто... её слишком много. Я в ней будто в толще глубокой воды. Возможно, в своих ранних жизнях я была не человеком, а эльфом, раз моя душа выдержала давление, не разрушилась?

Поймав связывающую меня с Ариэлем нить, я следую по ней...

Увы, рассмотреть материальный пласт реальности не получается, но я могу почувствовать, что Ариэль напряжён, что от него волнами расходится магия.

Его амулет вспыхивает нестерпимой синевой, и ввысь взлетает синий мотылёк. Это последнее, что я вижу ясно.

Очередной всплеск магии сбивает мою концентрацию, и я прихожу в себя, обнаруживаю, что лежу на полу и затылок немного ноет. Потерев саднящее место, я аккуратно сажусь. Получается, погрузившись слишком глубоко, я упала, где стояла? Логично, ведь в обморок именно падают. Перед экспериментами следовало лечь или хотя бы сесть. К счастью, я ударилась не сильно. Поднявшись, я убеждаюсь, что голова не кружится и ничего не болит.

Надо дочитать мемуары... Но прежде я зову горничную и прошу принести мне ещё чая.

Однако вместо девочки, чьё имя я ещё не знаю, появляется... Я напрягаю память:

— Майла?

— Госпожа, неприятности. Пожалуйста, взгляните, как можно скорее.

— Что случилось?! Что-то с Ариэлем?

— Господин умеет о себе позаботиться, — в ответе улавливается лёгкая снисходительность, Майла явно верит, что Ариэль играючи справится с чем угодно, но в то же время мне слышится и лёгкое удовлетворение, будто моё беспокойство ей приятно.

Мы сбегает на первый этаж, и Майла ведёт меня вглубь дома.

— Госпожа, ваша сестра пожелала спуститься на первый этаж. Естественно, я не стала препятствовать. Юная госпожа заинтересовалась Зимней оранжереей, где в заключении находится фея, пытавшаяся спровоцировать в Туманной низине магическую катастрофу.

— О?

Я моментально вспоминаю знакомство с феечкой в магазине одежды. Та фея советовала напроситься к Ариэлю в гости и добраться до своей сестры, соблазняла помощью.

Я срываюсь на бег.

— Лизи!

— Янри? Ты только посмотри! — восклицает она.

Майла подсказывает направление.

В оранжерее создан настоящий тропический сад. В кадках теснятся пальмы, фикусы, чуть ли не бананы... Один уголок отведён под водные растения. Я всё это отмечаю мельком, не всматриваясь. Взгляд задерживается лишь на одном саженце. Кадка стоит не только отдельно от других, но и на небольшом возвышении. Но меня цепляет не это. “Разлапистая”, напоминающая клён, форма листвы повторяет листву деревьев, окружающих особняк. Но если лес огненно-рыжий, то листья на саженце зелёные, и лишь по краю тянется алая кайма.

Лизи я нахожу в тесном тупике.

Сестрёнка стоит напротив Миранды и пыхтит, как обиженный ёжик.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Посмотри, Янри?

Миранда отступает на шаг и позволяет мне увидеть клетку с запертой внутри феей.

Очаровательная малышка взбивает воздух стрекозиными крылышками и держит соломенной тонкости ручки сцепленными у подола розового платья. Прямо, куколка-стесняшка.

— И?

— Познакомься, это Или, и Ариэль посадил её в клетку, как будто она не фея, а канарейка! Даже канареек ловить плохо.

— Когда Ариэль вернётся, мы с ним поговорим, — предлагаю я и протягиваю Лизи руку, чтобы увести.

— Но Или страдает сейчас!

Фея хлопает на меня глазами.

— Лизи, разве ты не обещала учиться думать о последствиях? По-твоему, почему фея заперта? Почему именно она, а не другая.

— У меня самые красивые крылышки? — с вопросительной интонацией звонким голосом предполагает фея.

И ведь не солгала — вопрос же не ложью

— Лизи, ты веришь?

— А...

— Лизи, в клетках феи оказываются по решению суда за совершённое преступление.

— Суда не было, — моментально надувает губы фея.

— Если преступление совершено на территории, имеющей статус суверенного владения, то владетель в праве вершить суд лично от своего имени, — спокойной объясняю я и тихо радуюсь, что успела разобраться с азами.

Фея стряхивает с крылышек пару ярких искорок, и Лизи замороженно наблюдает за их падением, протягивает ладонь, чтобы поймать.

Я перехватываю её за руку:

— Лизи! — наверное, я впервые повышаю голос на сестру.

— Я просто играла и немного увлеклась, — объясняет фея.

— Я слышала, что ты сознательно хотела спровоцировать магическую катастрофу, — хмыкаю я. — Причём слышала не от Ариэля, а от твоей сестры Инии, — я несколько вольно трактую формулировку первой феечки.

Или приземляется на дно клетки и отворачивается:

— С возвращением госпожи Мимизель тёмных фей ждёт величайший расцвет.

Спорить я не собираюсь и просто увожу Лизи.

— В гостях так себя не ведут, — замечаю я на выходе из оранжереи. — Лизи, что с тобой?

— Феи великолепны в обмане, — откликается Миранда. — Они умеют туманить разум, соблазнять, внушать. Все слуги в де Мракай умеют противостоять их чарам. К сожалению, гости бывают беззащитны.

— Я не буду пытаться открыть дверцу, — обещает Лизи, но я взглядом показываю Майле, чтобы за Лизи присматривали. И не только за Лизи. За родителями тоже — лишним не будет. Майла кивает.

Отпустив Лизи, я собираюсь вернуться в кабинет, но, проходя мимо окна, замечаю рваный полёт синего мотылька.

Глава 12

Толком не осознав, что именно вижу, я замираю перед стеклом. Издали приближающийся синий огонёк кажется большекрылой неоновой бабочкой. Утихнувшая было волна тревоги вспыхивает с новой силой.

Мотылёк оказывается... феей, да. Только явно какого-то другого вида, потому что крылья не стрекозиные блестяшки, а цветные.

Майла реагирует первой — распахивает створку. Фея — малышка одета в синий комбинезончик в тон крыльям — устало приземляется на мою ладонь, я протянула руку бездумно, на одних рефлексах. Схлопнув крылья, как настоящая бабочка, фея тяжело вздыхает. Становится видно, что оба крыла надорваны, и вообще не понятно, как фея ухитрилась долететь.

— Я принесу нектар, — вызывается Майла.

Фея никак не реагирует. Поёрзав, она приваливается к моему большому пальцу, опирается, как на спинку кресла.

Я терпеливо жду. Нехорошие подозрения крепнут и, честно говоря, я не хочу услышать то, что фея неизбежно скажет, не хочу услышать, что моих плечах снова гора проблем. Так хорошо было рядом с Ариэлем, не одной, а вместе...

— Лорд де Ривей использовал ключ, — голос у малышки, как и у всех встреченных фей, звонкий, несмотря на смертельную усталость.

— Он открыл усыпальницу?!

— Нет, — фея даже улыбнулась, — господин ему не позволил бы. Лорд вмешался в самый первый слой защиты и, — мимолётная радость испаряется без следа. — столкнул господина в одну из ловушек, а затем запер её ключом.

— Ариэль ведь жив?! — я почти готова прямо сейчас потянуться к нему через нашу связь, чтобы убедиться, что он в порядке, насколько это возможно в свете нынешних обстоятельств.

— Не ищи его, нет! — фея на моей руке аж подпрыгивает, забыв про усталость. Крылья распахиваются и снова схлопываются.

— Почему?

— Как по-твоему господин усыпил Черис?

Я пожимаю плечами:

— Магией? — ответ же очевидный и, наверное, невежественный.

— Господин использовал сон, разлитый в Туманной низине, — поясняет она. — Хотя господин знает, как сопротивляться действию чар, абсолютной защиты нет даже у него. Если ты попытаешься прийти к нему, как приходила недавно, то ты... тоже уснёшь. Понимаешь? Нельзя, никак нельзя.

— Ариэль...?

— Господин, возможно, ещё сопротивляется, но... — фея вздыхает, в воздухе повисает недосказанность.

Понятно...

По крайней мере Ариэль жив, это утешает.

Но мне-то что прикажете делать? Если я полезу в Туманную низину, то там же и останусь. Куда мне с настоящими магами тягаться? Я у Льяны выиграла лишь по случаю — она была ослаблена. Фея, будем надеяться, поможет, но полного доверия к ней у меня нет — разве она не сидела в амулете как в клетке?

Майла возвращается, в руках у неё миниатюрный поднос с кукольной посудкой, выполненной с невероятным вниманием к мелким деталям. Фея подхватывает графин, свинчивает пробку и, проигнорировав бокал, присасывается к горлышку. Пьёт с жадностью, но аккуратно. Останавливается, лишь ополовинев графин, но не возвращает его на поднос, продолжает тянуть нектар, но медленно, по глотку.

Наблюдая за ней, я пытаюсь представить, что полезного я могу сделать прямо сейчас, но идей нет.

Допив, фея возвращает графин на поднос. Майла уходит, и фея деловито поднимается на ноги. Малышке заметно лучше.

— Если ты всё время была с господином, то почему ты не предупредила его, что я не Льяна? — синий амулет висел на шее Ариэля всё это время, я помню. Он даже сверкнул, когда мы только столкнулись, и если тогда я синюю вспышку посчитала игрой света, то теперь уверена, что в тот момент фея как-то проявила себя.

— Потому что я увидела связь ваших душ, госпожа.

Вот как?

Я держу в уме предупреждение слуг, что феи умеют пудрить мозги.

— Ариэля надо спасать, — озвучиваю я очевидное.

— Сейчас господин сам стал дополнительным живым замком. Он бы мог вырваться из ловушки, но не стал, потому что платой за освобождение станет нарушение защитного контура.

— И что тогда делать? Не ждать же, когда Мимиэль разбудят?!

— Что-то, — не очень уверенно отвечает фея. — Вернувшись, Мимиэль продолжит начатое. Это катастрофа не только для де Мракай, а для всех.

— Ты намекаешь, что нам нужны союзники? Где их прикажешь взять? Насколько я помню, Ариэль обращался к Совету и получил отказ.

— Я сейчас смотрю на вас, госпожа..., — фея отвечает несколько невпопад, — Возможно, дело не только в банальном могуществе и манящей вершине власти. Зачем той же Льяне возвращение Мимиэль?

— Несколько жизней назад Льяна была дочерью Мимиэль и стала первой леди де Ривей после раскола единого дома.

Фея морщится:

— Госпожа, ты решила, что она дышит родственными чувствами? Тю. Нет, разумеется. Изначально я предположила, что она видит в Мимиэль сильного союзника, который наведёт желанные порядки, но теперь я подозреваю иное, и твои слова про прошлую жизнь мою догадку косвенно подтверждают. Вполне в духе Мимиэль было бы искать бессмертие.

— Хм?

— Бессмертие, — повторяет фея. — Не телесное, разумеется. Маги давно придумали способ поддерживать здоровье и юность. Если бы продолжительность жизни зависела только от состояния тела, маги давно жили бы вечно. Изматывается душа. Путь кровавых жертвоприношений, которым пошла Мимиэль, пачкал её собственную душу, и её ждало неизбежное очищение через перерождение.

— Ты хочешь сказать...

— При перерождении личность стирается. Считай, что душа — это бумага, а воплощение в материальном теле — карандашный набросок. Рисунок личности стирается. Мимиэль нашла способ вмешаться в естественный процесс и сохранить воспоминания.

— Но не сохранить личность. Хотя... Мне показалось в Льяне пробуждается та, первая леди де Ривей.

Фея ненадолго задумывается:

— Трудно сказать, но в одном я уверена — при перерождении новые воплощения получают уродливыми пародиями на изначальные личности. Видимо, найти способ исправить это без Мимизель её последователи не смогли. А возможно, они привязаны к ней какой-то клятвой...

— Короче, — резюмирую я, — души преданных сторонников Мимизель переродились и хотят её возрождения. И мы не знаем, под чьими именами они скрываются.

— Всё так, — соглашается фея.

Скверно...

Но если бы в Совете все без исключения были сторонниками Мимизель, не было бы необходимости играть в игры с фальшивой наследницей. Думаю, у меня есть шанс...

Мне придётся сыграть на незнакомом поле, сыграть по-крупному. И... выиграть.

— Время..., — я нахожу взглядом притаившиеся на полке часы. Близится вечер, и я сперва прочитываю цифры и лишь потом задумываюсь о том, что знаки отличаются от привычных. Цифры не арабские и даже не римские. Местные. Как, впрочем, и буквы в книге. Получается, в этом воплощении у нашей семьи тоже была жизнь до трущоб? Раз я обучена грамоте. Приятно восстановить кусочек забытого прошлого, но отвлекаться, увы, некогда.

Я перевожу взгляд на фею. Вроде бы союзница, но полного доверия к ней нет хотя бы потому что она делится лишь той информацией, какой считает нужным, я помню, что Ариэля обо мне она не предупредила.

— Тебе нужен отдых, — замечаю я. Фея всё ещё выглядит потрёпанной. — Твои крылья...

Уместно ли предлагать вызвать врача, если я не знаю, есть ли в этом мире хирурги, специализирующиеся на крыльях, как у бабочек.

— Я всё ещё могу летать, — не совсем верно понимает меня фея.

— Я имела в виду, не нужен ли целитель или кто-то в этом роде. Прости, я совершенно не разбираюсь.

— О-о-о..., — фея расцветает очаровательной чуть проказливой улыбкой, — спасибо. Нет, целитель мне не нужен, а вот отдых...

Фея подпрыгивает. На миг меня ослепляет вспышка синевы. На ладонь падает тяжесть, если сравнивать с весом феи. Проморгавшись, я вижу в своей руке знакомый амулет, висевший на шее Ариэля. Подсказок не нужно — я надеваю амулет. Я прекрасно осознаю, что примерять сомнительную штуковину с неизвестными свойствами опасно, но... А какой у меня выбор? Спрятать амулет в ящик стола и остаться без союзницы, без подсказок? Ариэль с феей не расставался, и это что-то значит. Аргумент в её пользу.

— Сохранились какие-то бумаги о визите комиссии? — спрашиваю я. — Возможно, ты помнишь фамилии магов?

Разговаривать с предметом несколько странно...

“В сейфе, наверное”, — звонкий голос феи появляется сразу в голове, и фея, предвосхищая мой следующий вопрос, добавляет. — “Доступа у меня нет”.

— А фамилии?

“Я бы могла вспомнить... А зачем? Я думаю, сторонников Мимиэль нужно искать среди элиты”.

— Всё равно полезно, — не соглашаюсь я. — Кстати... А что именно ты можешь видеть? Ты же как-то рассмотрела, что я не Льяна, что наши с Ариэлем души были связаны ещё в прошлом воплощении? Ты можешь увидеть души с памятью о прошлой жизни?

Фея отвечает не сразу, я успеваю дойти до библиотеки, когда снова раздаётся её голос:

“Не знаю. На Льяну бы посмотреть”.

— Где же я тебе её возьму?

А зачем я, собственно, пришла в библиотеку? Сейчас, увы, совершенно не тот случай, когда книжки помогут. Надо...

Нет же!

Я выскакиваю из библиотеки и очень удачно натыкаюсь на Майлу. Наверное, горничная оказалась рядом не случайно, а ждала распоряжений.

— Госпожа?

— Скорее! Помогите мне переодеться во что-то, что я ещё не надевала, и вид должен получиться представительный.

Фея к моему удивлению не лезет с расспросами, я лишь улавливаю лёгкую волну любопытства, сменяющуюся тишиной,

словно фея уснула. Может, она решила, что я хочу действовать самостоятельно?

Поговорим в экипаже...

Майла убирает мне волосы от лица, скалывает пряди на затылке. Причёска получается лёгкая, незамысловатая, даже небрежная, но вполне соответствующая деловому стилю. Юбочный костюм траурного чёрного цвета мне совершенно не идёт, подчёркивает бледность и тени под глазами. Мама бы сказала, что краше в гроб кладут, но я довольно киваю. Мой наряд — женская версия стиля Ариэля, и амулет завершает сходство образов.

— Экипаж, Майла. Я еду в Совет. Я понятия не имею, как им управлять.

— Советом? — горничная ловко разбивает моё напряжение.

— Экипажем, — искренне улыбаюсь я её шутке. — Впрочем, Советом, тоже.

Майла провожает меня вниз. Чёрное яйцо уже ждёт у крыльца, встречает меня поднятой дверцей. Яйцо не маленькое, как то, на котором Ариэль умчался, но и не большое, размером с дом, скорее среднее. Хм, до сих пор я видела только чёрные. Других не бывает? Я решительно забираюсь внутрь — если Черис справлялась, то и я сумею.

— Всё, просто, госпожа, — Майла протягивает мне бусину на серебристой цепочке, внутри переливается огонёк. — Достаточно сжать в руке и представить место назначения.

— Спасибо.

Действительно, просто — я, как и советовала Майла, сжимаю бусину, представляю овальное здание, вспоминаю стоящие у входа статуи.

Дверца опускается. И лишь когда экипаж трогается, я понимаю, что не спросила, как быть, если мне нужно в место, где я, допустим, ни разу не была и не знаю, что представлять. Мало ли, что мне потребуется.

“Совет? Что за спешка?” — отвлекает меня фея.

— Я просто подумала...

“Думать полезно”, — хмыкает фея.

— Если бы Совет был полностью в руках сторонников возвращения Мимиэль, то не было бы ни малейшей нужды в

соблюдении формальностей. Ты сказала, что Ариэль стал живым ключом. Получается, что Льяна может свободнее действовать снаружи, но при этом взломать контур стало труднее.

“Верно”.

— Я думаю, Льяна или её отец прямо сейчас бьют тревогу и обвиняют неизвестных злоумышленников в попытке взлома. Их цель — получить контроль над де Мракай официально. Временный контроль их тоже устроит.

“Ты можешь ошибаться”.

— Могу.

“Не боишься, что лорд де Ривей укажет на тебя, как на злоумышленницу?”

— Пусть только попробует.

Для лорда, Льяны и остальных у меня уже припасён рецепт — сон, вечный сон, как у Мимиэль. Если она им так нравится, пусть присоединяются.

Откинувшись на спинку сиденья, я прикрываю глаза. Тревога, отступившая во время разговора, грозит перерасти в панику. Фея как нарочно умолкла. Наверное, не стоит её тревожить, но она “просыпается” сама:

— Тёмные феи, их стало больше.

— Зачем им Мимиэль? Она же дочь тёмной эльфийки и человеческого мага?

— Тёмные феи обретают истинную силу, питаюсь нектаром так называемых проклятых цветов, прорастающих в местах массовых жертвоприношений. Она обещала взрастить проклятый сад на месте города сильфов. А жителей, как ты сама догадываешься, пустить на удобрение.

Экипаж замедляется. Остановка настолько мягкая, что едва уловима. Я сглатываю ставшей вязкой слюну и мысленно приказываю себе встряхнуться — я справлюсь, обязана.

Дверца поднимается, и я выбираюсь на мостовую.

— Быстро доехали, — говорю я просто чтобы услышать собственный голос.

В сумерках здание администрации выглядит волшебным, но у меня нет времени любоваться красотами.

Угадала я или нет?

И в какой кабинет мне идти?

Проклятье...

Прибавив шаг, я проскакиваю ведущую к ступеням аллею. Статуи эльфийских дев будто провожают меня взглядами, и я всерьёз задумываюсь, а не живые ли они. Если фея превратилась в талисман, то, возможно, девушки тоже когда-то были обращены в камень. представив, что такая перспектива может ждать и меня, я вдруг ощущаю прилив злого азарта, и по ступеням практически взбегаю.

Холл и коридоры пустуют.

Мои шаги ломают тишину, и внезапно будто невидимые двери распахиваются. Откуда-то сбоку появляется сутулый парень в сером костюме. На вороте рубашки красуется чернильная клякса.

— Госпожа де Ривей? Разве вы не... Оу...

Из его невнятного бормотания я вылавливаю главное — я права, Льяна здесь.

— Потрудитесь проводить меня, — приказываю я тоном, не терпящим возражений и сама себе поражаюсь. Откуда? Я никогда не умела так властно говорить. А вот понадобилось — и сумела.

— Д-да-да, госпожа, — дезориентированно закивал парень и сделал несколько шагов. — Госпожа...

— Веди, — повторяю я, и он, наконец, подчиняется.

А я пытаюсь удержать настрой.

Я почти не замечаю мелькающие коридоры — выйти обратно самостоятельно я едва ли сумею.

Парень останавливается перед двустворчатой дверью, охраняемой всё теми же статуями эльфиек. Я решительно оттесняю его и замираю перед створками. Изнутри не доносится ни звука — звукоизоляция на высоте. Жаль, конечно, что послушать не удастся.

Толкнув створки, я попадаю в просторный светлый зал.

Всё те же статуи...

Полукругом сидят незнакомцы, на вид — люди. Моё появление привлекает всеобщее внимание. С трибуны оборачивается... моя копия. Рядом с ней, вероятно, лорд де Ривей. Вживую я его не видела, так что могу ошибаться.

— Что...

Игнорируя реплику светловолосого мужчины, сидящего по центру, я поднимаюсь на трибуну:

— Позвольте представиться. Янри де Мракай, супруга Ариэля де Мрака, — объявляю я.

Мне безумно повезло, что я не просто фальшивка. Благодаря Ариэлю у меня появился официальный статус — козырь, с которого я могу зайти.

Амулет на моей шее подтверждающе вспыхивает синевой.

Льяна смотрит на меня с ненавистью и... жаждой. Тьма, некогда принадлежавшая ей всё ещё у меня. Уверена, прямо сейчас Льяна прокручивает в голове варианты, как уложить меня обратно на алтарь.

Но это не то, что я позволю ей сделать.

“Смотри”, — мысленно обращаюсь я к фее. Не знаю, услышит ли.

— Супруга Ариэля де Мракая?

Вероятно, светловолосый мужчина ни кто иной, как Премьер.

“Вижу”, — откликается фея. — “Её душа... Трудно объяснить. Будто прошлая личность прорастает в нынешней. Жуткое зрелище”.

Об этом пусть Льяна переживает.

“Кто ещё?” — нетерпеливо перебиваю я. — “Премьер?”

— Супруга Ариэля де Мракая, — повторяю я. — Мы поженились несколько скоропалительно — соединились магическими узами.

Премьер приоткрывает полу пиджака, и в воздух поднимается белокрылая феечка. Белокурая, одетая в светлое платье, она похожа на девочку-снежинку.

Подлетев ко мне, фея описывает неровный круг у моей головы и докладывает:

— Подтверждаю, — звонкий голос крохи не становится громче, но каким-то образом заполняет огромный зал. — Тёмная госпожа и Ариэль де Мракай сочетались магическими узами в тёмноэльфийской традиции.

Глядя на реакцию Премьера, я понимаю, что означает эффект разорвавшейся бомбы. Господа шокированы, заговорили все и разом, кто что говорит, не разобрать. Зато шёпот Льяны я слышу отчётливо:

— Тебе следовало бежать.

Неужели?

Магия научила меня тому, что по узам связи найти можно любого.

Я невозмутимо отворачиваюсь и сосредотачиваю свой взгляд на Премьере.

“Госпожа, сидящая с правого края, опасна”, — предупреждает меня моя фея. — “Её личность будто гнилой шелухой облеплена. Вероятно, вскоре также будет выглядеть Льяна”.

“Остальные?”

“Премьер под защитой”.

Хм? Получается, Ариэль не расставался с амулетом, чтобы закрыться от чужого любопытства? А я сейчас тоже под защитой? Или нет? Беянка ведь как-то рассмотрела связывающие нас с Ариэлем узы.

“Что насчёт отца Льяны?” — он добрался до контура, а тот факт, что он контролирует потоки магии де Ривей даёт ему дополнительное преимущество.

Однако фея отвечает на вопрос, который я не стала задавать:

“Я позволила ей увидеть”.

“Ты мысли читаешь?!”

Премьер, покосившись по сторонам, поднимает молоточек, какой ожидаешь увидеть у судьи, а не у политика. Гулкий удар эхом отдаётся от стен, рокотом прокатывается по залу. Гул голосов стихает.

Заговаривает женщина, которую фея назвала опасной:

— Госпожа де Мракай, при всём уважении... трудно представить, что господин Ариэль де Мракай добровольно вступил в неравный брак.

— Прямо сейчас контур на грани разрушения. При всём уважении, госпожа, вы уверены, что сейчас время обсуждать трудности личной жизни моего мужа? Или у вас есть сомнения в моём праве говорить от его имени?

Господа переглядываются.

— Госпожа де Мракай, — обращается ко мне Премьер. — Простите, но мне бы хотелось получить объяснение вашего поразительного внешнего сходства с госпожой Льяной де Ривей. Ваше внезапное появление из ниоткуда в свете сообщения об угрозе разрушения Туманной низины...

Это сейчас важно?!

Вопрос, конечно, резонный, но очень для меня неудобный. Признаться в том, что выдавала себя за Льяну — подставиться. Причём самой Льяне ничего не будет, ведь в роли кукловода Черис... незаконно усыплённая Ариэлем.

Чёрт...

— Я такой родилась, — пожимаю я плечами. — Прошлые годы прошли... в трущобах. Ариэль нашёл меня и настоял на браке. О причинах следует спешки и выбора именно меня в качестве супруги следует спрашивать у него самого, не находите?

— Госпожа де Мракай, — вступает в разговор другая дама, — мы уже слышали версию господина де Ривея. Пожалуйста, расскажите теперь вы.

Знать бы ещё, что именно рассказывать. Туманную низину я в глаза не видела.

На выручку приходит фея — амулет вспыхивает синевой и исчезает, а вместо него появляется фея. Замолотив крыльями, она с заметным трудом поднимается в воздух, а затем мягко приземляется на трибуну.

Крылышки выглядят ещё более потрёпанными, чем мне запомнилось. Разрывы будто стали больше. Феечка пошатнулась, но устояла.

— Иниа, — белая фея, успевшая вернуться к Премьеру, высовывается из-под лацкана. В её тоне слышится предупреждение.

— Иниа, — раздаётся новый голос.

С плеча Льяны взмывает фея со стрекозиными крылышками. Моя фея вдруг тоже поднимается к потолку, но в отличие от Льяниной феи, он набирает высоту неуклюже, дёрганно.

— Ари! — выкрикивает фея-белянка, но на неё просто не обращают внимания.

— Долго же ты скрывалась..., — хмыкает стрекоза, сверля мою фею взглядом. — Спор между нами всё ещё не завершён. Я требую поединок.

Глава 13

Что?!

— Поединок, — эхом повторяет моя фея, и я понимаю, что она согласилась. Но она же ранена! Куда?!

— Нет, — вырывается у меня.

Стрекоза, названная Ари, оборачивается и, широко улыбнувшись, молниеносно снижается, будто падает. Я почти протягиваю ладонь, чтобы её поймать — жест рефлекторный. Но она замирает у моего лица, меня обдувает ветерком её зудящих крыльев. Хорошенькое личико кривится в презрительной гримасе:

— Вмешательство, — с нескрываемым удовольствием произносит она единственное слово.

Что? Всего лишь реплика — и мне сразу приписали вмешательство в ещё не начавшийся поединок?

Никто не возражает, даже моя фея, которую тоже пора называть по имени. Иния. Посмотрев на меня со смесью жалости и усталости, она тоже снижается. В голове раздаётся её голос:

“Вот зачем...?” — она приземляется на моё плечо и сразу же садится, схлопывает крылья.

“Прости, я не знала, что нужно молчать”, — с нравоучениями, что поединок сейчас явно не к месту, я не лезу — толку? Иния уже решила. И что-то мне подсказывает, что она спровоцировала Ари преднамеренно. О том, что предупредить следовало заранее, я тоже молчу. Мы поговорим позже, если это позже будет.

— Я вмешиваюсь, — Льяна поворачивается к нам. — Для равновесия.

Кажется, поединок фей превращается в дуэль два на два.

Льяна жестом приглашает меня на площадку, отделяющую трибуну от кресел членов Совета, она выходит первой, и Ари не отстаёт, летит, держась у головы Льяны, но в отличии от моей феи не садится.

“Иди”, — подсказывает Иния.

Я всё же бросаю взгляд на Премьера, на фею-белянку, но они молчат.

Обогнув трибуну, я встаю напротив Льяны.

“Какие правила?” — мысленно спрашиваю я, потому что объяснять вслух никто точно не собирается.

“Запретов нет, кроме помощи со стороны. Зелья, артефакты и всё в том же роде считается такой помощью, даже если изготовлены самостоятельно.”

“Ясно,” — вру я. Уточнять детали всё равно нет времени.

— Вмешательство, — внезапно повторяет фея-белянка.

Я с недоумением оборачиваюсь. Неужели она решила тоже выступить? А на чьей стороне? Разве не получается, что под предлогом поединка любого можно запинать толпой? Или всё же есть ограничения.

— Хм? — Ари взлетает чуть выше.

— Я вижу в связке третьего. Я вижу участие Ариэля де Мракая.

“Иния?!”

“Боюсь, она права. Узы есть, и господин имеет возможность вмешаться, ловушка, в которой он оказался, препятствием не является”.

Плохо.

Трибуну обходит господин де Ривей, встаёт рядом с дочерью.

“Что ты задумала?” — я не могу не спросить, но Иния не реагирует, не спускает напряжённого взгляда с наших противников.

“Доверься...”

“Ариэль?!”

Ари нетерпеливо атакует — её крылья поднимают вьюгу чёрных хлопьев. У меня же само собой получается переключить восприятие на магический план бытия. Я выпускаю собственную силу. Тьма откликается легко, охотно, и я блокирую летящие в нас хлопья.

“Ты молодец”, — подбадривает Ариэль.

И почти сознательно совершаю ошибку — на долю мига я отвлекаюсь и тянусь к нему навстречу. Перед глазами тотчас возникает картинка. Камера из чёрного камня, тесная как склеп и склепом, вероятно, и являющаяся. Пол заболочен, залит густой жижей, и Ариэль наполовину погружён в неё. Маслянистый кисель уже затянул его ноги, на поверхности только голова, плечи, грудь... Видно правую кисть, а левую затянуло полностью.

Я неожиданно зеваю, и мысль прилечь рядом не кажется мне такой уж и плохой, хотя открывшийся вид вызывает почти животный ужас и понимание, что я вижу медленную смерть. Сколько человек способен протянуть без еды и воды? Совершенно не уверена, что магия, поддерживающая Мимизель, поддержит и Ариэля. Умом я понимаю, что сонная магия начала действовать на меня невзирая на расстояния, но вместо того, чтобы избавиться от наваждения, я просто смотрю...

— Очнись! — жёсткий оклик, и его сила проходит сквозь меня, смывая сонливость.

Ариэль будто ледяной воды на меня плеснул. Меня пробирает дрожь, я передёргиваю плечами, широко распахиваю глаза. Я снова вижу окружающую меня действительность, но увиденное в Туманной низине вьелось в память — не вытравишь.

Нельзя оставлять его там...

— Ариэль.

— Янри, сосредоточься, пожалуйста.

Я отвлеклась на какую-то секунду, но этого хватило, чтобы Ари пробила мой хлипкий щит. Иния забила крыльями, навстречу чёрным хлопьям устремились синие брызги. Её крылья... они не только обрели целостность, но и стали больше.

Иния оттолкнулась от моего плеча и уверенно полетела вперёд.

Ари, зло вскрикнув, сорвалась ей навстречу.

Феечки столкнулись в воздухе. Нет, они не устроили безобразную драку. Или обрушить друг на друга град ударов крыльями и есть безобразная драка?

Льяна, несмотря на то, что вызывалась первой, спокойно стоит, не вмешивается. А вот её отец ударил... в меня.

Если бы не Ариэль, прямо сейчас для меня бы всё закончилось в этой жизни. Но Ариэль меня спас. Оставаясь в ловушке физически, он всё равно встал за моим плечом. Передо мной раскрывается матово-чёрный щит, и летевший меня сгусток мрака влетает в преграду.

Грохот столкновения оглушает. Щит начинает корёжить и выгибать, от скрежета сводит зубы — звук хуже, чем металлом по стеклу. Льяна добавляет свой фальшивый свет и щит разламывается. Я успеваю заметить её торжествующую усмешку, но щит схлопывается, а вместе с ним схлопывается и сгусток мрака.

— Всё те же уловки? — презрительно хмыкает господин де Ривей.

Ариэль отвечает своеобразно — наносит удар, и удар такой силы, что отца Льяны сбивает с ног, он кубарем катится. Вторым ударом Ариэль отбрасывает от Иннии фею Льяны. Выглядит как чистая победа, но господин де Ривей, даже не поднимаясь, взмахивает рукой, и словно тёмную штору сдёргивает.

Взгляду открывается алтарь, и тотчас фальшивый свет ослепляет.

Льяна каким-то образом оказывается прямо передо мной:

— Пора вернуть то, что тебе не принадлежит, да? — хмыкает она.

— Пора компенсировать все те страдания, что ты причинила моим близким, да? — эхом откликаюсь я.

Я пытаюсь отбросить Льяну, но она охотно принимает касание моей силы, и я чувствую... как она снова хочет вышвырнуть меня из моего тела, занять моё место. И в этот раз она подготовилась лучше.

Поединок три на три развалился на очаги. То есть мне так по неопытности показалось. Между мной и Льяной появляется Ариэль, и её фальшивый свет бессильно меркнет, но удар тотчас наносит Ари — на нас обрушивается метель из чёрных хлопьев.

Иннию я не вижу. Синяя феечка пропала, будто утонула во тьме.

“Я в порядке”, — откликается она на мои панические мысли.

Чёрные хлопья сыпятся и сыпятся, щит не справляется, и хлопья прорываются, На меня словно настоящий сугроб обрушивается. Я с трудом дышу, пытаюсь вырваться, а сверху как глазурь течёт мрак — в бой вернулся господин де Ривей.

Ариэль обнимает меня за плечи, прижимает к себе. Дышать становится чуть легче.

“Доверься”, — шепчет Ариэль.

Чего мы ждём? Почему позволяем себя топить? Я не сомневаюсь, что Ариэль именно выжидает удачного момента. Давление грозит буквально размазать нас. Во тьме угадывается новое движение, на нас надвигается мощнейший поток. Он точно нас размажет!

— Даже не уловка, — хмыкает Ариэль.

Навстречу потоку поднимается не менее мощная волна.

До меня как сквозь забившую уши вату доносятся крики откуда-то издалека. Из всей какофонии я узнаю лишь звонкий голос феи-белянки. Похоже, поединок вышел из-под контроля. Столкновение двух потоков похоже на взрыв. Опора уходит из-под ног, я зависаю в

невесомости, и чувствую удерживающую меня от падения крепкую руку. Ариэль прижимает меня к себе.

К тьме примешивается какая-то ещё сила, смутно знакомая. Но нужно ли пытаться разобраться, когда Ариэль прекрасно справляется, а веки тяжелеют? Я бы могла подремать прямо так, на его плече...

“Не спать”, — встряхивает он меня.

Я вскидываюсь.

— Нет! — кричит кто-то за пределами досягаемости.

Потоки магии больше не противостоят друг другу, Ариэль... сливает их в единое целое. Выглядит так, будто он добровольно отдаёт господину де Ривею контроль, и я чувствую, как тот наступает.

К силе Ариэля примешиваются белёсые клоки, похожие на обрывки той самой ваты, которая мерещится мне в ушах. Рваных ошмётков всё больше, они безобидно повисают то тут, то там.

— Нет! Не делай! — кричит фея-белянка.

Что она поняла?

Магия на долгое мгновение словно замирает в хрупком равновесии, а затем с потоком силы приходит сплошной молочно-белый туман. Ключья разом смывает, относит от нас. Весь пришедший туман обрушивается на наших противников, и когда зрение ко мне возвращается, я вижу господина де Ривея, Льяну и её фею лежащими в белой луже.

Мне кажется, что они мертвы, но нет, Льяна делает глубокий вдох, глотает туман и, не открывая глаз, поворачивает голову — наши противники спят.

Ощущение присутствия Ариэля пропадает.

Иниа опускается мне на ладонь и оборачивается синим амулетом, которой я, не задумываясь, надеваю на шею.

Обернувшись, я нахожу взглядом парящую под потолком фею-белянку. Малышка снижается в подставленную Премьером ладонь.

Ха... Та дама, на которую указала Иниа, тоже в молочной луже, тоже спит.

— Прорыв, — глухо выдыхает Премьер.

Что это значит.

— Контур нарушен! Контур в Туманной низи..., — договорить незнакомый мужчина не успевает.

— Туман течёт! — выкрикивает белянка, и я мысленно соглашаюсь, “молока” стало больше. Ари под пеленой уже не рассмотреть, только одно крылышко торчит.

— Госпожа де Мракай! — надо же, как быстро я вдруг получила признание, — Остановите это!

Тумана всё больше, он подбирается к моим ногам.

“Отойди”, — подсказывает Иния.

Послушно попятившись, я отвечаю Премьеру:

— Сожалею, но не могу.

— Надо их вытащить, — предлагает голубоглазая брюнетка с залаченной чёлкой.

— Подайте нам пример, госпожа де Миан, — язвительно отвечает Премьер.

Туман снова подбирается ко мне, и я отступаю почти к самой стене, благоразумно не поднимаясь на трибуну — кто станет меня спасать, когда трибуна превратиться в погибающий остров в море тумана?

Белянка храбро опускается к самой поверхности белого марева. туман, до этого густой, киселеподобный, растекающийся с тягучей медлительностью, вдруг вздымается волной, и белянка едва уворачивается.

Теперь уже под пеленой скрыта не только Ари, но и Льяна, и господин де Ривей.

— Надо что-то делать...

Одна из дверей под напором тумана распахивается, и туман устремляется наружу, он грозит пролиться на первый этаж, вырваться за пределы здания. Сколько этого белого молока может натечь?!

— Госпожа де Мракай, я прошу у вас доступ к де... Мрарвей.

— Что?! — вскидывается брюнетка.

— Госпожа де Миан, вы ослепли? Вы не видите, что потоки двух владений слились воедино?

Брюнетка умолкает, а Премьер переводит взгляд на меня, и я киваю. Полагаю, его просьба чистая формальность, да и какой смысл отказывать в доступе, если я пришла в Совет за помощью. Самостоятельно я Ариэля не вытащу.

Госпожа де Миан поднимается со своего места вплотную подходит к туману.

— С вашего позволения, госпожа де Мракай, — цедит она.

И, не дожидаясь ответа, вскидывает руку. С её пальцев срывается огненный протуберанец, дама буквально выжигает туман. Белый кисель испаряется с п. Госпожа де Миан уверенно отвоёвывает метр за метром. Выглядит эффектно. Но... Сколько бы тумана она ни выжгла, его всё больше. Возможно, маги, работая посменно, толпой смогут сдержать туман.

Госпожа де Миан уверенно продвигается вперёд. Похоже, её цель — подобраться к своей коллеге.

“Как она там оказалась?” — удивляюсь я, припомнив, что сторонница Мимизель сидела за столами в полукруге вместе с остальными членами Совета

“Я помогла”, — хмыкает Иния. Не похоже, что феечку заботит происходящее.

А ведь госпожа де Миан уже добралась до спящей. Огонь длинными языками слизывает пласты тумана. Похоже, госпожа боится обжечь — действует очень бережно.

Появляется нога в белой туфельке на высоченном каблуке. Госпожа де Миан хватается спасаемую за щиколотку и рывком притягивает. Тело заметно сдвигается. Приободрённая, госпожа де Миан посылает волну огня себе за спину — расчищает путь. Отбросив мешающую туфельку, госпожа де Миан удобнее перехватывает спящую за щиколотку и продолжает тянуть.

— Госпожа де Миан, — окликает Премьер.

Госпожа игнорирует, только пыхтит. И у неё неплохо получается. Её удаётся почти полностью вытянуть тело из тумана. Раздаётся хриплый кашель, и женщина открывает глаза, обводит зал мутным взглядом.

Остаётся лишь отступить к возвышению.

Туман, как и с белянкой, вздымается волной. За спиной женщин будто белая стена вырастает.

Госпожа де Миан вскрикивает. Отпустив коллегу, бестолково ворочающуюся на полу и с трудом приходящую в себя, она встречает туман огнём, но испарить белую стену оказывается выше её сил. Огонь гаснет, и туман обрушивается на обеих женщин. В мгновение ока белое марево погребает их под собой.

— Чтобы их вытащить, нужен ключ, — задумчиво замечает один из мужчин.

— Именно, — подтверждает Премьер и ударяет молоточком по столу. — Я объявляю чрезвычайное положение. Всем внимание. С разрешения госпожи де Мракай лагерь должен быть устроен на северном склоне Туманной низины. Ответственный — господин Шурс. Здание Совета эвакуируется. Ответственная госпожа Камерина. Госпожа Фирсита, на вас меры по оцеплению здания и недопущению распространения тумана за его пределы. И да, госпожа, учитывайте самый плохой сценарий. Госпожа де Мракай, следуйте за мной.

Премьер, не оглядываясь, чтобы убедиться, иду я за ним или нет, устремляется к выходу на верхнем ярусе.

“Он на нашей стороне?” — обращаюсь я к фее.

Премьер произвёл на меня двойное впечатление. Он показал себя сдержанным, способным уверенно действовать в трудной ситуации — сплошные достоинства. Но в то же время на подсознательном уровне он мне категорически не нравится. Не вызывает доверия.

“Конечно же, нет”, — фыркает Иния.

— Что?! — я даже задаю вопрос вслух, а не мысленно.

Хорошо, что никто не слышит...

“Он на своей стороне, госпожа. Всё, что он хочет — сохранить своё место во главе Совета”.

“Но ведь он поможет?!”

Иния не отвечает.

Я прибавляю шаг, чтобы не отстать. Премьер, миновав пустую приёмную, приводит меня... в свой кабинет? Рассмотреть в деталях я не успеваю, лишь выхватываю из общей картинке массивный стол с идеально чистой столешницей и стоящую в углу ростовую статую эльфийки, стеллажи, книжный шкаф.

Не задерживаясь, Премьер сдвигает один из стеллажей и открывает потайную дверцу.

Мы попадаем в новое помещение. Комнатой его не назвать — голые стены и ничего больше. Пропустив меня вперёд, Премьер закрывает дверцу, и я успеваю заметить, что стеллаж пришёл в движение. Вероятно, чтобы встать на место и загородить дверь.

В помещении Премьер... Я не успеваю, куда именно он нажимает. В полу открывается квадратный колодец, навскидку метра два на два.

Дно настолько далеко, что не рассмотреть.

— Прошу, — Премьер первым шагает в пустоту.

Я замираю, ожидая, что он рухнет вниз, но ничего подобного. Премьер будто на прочнейшее стекло шагнул.

Не тот случай, когда можно позволить увидеть собственную слабость.

Раз Премьер не проваливается, то и я не упаду. Глядя прямо перед собой я усилием воли заставляю себя сделать шаг. По ощущениям — будто на батут наступаю. Невидимая поверхность мягко пружинит. Меня обдувает лёгким ветерком, дующим из колодца.

А затем... Я уже догадываюсь, что будет. До крови прикусив щёку изнутри, я не позволяю себе заорать, потому что мы... падаем. Проваливаемся вниз с быстротой скоростного лифта. Невидимая поверхность всё ещё пружинит под ногами.

Это лифт, просто лифт... Я уже каталась на похожем в том же “Бертоне”.

Приземление похоже на толчок снизу. Стопы касаются пола. Горжусь собой — я не только не заорала, но и не пошатнулась.

Премьер зажигает светильник.

Глава 14

Неровный свет расцветает на стенах красновато-жёлтыми кляксами. Шероховатый необработанный камень стойко ассоциируется у меня с подземельями, да и движение вниз намекает, что мы спустились ниже уровня земли.

Премьер открывает очередную тайную дверь, и короткий сумрачный тоннель приводит нас к глухой стене. В углу стоит каменная эльфийка, и её рука опущена на изваяние чудовища, похожего на помесь льва с драконом: гривастый, с усеянной кинжально-острыми зубами раззявленной пастью.

Премьер низко склоняется и... кладёт голову в пасть каменному льву. Раздаётся надсадный скрип, и верхняя челюсть начинает опускаться. Выглядит угрожающе, и, думаю, чудовище и впрямь способно обезглавить, хотя и каменное.

Челюсть возвращается в исходное положение, и стена плавно уходит в сторону. Открывается... сокровищница. Иначе я не могу назвать склад инкрустированных драгоценными камнями золотых кубков, золотых статуэток, многочисленных шкатулок и ларцов, невесть по какой логике расставленных на открытых стеллажах.

В глубине склада квадратный алтарь.

— Пожалуйста, госпожа де Мракай, — Премьер кивает на алтарь.

“Коснись”, — подсказывает Иния.

Я опускаю ладонь на гладкую поверхность. Руке становится тепло.

“Что дальше?” — уточняю я, но подсказка не требуется.

На алтаре проступают линии, и абстрактные полосы быстро превращаются в подобие карты, причём отдельные участки переливаются сиянием самых разных оттенков, в то время как большая часть карты выглядит безжизненно.

“Коснитесь сине-фиолетового пятна, госпожа”.

“Владение де Мракай?”

“Да”, — соглашается фея.

Следуя подсказке, я прикладываю палец, и рука... проваливается в алтарь, словно меня изнутри дёрнули вниз. Я вскрикиваю от

неожиданности и едва не падаю — удерживаюсь на ногах, потому что ухватываюсь за край алтаря.

Вторая рука оказывается в ловушке — я пытаюсь выдернуть и не могу.

В голове проносится миллион нехороших мыслей. Не самых разумных — если бы меня хотели запереть, посадили бы в камеру, а устраивали целое шоу с подземными сокровищами.

Так же резко, как схватил, алтарь отпускает мою руку.

— Статус подтверждён.

— Что?

— Статус подтверждён, — повторяет Премьер, вероятно, решив, что я не расслышала.

“Подтверждена твоя связь с де Мракай, госпожа”, — поясняет Иния.

Получается, если бы меня проверили таким образом, когда я изображала Льяну, я бы... осталась без руки?!

Я отступаю на шаг.

Сомнительно, что мы пришли сюда ради простой проверки.

Премьер погружает руку в алтарь бесстрашно и сразу по локоть. Со стороны выглядит так, будто он в ведре с киселём ищет утонувшую безделушку, и когда Премьер поднимает руку, в его пальцах оказывается зажат длинный стержень, один конец которого венчает лопаточка, а другой — острие.

Инструмент наливается магическим свечением.

Вонзив острие точно в край фиолетового пятна, Премьер обводит контур, но... включает в него и соседнее розовато-фиолетовое пятно, наверняка обозначающее владение де Ривей. Объединив две территории, Премьер перехватывает инструмент другой стороной и лопаткой будто миксером перемешивает два цвета.

На моих глазах два владения сливаются в одно.

Хорошенько перемешав цвета, Премьер снова берётся за остриё, и повторно обводит границу, а затем... вонзает острие в центр пятна. Инструмент проваливается в алтарь, и нежная сирень, в которую окрасилось владение на карте, вдруг оживает, вытягивается с алтаря, будто щупальце разворачивается.

Ассоциации самые неприятные.

“Стой спокойно”, — подсказывает Иния. — “Это проверка”.

Очередная?

Щупальце, качнувшись в воздухе, изгибается в мою сторону. Коснувшись плеча, оно оборачивается вокруг шеи мягким шарфом. Магия алтаря устремляется по нити, связывающей меня с Ариэлем и... следует куда-то дальше. Чуть расслабившись, потому что ни малейшей угрозы я не ощущаю, я позволяю потоку себя увлечь.

Ариэль по-прежнему в ловушке, он ещё больше погрузился в чёрную жижу. Я почти не ощущаю от него сопротивления сонным чарам. Ариэль не спит, скорее дремлет. Моё мимолётное внимание проходит для него незамеченным, и я следую с потоком магии дальше. Я буквально воспаряю к небу, и взгляду открывается вид на огненно-красный лес с высоты птичьего полёта. Я, раскинув руки, парю в невесомости, далеко внизу шапки деревьев сливаются в оранжевое море.

Лес расходится, я вижу двухэтажный особняк, в котором узнаю резиденцию де Мракай. Не столько узнаю, сколько догадываюсь.

Поток течёт дальше, и я оказываюсь над скалистой пустошью. Склон под углом устремляется вниз, и сверху долина похожа на каменную чашу, наполовину заполненную странным сероватым молоком. Я не сразу осознаю, что вижу Туманную низину.

Сирень подсвечивает сетку чёрных вен, оплетающих и чашу, и территорию. Наверное, это защитный контур и потоки магии, да?

Одна из особенно крупных вен бежит обратно, к особняку, а самая толстая тянется к круглой платформе из белого камня. Не похоже на мрамор, скорее... нефрит? Разве бывают настолько большие глыбы? Плита выглядит шлифованным монолитом.

Воздух над плитой дрожит и завораживает игрой миражей. Появляются то парящие в небе дворцы, то такие же сады или даже клумбы в парящих в воздухе кадках. В городе сильфов устроен даже фонтан-водопад. Я не сомневаюсь, что миражи показывают виды с противоположной стороны портала.

Но полюбоваться я успею позднее. Да даже если я никогда больше не увижу воздушный город сильфов... Где ключ?! Его следует искать городе? Или всё же портале? В переплетении чёрных вен? Сиреневая подсветка подсказки не даёт, магия алтаря — я прислушиваюсь — проверяет, действительно ли два владения соединились в одно.

— Госпожа де Мракай, у вас закружилась голова? — слышу я голос Премьера и возвращаюсь в реальность.

— Н-нет, уже всё в порядке, спасибо.

Оказывается, он придерживает меня за локоть и всматривается в моё лицо. Я выпрямляюсь.

— Вы готовы продолжать, госпожа?

— Да.

Что ещё?

“Самое главное”, — хмыкает Иния, ничего конкретно не сказав.

Премьер жестом предлагает мне снова коснуться карты. К тому, что рука снова провалится в алтарь, я почти готова, магия преподносит сюрприз — запястье не то иглой пронзает, не то обжигает.

Я рефлекторно отдёргиваю руку.

На запястье проступает переплетение чёрных и сиреневых линий, схематично повторяющих рисунок вен, оплетающих де Ривей и де Мракай.

— Госпожа Мрарвей, — кивает мне Премьер.

Официальное признание получено. Больше того, с повышением. Моя маленькая победа, да?

Разумеется, не только моя. Без Ариэля ничего бы не получилось, но это именно я поняла, что нужно ехать в Совет и успела в последний момент, до того, как де Ривей успели получить то, что они желали.

Получается... статуса владельцев их семья лишилась? Да...

— Идёмте, госпожа? — торопит меня Премьер. — Госпожа, вы действительно не можете взять Туманную низину под контроль?

— Нет.

— Жаль, — разочарованно вздыхает Премьер.

Он думал, что я набиваю себе цену? Хочу за помощь с Туманной низиной получить расширение территории?

Мы возвращаемся в тоннель, и плита бесшумно встаёт на место, скрывая сокровища. Премьер заметно торопится, прямо на ходу он напоминает, что лагерь будет разбит на северном склоне низины в ближайшие часы.

Волшебный лифт возносит нас обратно в секретную комнату, и, как только мы покидаем кабинет, я оказываюсь предоставлена сама себе. Премьер скрывается чуть ли не бегом. Это понятно — у него чрезвычайная ситуация, а я... обуза. Я даже не поняла, в чём смысл

официально подтверждать мой статус, но, уверена, смысл был — я слишком мало знаю о магии, чтобы судить.

Я оглядываюсь — где выход?

По приказу Премьера людей уже эвакуировали, и на подсказку случайного провожатого рассчитывать бесполезно.

В любом случае мне нужно на первый этаж, а там и через окно выберусь. Только где мне найти лестницу? Искать наугад плохая идея...

“Иниа?” — жалобно окликаю я в надежде на подсказку.

Ответ приходит не сразу, будто фея раздумывает, подсказывать мне или нет.

“Налево, госпожа... Мрарвей”.

— Спасибо, — отвечаю я вслух.

“Быстрее”, — в её звонком голосе угадывается тревога, и послушно прибавляю шаг.

До сих пор Иниа не давала повода себя подозревать в нехороших намерениях, но доверия у меня к ней... нет. Беспричинно. Какое-то глубинное отторжение. Но при этом в мелочах я готова полагаться на неё полностью и безоговорочно. Сказано быстрее — значит, быстрее.

Пробежать приходится немало. В какой-то момент мне даже начинает казаться, что я заблудилась. Наконец, я вижу зал и ковровую дорожку, будто красной полосой перечеркнувшую его надвое. Дорожка стелется по убегаящим вниз ступеням.

Дурное предчувствие холодит затылок.

Обернувшись, я вижу, как в зал почти сразу следом за мной затекает молочный туман. Откуда только взялся?! Я бежала по коридору — не было. Или я не заметила, потому что не приглядывалась, что там по полу струится?

Сизый завиток, дрогнув, тает, и туман, уже не такой плотный, почти невидимый, но по-прежнему опасный, устремляется чётко в мою сторону. Ни за что не поверю, что это совпадение.

Я припускаю вниз по лестнице.

Туман, словно почувствовав, что добыча уходит, нарастает на вершине лестнице матово-белой шапкой. На сугроб похоже. Но это не та красота, которой стоит восхищаться.

“Быстрее”.

Быстрее не могу — если споткнусь и полечу кубарем, переломаю ноги, точно никуда не убегу.

Почти одновременно с понуканием Инии, белый туман срывается с вершины и обрушивается вниз молочной лавиной. От былой медлительности не осталось и следа. На меня падает белая стена.

Глава 15

Туман поймал меня на нижних ступенях лестницы, мне оставалось каких-то пять шагов.

Не успеть, никак не успеть.

Спасительная идея... Я переваливаюсь через перила и просто падаю на пол. Белая пелена обрушивается на ступени, мгновением позже, и инерция увлекает туман дальше по наклонной.

“Вставай”, — торопит Иния.

Я ударилась боком, перекатилась. Вроде бы ничего не сломала, но бедро ушибла точно — ногу больно. Зашипев, я кое-как встаю на колени. Туман ждать не будет, он уже растекается от нижней ступени во все стороны, и это мой шанс — он больше не гонится за мной, потерял след, а значит, надо вставать и убегать.

Иния больше не торопит, она, как мне кажется, скупа на слова.

Я встаю на здоровую ногу, пробую перенести вес на ушибленную.

Бежать точно не могу, но ковылять — попробую. К дверям мне ходу нет, я слишком медленная, чтобы тягаться в скорости с туманом. К тому же, как я подозреваю, если я слишком приближусь, туман отреагирует. Поэтому... Оглядевшись, я выбираю окно.

Сизое марево скоро заполонит весь зал, в сторону окна туман тоже колыхнулся, но пока я выигрываю во времени.

Выглянув наружу, я воспряла — мне не нужно сигать в кусты или срочно отрезать волосы, чтобы сплести верёвочную лестницу для спуска. За стеклом открытая галерея, тянущаяся вдоль этажа.

Одна беда — окно витражное, вытянутое и ни намёка, что оно открывается.

Я оглядываюсь. Выбор простой — в окно или в туман.

Схватив тяжёлую напольную вазу, я стараюсь не думать о том, что она произведение искусства и вообще, возможно, антикварная, бесценная.

Замахнувшись, я обрушиваю вазу на стекло.

Грохот, разлетающиеся осколки, укол черепка в щёку. Ваза гибнет вместе с витражом, и в узком проёме остаются острые зубья осколков.

Отряхнув руку, я замечаю на ладони кровь. Надеюсь стеклянных заноз я не нахватала. Второй вазой я оббиваю “зубья”, расчищаю проём.

Оглянувшись, понимаю, что времени больше нет.

В проём я не залезу, но могу просто сесть, а затем перекинуть ноги наружу. Левая нога отзывается болью, а вниз, хотя высота небольшая, всё равно прыгать.

Я вываливаюсь с грацией мешка с картошкой.

— Больно-о-о...

Очень больно. Но я заставляю себя подняться. Левое бедро будто свинцовое и непослушное. Дав себе секундную передышку, я мысленно считаю до пяти.

А где все? Почему я никого не вижу? Где маги, которые должны контролировать распространение тумана?

Может... я всё испортила?! В том плане, что туман не вытек бы через стекло, если я его не разбила.

Я ковыляю прочь и на ходу пытаюсь растереть бедро. Не знаю, есть ли от этого польза...

“Где наш экипаж? Иния, можешь подсказать?”

С делами в Совете я, по идее, закончила.

“Что-то странное...”

— Что?! — на эмоциях я забываю, что говорить можно мысленно и перескакиваю на речь вслух.

Закрутив головой, я пытаюсь понять, что именно привлекло внимание фей.

“Де Ривей сидели тихо столько сотен лет... Я думаю, мы кого-то не учитываем”.

“Фей. Тёмных фей, — ляпаю я первое, что приходит на ум. — У тёмных фей власть недавно не менялась? Ты же говорила, что им обещан вкусный кусок пирога в случае пробуждения Мимизэль”.

— А ведь ты права! Менялась! — феечка даже воплощается ради ответа.

И, сорвавшись с шеи, приземляется ко мне на плечо.

Скосив на неё взгляд, я пытаюсь оценить, насколько повреждены её крылья, но Иния их сложила, не рассмотреть.

Открытие, похоже, не на шутку её взволновало, Иния аж на цыпочки приподнялась, мне показалось, что она прислушивается... к потокам воздуха. Она может уловить присутствие других фей? Её Ари

заметила, когда она сама захотела показаться. Иния будто нападения ждёт...

Её тревога передаётся мне, и я, припадая на левую ногу, ковыляю быстрее.

— Ты знаешь, куда идти, Иния?

— Мысленно позови экипаж, — подсказывает она.

А сразу нельзя было сказать?!

— И зачем я прыгала?!

— Оу, госпожа, вы думаете, экипаж заехал бы за вами прямоком в здание Совета? — ехидно усмехается феечка.

— Нет, но...

Было бы неплохо, если бы экипаж подъехал хотя бы к витражному окну, которое я громила вазой.

— По-твоему дороги для красоты прокладывают?

— Эм...

Под разговор из серии “ни о чём” идти легче. Да и вообще немного отвлечься полезно. Я всерьёз задумываюсь: если экипажи парят в нескольких сантиметрах над землёй, то в мостовых нет никакого смысла. Да, нужно обозначить проезжую часть, но к чему выравнивать колдобины? Эстетика? Но должно быть что-то ещё.

— Дороги, если хочешь, это... артефакты, — хмыкает Иния. — Фактически, они являются руслами для потока воздушной магии, как её обычно называют. Экипажи технически не могут пройти там, где для них не предусмотрен маршрут.

— Я поняла, ползём сами.

Экипаж появляется из-за полосы кустов, прикрывающих дорогу, останавливается и поднимает дверцу.

Я забираюсь внутрь и, мелькнув оглянувшись назад, приказываю дверце опуститься. Можно возвращаться....

— Иния, ты можешь рассказать мне про ключ? — спрашиваю я. Целью я выбираю северный склон Туманной низины.

— Что ты хочешь знать про ключ?

Распахнув крылья, феечка спрыгивает с моего плеча и перепархивает на сиденье против хода движения.

— Как ты? — невпопад спрашиваю я.

— Я умею быстро восстанавливаться, госпожа. Прямо сейчас я черпаю твои силы. Ты же надела амулет... Не волнуйся, госпожа, я

забираю излишек и не причиню вреда. Когда господин не мог меня подпитывать, я терпела.

Хм...

Как Иния летела на рваных крылышках, я помню.

— Что тебя связывает с Ариэлем?

Иния склоняет голову к плечу, ненадолго задумывается и, улыбнувшись, отвечает:

— Выгода, дружба. Если бы феи умели становиться такими, как люди и эльфы, то я бы... сама за него замуж пошла бы. Если бы позвал. Наверное... он больше, чем друг? Нет-нет, не в том смысле! Ариэль, конечно, хорош. Я хоть и маленькая, но девочка, так что оценить могу. Эх, был бы он ростом пятнадцать сантиметров, я бы и за бескрылого пошла. Мне он дорог как... очень близкий друг.

Она столько раз повторяет, что не влюблена...

К счастью, не похоже, что Иния ревнует или вообще воспринимает меня как соперницу. Она могла бы возненавидеть меня за разницу в росте, за то, что я могу быть с тем, с кем она не может, но Иния доброжелательна, мила.

— Так что насчёт ключа? — напоминаю я про главный вопрос.

— Ключ, — фея то ли не хочет отвечать, то ли не знает, что именно мне сказать, и, наконец, признаётся. — Я его никогда не видела. Госпожа, а зачем он тебе? Разве он нам нужен?

— Нужен, — твёрдо отвечаю я, хотя доходчиво объяснить зачем именно не могу. Да я даже воспользоваться им не смогу.

Ариэль сможет.

Иния снова задумывается и принимается рассуждать вслух:

— Ключ не должен быть на стороне сильфов, это просто небезопасно. Я никогда не слышала, чтобы у ключа был хранитель, доступ был только у де Ривеев.

— А теперь — у меня. И искать следует в портале...

Звучит сложно. Слишком сложно, поэтому планы на ключ я откладываю в сторону.

Я понимаю, что просто не будет, но очень хочу, чтобы маги сработали как единый организм: освободили Ариэля, починили контур, спели Мимизель колыбельную, а заодно уложили рядом Льяну и остальных...

Но интуиция подсказывает, что мне придётся побороться.

Бедро болит, и пакет со льдом был бы весьма кстати.

— Госпожа, тебе бы к лекарю.

Угу.

Но делать крюк я не буду.

Может быть потом.... Или пусть меня к лекарю ведёт Ариэль. На руках несёт, как принцессу.

— Не знаю, что у тебя за фантазии, — замечает Иния, — но вернись в реальность, госпожа. Я нервничаю.

Кивнув, я прикрываю глаза и погружаюсь в увлекательную борьбу с самой собой — мне хочется увидеть Ариэля, мысленно дотянуться до него по нашей связи, но делать этого категорически нельзя, потому что я рискую уснуть вместе с ним. Иния нас не разбудит. Вытащить его мне хочется больше, чем срочно увидеть

Экипаж тормозит.

— Если летать можно только над дорогой, как Ариэль... меня похитил?

— Проложил дорогу в озеро? — полувопросительно-полуутвердительно хмыкает Иния.

Я приказываю дверце открыться.

С высоты склона в сгущающихся сумерках Туманная низина выглядит ещё более величественно, чем мне показалось с высоты птичьего полёта.

Сизо-дымное марево окутывает непроницаемое молоко на дне каменной чаши. Туман в реальности слоится и... выглядит опасным. Даже если бы я ничего не знала о сонных чарах, укрывающих низину, я бы побоялась приближаться. Туман не просто густой, он странный неестественный. Самый нижний слой и вовсе похож даже не на молоко, а на белый шлифованный камень.

Я выбираюсь из экипажа.

Иния догоняет и падает мне в ладонь амулетом. Я надеваю кулон и продолжаю спускаться.

Лагерь на склоне уже появился, и выглядит основательно. Пестреют разноцветные палатки, выставленные в шахматном порядке, размерами и белизной купола выделяется центральная, наверняка нежилая, а отданная под нужды штаба. Периметр огорожен, наскоро сбит из... стволов свежесрубленных деревьев. Очевидно, что в расход пошёл окружающий лес, и это маленькое открытие портит настроение.

Я спускаюсь вниз, ко входу в лагерь.

— Госпожа де Мрарвей, — приветствует меня старший из пары маг.

Всё по-серьёзному, лагерь защищён не только ограждением. Встретившие меня маги в мундирах, явно военная форма.

Кивнув, я свободно вхожу. Никто не требует документов или иного подтверждения личности.

Я направляюсь к главной палатке, благо даже сейчас, в темноте она выделяется. Будто в ответ на мои мысли, в воздух взмывает фейерверк и оседает над лагерем мириадами негаснущих искорок. В лагере становится светло как днём.

Приблизившись к палатке, я честно собираюсь войти, но фраза, долетевшая изнутри, заставляет меня замереть.

— Туманную низину придётся уничтожить.

— Согласен. Иного варианта я не вижу.

Что?! То есть как... уничтожить?! А Ариэль?! Он ведь заперт в ловушке, и если Туманную низину уничтожить, то он погибнет вместе с усыпальницей. Я не для того давала своё согласие!

— Мы повредим контур, — возражает третий голос.

— И что? Контур уже повреждён. Счёт идёт на дни. Через два или три дня Усыпальница откроется, и Мимиэль проснётся. Нам следует действовать на опережение.

— Поддерживаю.

— По моим расчётам...

— Госпожа? — окликают меня со спины.

Обернувшись, я вижу темноволосого мужчину в военном мундире. Видимо, заметил, что я подслушиваю, и решил напомнить, что я веду себя... нехорошо. К счастью, главное я уже услышала.

— Да? — откликаюсь я.

— Госпожа, вам нужна помощь?

— Нет, благодарю.

Я бросаю взгляд на палатку-штаб. Войти? Скандалить и требовать, стуча пятками в грудь и кулаками по столу, чтобы мои требования учитывали? А кто я такая, чтобы требовать? Владетельница я только на словах, а реально управлять потоками магии я не способна.

— Госпожа?

Качнув головой, я уверенно вхожу в палатку, предупредив о своём появлении коротким стуком. Разговор внутри прекращается, взгляды обращаются ко мне. Я в ответ, не скрываясь, прохожусь по лицам. Премьера и ещё двоих из Совета я узнаю, остальных вижу впервые.

Скрывать, что я слышала разговор, смысла нет.

— Уничтожить Туманную низину? — переспрашиваю я.

— Только Низину, — кивает Премьер. — Мы не планируем трогать портал, поэтому не беспокойтесь, статус владения за де Мрарвей сохранится.

О...

Об этом я даже не думала.

— Простите, но меня беспокоит иное, — честно говорю я. — Мой муж заперт в ловушке.

Может, я зря испугалась?

— У вас же тёмноэльфийский брак..., — теряется одна из немногих присутствующих женщин.

“И что?” — вопрос я обращаю к феечке.

“Ты получила принадлежавшее ему владение и даже удвоила территорию, твой статус подтверждён. В замужестве больше нет никакой выгоды.”

— Мне нужен мой муж.

— Сожалею, — перебивает нашу намечающуюся перепалку Премьер, — но господином де Мрарвеем нам придётся пожертвовать.

Разрешение было ошибкой, очень большой ошибкой. Вместо группы спасения я привела стаю шакалов. Мысленно выругавшись, я подхожу к столу, окидываю взглядом цветную карту, пришпиленную к столешнице швейными булавками, ничего не понимаю и отворачиваюсь:

— Когда вы планируете начать? — Премьер легко солжёт, я не рассчитываю на правдивый ответ.

— До рассвета, — ответ далёк от конкретики.

— В таком случае не буду вам мешать. Если что-то понадобится, пошлите сообщение, пожалуйста.

Чёрт-чёрт-чёрт! На языке одни ругательства.

Выскочив из палатки, я пинаю ни в чём не повинный попавший под ногу камешек, выдыхаю и, не позволяя эмоциям захватить себя, направляюсь к выходу из временного лагеря. Темноволосый маг

ненавязчиво следует за мной до самой границы света и тьмы. Я покидаю лагерь и понимаю, что оказалась в темноте. Мрак самый обычный, не магический. Никаких текстур и дымных витков, сплошная давящая на глаза чернота, и глубоко внизу светлеет туман.

Я поворачиваю наверх, к вершине склона, где оставила экипаж.

Откликаясь на моё желание, дверца поднимается, и я иду, почти бегу, на свет салона. Запрыгнув в экипаж, я приказываю:

— Портал в город сильфов.

Нет никакой необходимости давать команду вслух, но мне от этого легче.

Дверца опускается, и экипаж трогается, со старта набирая скорость.

Откинувшись на сиденье, я прислушиваюсь к себе и пытаюсь уловить потоки магии. Артефакт в здании Совета нужные потоки уже “подсветил”, мне нужные потоки сиреневым светом. Мне не нужно искать вслепую, достаточно вспомнить... Только не понятно, чем именно мне поможет следование потоками магии, ведь портал я найду и без них.

Ключ... Неведомая штукавина. Возможно, артефакт, но это не точно. Возможно, ключ материален и похож на самый обыкновенный ключ от замка усыпальницы. Возможно, он вовсе нематериален.

У Ариэля бы спросить, но... В очередной раз напомнив себе, что нельзя рисковать, нельзя соприкоснуться с сонными чарами. Мне от одного воспоминания об их действии зевать хочется.

Экипаж тормозит.

В ночной темени белая мираж над белой платформой искрится как подсвеченный бриллиант. Чистый свет играет радужными бликами, и я зажмуриваюсь, чтобы избавиться от очарования. Кажется, что один единственный шаг отделяет от небесной красоты воздушных дворцов, соединённых подвесными мостиками. Фонтаном я и вовсе готова любоваться вечно, а вечно для меня — слишком долго.

Широко зевнув, я испуганно встряхиваюсь. На меня что, даже сейчас те чары действуют?! Через связь с Ариэлем, например? Узы ведь здесь, надёжно связывают нас.

— Иниа?

— Да, госпожа?

Я открываю глаза, но на портал больше не смотрю, сосредотачиваюсь на феечке:

— Когда он возник? Или был создан? Кем? Зачем? Почему? Что ты знаешь о портале?

Хлопнув крыльями, Иния взлетает и перепархивает к самому свечению, ещё чуть-чуть, и она окунётся в волшебное сияние.

Ответ приходится подождать, и эта её манера молча задумываться начинает немного раздражать. Иния поднимается выше и на распахнутых крыльях медленно планирует вниз к самой земле, лишь в последний миг избегает касания платформы и снова взлетает.

— Портал... Кровавая Мимиэль собиралась в ритуальном жертвоприношении уничтожить город сильфов. Думаю, портал создала именно она, а её дочь воспользовалась...

— Думаешь или знаешь?

— Предполагаю, госпожа.

Едва ли Мимиэль и её дочь могли создать хоть что-то хорошее.

Но мне нужен ключ...

— Что будет, если я шагну в портал?

— Ты... погибнешь.

— А?!

Это несколько радикальная защита, нет? Кто-то может шагнуть в портал случайно, по незнанию. Не обязательно разумные. Те же лесные животные.

— Ну, разумеется! — Иния садится мне на плечо.

Смотрит она на меня как на дурочку, словно я не понимаю чего-то очевидного.

— Объясни, — прошу я.

Иния открывает и закрывает крылья, смотрит на меня выжидательно, будто её движение должно было навести меня на мысль, но оно не наводит.

Вздохнув, Иния закатывает глаза:

— Госпожа, что ты видишь? Город сильфов воздушный город. Шагнув в портал, ты выйдешь на той стороне на высоте облаков. Ты умеешь летать, госпожа? У тебя есть крылья, которые тебя подхватят? Нет. Ты рухнешь вниз и разобьёшься о камни, если не умрёшь от ужаса ещё в падении, — объяснение Иния приправляет милой улыбочкой.

Ладно, она права — я могла бы догадаться.

Без прежнего опасения я снова всматриваюсь в сменяющие друг друга виды волшебного города:

— Если ключ не на той стороне, то он должен быть в портале. Иния, у тебя есть хоть какие-то идеи, как нам его достать?

Глава 16

— Нет, — феечка опускается на ветку ближайшего куста и складывает крылья. В темноте, среди густой листвы она становится невидимкой.

Мне предстоит справиться самой. О возможном поражении я вообще не вспоминаю, нет для меня такой возможности.

Приблизившись к portalу, я всматриваюсь в сияние волшебства в тщетной попытке рассмотреть хоть что-то. Мне ненужны воздушные виды, ни парящие дворцы, ни сады. Я хочу понять, что из себя представляет белая платформа. С высоты астрального полёта плита воспринималась монолитом, но это совершенно не означает, что в толще камня не был создан тайник. Прикрыть нишу миражом — почему нет? Сразу вспоминается вход в сокровищницу Совета, охранявшие его статуи и то, как Премьер положил голову в пасть каменного чудовища. Здесь же ничего похожего...

Идей нет, время уходит, и я решаюсь — переключаюсь на магическое зрение.

И едва не слепну. Я будто смотрела на солнце через специальное тёмное стекло, а затем по неосторожности его отбросила. Зажмурившись, я ещё и руками глаза закрываю.

— Госпожа? — окликает Иния.

Почему она не предупредила?

А должна была?

— Да?

— Нам стоит поспешить.

Угу.

Буду считать, что Иния меня просто так торопит, потому что иначе я начну волноваться, и у меня ничего не получится.

Вдох-выдох.

Не открывая глаз физически, я смотрю по-иному, магическим восприятием.

Мне нужны...

Территория, имеющая статус владения, отличается от любых других территорий особым течением магии. И если в бывшем де

Мракаей источником аномалии была усыпальница в Туманной низине, то сердцем де Ривей являлся портал. Потoki должны вести... в самую сердцевину ядра.

Вполне возможно, что я ошибаюсь, но я буду верить в лучшее.

Выбрав один из самых мощных потоков, я следую по нему, и не сразу замечаю, что с изгибом поток ускоряется. Магия подхватывает меня и буквально тащит вперёд. Скорость возрастает, и я чувствую себя попавшей на американскую горку, только без страховочных ремней. Поток утягивает меня ввысь, и, разогнавшись, обрушивается на плиту.

Мощь магии меня просто размажет. Я не понимаю, как справлялся Ариэль. Время словно замедляется.

“Я с тобой”, — откликается Ариэль, и меня омывает волной уверенности.

На долю мгновения я вообще забываю, где я, и этого хватает, чтобы слиться с потоком. Магия увлекает меня дальше по самому настоящему лабиринту, и я понимаю, что погрузилась куда-то под платформу. Так и должно быть? Наверняка...

Оглядевшись, я нахожу взглядом ядро, похожее на... коралл? Пористые ветки сплелись в пустотелый шар, и через просветы можно рассмотреть крытый внутри предмет. Подавшись ближе, я заглядываю в щёку — внутри парит самый обычный ключ как от амбарного замка.

Настоящий или ловушка? Хватать ключ я не спешу — как-то подозрительно просто я до него добралась.

Иниа за мной не последовала, подсказки не будет.

“Ариэль” — мысленно окликаю я, но в ответ приходит лишь усталость.

“Не рискуй собой, выбирайся и уходи”.

Вот уж нет!

Мне открывается видение, в котором чёрная жижа добралась уже до его шеи, только лицо на поверхности.

— Ариэль! — лучше бы толковый совет дал.

Я прикусываю губу до крови. С одной стороны, ключ манит, вот он — только руку протяни. С другой стороны, я подозреваю, что либо ключ обманка, либо ветки коралла запросто оживут и нашинкуют мои пальцы в фарш.

Ни тот, ни другой вариант меня не устраивают. А делать то что?!

Ключ... Дочь Мимиэль спрятала его, если верить мемуарам предка Ариэля, наспех. Придумывать сложную ловушку у неё не было времени. Значит, ключ, который я вижу, скорее всего, настоящий.

Сплошные догадки и никаких фактов...

Приблизившись к веткам коралла, я минут пять, если не больше просто рассматриваю их переплетение. С виду случайное, при внимательном изучении оно начинает казаться продуманным. Где-то ветки слиплись и срослись, переплелись, образуя непроницаемую многослойную стену, где-то наоборот расходятся, образуя “окошки”, но даже тонкая детская ручка неизбежно оцарапается.

Могла бы фея вытащить ключ? Протиснуться, думаю, смогла бы.

Размышления пустые — Инии со мной нет.

Хм... А может, защита для фей и не предусмотрена? Тёмные феи встали на сторону Мимиэль и её дочери, и не исключено, что первая де Ривей рассчитывала на их помощь.

Рассуждения упираются в тупик. Практической пользы от своих умозаключений я не вижу.

А может...?

Во мне магия той самой первой де Ривей. Через алтарь Совета я получила официальный статус владельницы. Так почему я не действую прямо?! Направив открытую ладонь на коралл, я призываю свою тьму, и в последний момент не обрушиваю на коралл всю досупную мне мощь, а мягко касаюсь основания, и коралл принимает силу как воду, пьёт жадно, тянет будто насос, и я не сопротивляюсь, отдаю.

Основание темнеет, и я понимаю, что я на правильном пути.

Коралл забирает всё больше и больше, тьма растекается по прожилкам веток, как по сосудикам, медленно добирается до кончиков веток, и первыми чернеют шипы. Постепенно чернотой наливаются сами ветви, основание. Коралл продолжает и продолжает впитывать магию как губка. У меня даже закрадывается подозрение, что я добровольно отдаю то, что пыталась получить Льяна, но нет. В какой-то момент я начинаю чувствовать ветви. Ещё недавно твёрдые, с магией они обрели мягкость и гибкость.

Ветки послушно расходятся, а одна, изогнувшись, выталкивает ключ мне на ладонь. Я ловлю добычу, и единение с кораллом

нарушается, ветви снова смыкаются, но остаются антрацитово-чёрными.

Я рассматриваю ключ.

Ни за что бы не подумала, что он какой-то особенный. Довольно большой — с трудом помещается в ладони, бороздка простенькая, незатейливая. Я сжимаю ключ и делаю шаг назад — мне нужно как-то вернуться в оставленное у плиты тело и при этом не потерять ключ.

Руку обжигает холодом, и ключ... растворяется в коже, остаётся на ладони двумя небрежными зигзагами, больше всего напоминающими шрамы, уж точно не схематичное изображение ключа.

Неплохо...

Я отступаю ещё на шаг и мысленно тянусь к своему телу. Вспышка головокружения валит меня на землю, и я не сразу понимаю, что упала не сейчас, а наоборот, когда покинула тело.

— Госпожа, осторожнее, — доносится из куста предупреждение невидимой Инии.

Что именно она имеет в виду мне не совсем ясно. Я опираюсь на локоть... Пытаюсь опереться. Локоть проваливается в пустоту, и до меня доходит, что рухнула я очень неудачно — на границу белой плиты.

Я рискую прямо сейчас свалиться в город сильфов.

Чёрт.

Пустота справа, твёрдая поверхность слева. Не рискуя встать, я изображаю червяка и отползаю от провала на безопасное расстояние. Когда я уже хочу сесть, проваливается нога. Тихо ругновшись, я отползаю ещё на метр. Совершенно некстати приходит воспоминание из детства, только не земного, а здешнего. Всего лишь осколок. Мне семь или восемь лет, мы с мамой, прилично одетые, прогуливались по улочкам ремесленного квартала. Как и в земной жизни, родители далеко не сразу скатились в нищету. Поскользнувшись на глине, я шлёпнулась и больно ударилась копчиком, а мама... вместо того, чтобы спросить, не ушиблась ли я, отругала меня за испачканное платье. Было обидно до слёз...

Я поднимаюсь, потираю бедро и, спохватившись, в свете миража подношу к глазам ладонь. Зигзаг не пропал.

Наверное, я смогу воспользоваться ключом...

Проблема в том, что ключ отпирает усыпальницу, и у меня больше шансов разбудить Мимиэль, чем вытащить мужа. Но это не значит, что я боюсь или тем более сдаюсь, просто стараюсь трезво оценивать угрозы.

— У тебя получилось, госпожа? — Иниа выныривает из темноты. В ночи её крылья кажутся не синими, а чёрными.

— Да, — признаю я.

Мне не нравится, как прозвучал вопрос — подозрительно.

— Тёмные феи танцуют у Низины.

— Что? — переспрашиваю я.

— Феи не нападут открыто, они играют и проказничают, провоцируя катастрофические последствия. Ты же знаешь, чьего пробуждения они ждут.

— Они рассчитывают, что я использую ключ.

— Тебе решать, госпожа.

Да, мне.

— Иниа...

— Осторожнее! — кричит она и свечкой взмывает ввысь.

Неужели нельзя сказать, где именно угроза?!

Из портала выныривает фигура с... хвостом. Я не сразу понимаю, что подол сшит внизу, и оставлены прорезы для стоп, и даже успеваю подумать, что прикрыться снизу логично — не будут же сильфы сверкать нижним бельём, проносясь над головой соплеменника.

Спикировав, сильф хватает меня за руку.

В лучшем случае — похищение. В худшем — меня скинут в портал, и я разобьюсь.

Умирать мне совершенно не хочется. Даже сознательного усилия не требуется, поток тьмы срывается с ладоней и обжигает сильва. Фигуру удерживают два крыла, сотканных из самого воздуха, очень похоже на искрящийся над платформой мираж.

Иниа парит над нами, не выказывая ни малейшего намерения помочь.

Сильв снова пикирует на меня, а за его спиной мираж отражает ещё три фигуры. Ещё чуть-чуть, и здесь их будет целая... стая.

Забрав ключ, я случайно открыла портал, да? Сильвы точно против возвращения Мимиэль, а следовательно — их цель ключ, их цель не позволить никому открыть Усыпальницу, и спасти Ариэля они

точно не согласятся. Да и вообще, какие могут быть переговоры с теми, кто сходу напал?

Я бью до того, как сильв успеваает обрушиться на меня. Волна тьмы откидывает его прямиком в портал, а затем я... обращаюсь к потокам магии и приказываю portalу закрыться. Я вижу, как крылатые фигуры ударяются о невидимую стену, теряют равновесие и падают. Им почти сразу удаётся выровняться, но больше напасть они не могут.

— Что там с феями? — переспрашиваю я. — Ты можешь определить, где они, сколько их, что они делают, Иния?

— Их два десятка. Одни отвлекают магов, а другие рвут защитный контур.

— Прекрасно...

— Госпожа?

Почему бы мне просто не прихлопнуть их как надоедливых мошек? Не убить, но оглушить и рассадить по клеткам.

Ничего не поясняя, я возвращаюсь к экипажу. Иния летит за мной. Словно уловив мой воинственный настрой, она не пытается сесть мне на плечо и “ехать верхом”, летит сама, держась сбоку чуть позади. Правда, полёт рваный, фея настолько старательно хлопает крыльями, то проваливаясь, то выравнивая высоту, что я почти усовестилась, но никак своих эмоций не показываю и забираюсь в салон. Иния впархивает следом и сразу же опускается на сиденье, устало закрывает крылья и, свернувшись калачиком, ложится на бок, пристроив под щёку ладошки.

Я молчу, прокручиваю в уме короткую схватку с сильфом — я сумела противопоставить ему не столько собственную силу, сколько мощь потоков, оплетающих де Мрарвей. Если я хочу победить, именно это мне придётся повторить.

Экипаж мягко скользит, движение почти не чувствуется. Я до сих пор не знаю, можно ли открыть окно, но сейчас в этом знании нет ни малейшего смысла — в темноте я ничего не рассмотрю, да и рассматривать нечего, поскольку ехать мы должны через лес. И я снова и снова возвращаюсь мыслями к схватке с сильфом.

— Прибыли, госпожа, — окликает меня Иния.

Вынырнув из размышлений, я признательно киваю.

Дверца поднимается, и я сходу понимаю, что ситуация в Туманной низине критически изменилась, причём в худшую для магов сторону. Над магами мельтешит рой. Почему Иния говорила о паре десятков фей? Их гораздо больше! Может быть, сотня?

— Да их тысячи! — эмоционально шепчу я.

— Иллюзии, — объясняет Иния. — Фея одна, а видишь десяток.

— Хм...

Маги должны это знать. Но почему тогда никак не отобьются? Феи нападают со спины, кружатся, вынуждают гнаться за собой и всё дальше отходить от Туманной низины. Маги не поддаются, но феи всё равно ухитряются им мешать.

— Левее, смотрите левее, госпожа!

Иния подсвечивает направление синей линией, в считанные мгновения гаснущей. Я успеваю заметить то, что Иния хотела показать. Четыре чёрные точки ныряют напрямиком в белое марево.

— Почему я их отсюда вижу? — феи слишком мелкие, чтобы я рассмотрела их с высоты каменного склона.

— Я помогла, — объясняет Иния.

Почему я верю ей всё меньше?

Но выбора у меня как такового нет — не буду же я открыто высказывать своё недоверие ей в лицо, потому что упрекнуть мне её не в чем, кроме манеры общения.

Туман на моих глазах будто разбухать начинает. Поднимается как молочная пенка на кофе, и делает это с невероятной стремительностью. Белое молоко готово заполнить низину и выплеснуться.

— Они что-то сделали?! — я не верю в совпадение.

Ответ приходит не от Инии.

Я чувствую, как натягивается... Должно быть, контур? Я закрываю глаза и прислушиваюсь к болезненному ощущению, почти выхожу в астрал...

— Нет! — выкрикивает Иния.

Укол в плечо заставляет меня очнуться. Я распахиваю глаза, возвращаюсь в реальность.

— Иния?

— Не делай! Госпожа... Тёмные феи легко порвут твою связь с телом, ты не сможешь вернуться.

— Предлагаешь бездействовать? — огрызаюсь я. — Извини. Я просто беспокоюсь за Ариэля.

— Я тоже беспокоюсь за господина, — примиряюще соглашается Иниа.

Только вот ничего не подсказывает.

Глубоко вдохнув, я решаюсь — делаю шаг вниз, туману навстречу. И тотчас останавливаюсь — как я могла забыть про сонные чары?! Я же видела, что случилось с Льяной и её отцом. Со мной будет то же самое. Мне бы респиратор какой-то...

— Иниа, как Ариэль сопротивлялся сонным чарам?

— Сила воли, привычка, тренировка.

Ничто из этого мне не подходит. Но я делаю ещё один шаг навстречу туману, вскидываю ладонь и направляю в туман тьму, и чернота разрезает белую пелену как нож.

— Сработало, — хмыкаю я.

Иниа лишь фыркает.

Я и без неё понимаю, что моих силёнок не хватит, чтобы пройти в усыпальницу. В какой-то момент я не справлюсь, тумана будет настолько много, что он просочится, навалится, и я пройду не больше пары шагов, прежде чем упасть.

Однако я вижу выход — моя сила не сработает, но я могу использовать внешний поток магии как коридор. Осталось либо выбрать подходящий, либо перенаправить ближайший, благо здесь, в Туманной низине, их достаточно много.

Снова сплошные догадки...

Навстречу туману я даже не иду, а бегу.

— Госпожа де Мрарвей! — выкрикивает кто-то, а значит, меня заметили.

Я не оборачиваюсь, притворяюсь глухой и, ударив собственной силой, создаю для себя что-то вроде тёмного пузыря и шагаю в белое марево, напрочь перекрывающее обзор. Под ногу неудачно подворачивается камень. Насколько неудачно, что впору заподозрить шутку тёмной феи. Потеряв равновесие, я лечу вниз, падаю. Бедро отдаётся вспышкой острой боли. Защитный пузырь лопаётся, и я оказываюсь в белом молоке. На плече наваливается что-то рыхлое, трудно осязаемое, неуловимое. Боль гаснет под гнётом тяжести, гнущей к земле, стелющейся будто зимнее одеяло, убаюкивающей.

— Иниа, — с трудом зову я. Язык едва ворочается.

Феечка то ли не отвечает, то ли я её не слышу. Возможно, она не полетела за мной в туман.

Я отчётливо понимаю, что на меня действуют сонные чары.

Ариэль...

Я не пытаюсь подняться, я лишь приподнимаюсь на локте и безжалостно хлопаю себя по бедру. От боли выступают слёзы, зато у меня получилось прояснить сознание. Краем глаза я замечаю чёрную мошку со стрекозиными крылышками. Фея! Действительно, без мелкой пакостницы не обошлось. Пускай улепётывает... Глупо тратить миг ясности на ловлю комара, один чёрт не поймает. Вместо этого я ищу ближайший поток, достаточно мощный, чтобы в диаметре быть не меньше полуметра, и, нащупав, зову к себе. Я бы с радостью сама доползла, но понимаю, что туман свалит меня раньше, чем я преодолею хотя бы половину расстояния.

Поток оказался не только достаточно слабым, чтобы легко развернуться, но и боковым, “свободным”, не увязанным в жёсткую систему с другими потоками. Мне, с какой стороны ни посмотри, повезло.

Магия омывает меня, смывает налипшее на тело белое нечто, и я, наконец, могу свободно вдохнуть.

Сонливость смывает вместе с туманом, и я замечаю, что ноги всё ещё в молоке, но чары уже то ли совсем не действуют, то ли действуют настолько слабо, что я их не замечаю. Но это не значит, что можно рисковать и прятать в тёмный поток только голову. Лучше побережься — лучше дальше продвигаться ползком.

Очередной рывок натягивает контур до предела, и я чувствую, что он вот-вот порвётся. Натяжение падает, и я понимаю, что две или три тёмные феи проскользнули в усыпальницу. А значит я снова катастрофически опаздываю.

Глава 17

Могу я застави ть магию ускорить своё течение? Такое себе ощущение, когда тебя тащит пузом по камням. Спасибо, что одежда хоть немного защищает — соберу синяки, но не царапины.

Усыпальница выныривает из молока так неожиданно, что я едва успеваю затормозить. Туман у стен гуще, плотнее. Левая нога снова оказалась вне потока, и я могу оценить, что туман и правда всё больше похож на молоко — пробираться через него всё равно что пробираться через толщу воды.

Не отвлекаясь на глупости, я рассматриваю усыпальницу. Точнее, мне открылся лишь небольшой участок матово-чёрной шероховатой на ощупь.

Я смутно представляю, как я вытащу Ариэля. Ещё больше меня напрягают ловушки — как мне в них не попасть?

Зато у меня есть ключ...

А раз у меня есть ключ, то мне нужна дверь. Поток магии, оперевшись в стену, не хлынул в усыпальницу, будто вместо монолита решето, а изогнулся и теперь огибает преграду. Меня устраивает — я ползком двинулась вдоль. Спohватившись, я стягиваю с себя... панталоны и аккуратной кучкой оставляю у стены — это будет единственный доступный мне ориентир на случай, если я обогну весь периметр и не найду дверь. Наткнувшись на свои панталоны, я по крайней мере пойму, что завершила круг.

Может, мне поискать щель, в которую провалились феи? Как только контур успокоился, я перестала его ощущать. Чёрт, я действую, как обычный человек, раз за разом забывая про возможности, которые мне даёт магия. Я даже останавливаюсь. Искать дверь на ощупь безопаснее, можно почти не бояться действия сонных чар. Но проём может быть не у самой земли, а, например, на метровой высоте, и тогда я его пропущу. Стоит попробовать... Главное не ошибиться и не вывалиться в Астрал.

Контур откликается, и ко мне приходит видение, будто я смотрю на усыпальницу сверху и одновременно сбоку. Этаким игрушечный

домик на ладони: кубик увенчанный ступенчатой пирамидой, и с одной стороны есть ступени. О, да! Я найду вход.

Правда, уверенность постепенно тает. Мне кажется, что я ползу вечность, и стена не кончается. Я будто топчусь на одном месте. Может, минутку передохнуть? Присесть, а лучше прилечь...

Чёрт!

Я подсказываю, забывшись, выпадаю из защищающего меня потока магии и полным ртом хлебаю туман. Наваливается сонливость... Наверное, меня спасает то, что я падаю обратно в поток, и сознание проясняется. Прикусив щёку изнутри, чтобы помочь себе болью, я продолжаю ползти и буквально через минуту стена кончается. Я поворачиваю и быстрее, чем ожидала натываюсь на ступени.

Здесь тоже никаких архитектурных изысков — к двери ведёт половинка ступенчатой пирамиды. Мне удаётся направить магию вверх сначала по ступеням, а затем по стене, и я наконец-то могу встать на ноги, распрямиться в полный рост. Дверной проём обозначен плохо прощупываемым орнаментом, но я не нахожу ни намёка на дверь. Может, я пришла к проёму-обманке? И даже к проёму, за которым меня поджидает ловушка?

Замочной скважины нет.

Я прижимаю к стене ладонь и мысленно приказываю проходу открыться. Зигзаги, оставленные на ладони ключом, вспыхивают, будто обожжённые холодом, а затем от моей руки по стене начинают разбегаться... трещины.

Самая крупная быстро упирается в орнамент и словно отскакивает, расходится двумя ломаными ветками. Проём очень быстро покрывается сетью трещин. Я отдёргиваю руку, и камень тотчас обрушивается мне под ноги мелким крошевом. Одна из колючих песчинок жалит открытую кожу. Я не обращаю внимания. Я кашляю от взметнувшегося облака пыли и сквозь слёзы, омывающие запорошенные глаза, вглядываюсь в недра усыпальницы.

Туннель, облицованный всё тем же чёрным камнем под небольшим уклоном убегает вниз. Я разгоняю туман потоком магии и медленно — всё равно я опоздала — спускаюсь. Пару шагов удаётся сделать посуху, следующий шаг, и я поскользнулась. Мысленно ругнувшись, дальше я иду ещё более осторожно. На полу лёгким

слизистый налёт черноты сменяется жижой, той самой жижей, в которую упал Ариэль.

Я на верном пути?

Проверяя стены, я не нахожу новых дверей, коридор идёт прямо, ни намёка на ответвление. Разве что тайный ход где-нибудь в потолке...

Усыпальница выглядит простой, построенной наспех, и я боюсь, что простота обманчива.

Коридор ничем не перекрыт и приводит меня в квадратную комнату. В стене напротив проём и новый коридор, а посреди комнаты... алтарь. Думаю, я не ошибаюсь с назначением единственной нечёрной каменюки с отшлифованной столешницей. Сбоку к алтарю приставлена...

Вау, просто вау. Я слышала, что такое бывает, но даже в кино ни разу не видела ложа, отлитого из чистого золота. Высокие изогнутые ножки, спинка, загибающаяся будто лепесток. Хотя нет, на витую ракушку похоже больше.

Золото ослепляет настолько, что я не сразу замечаю тонкую фигуру.

Шёлковое покрывало невесть когда сбилось в ногах спящей, одетой в роскошное, расшитое драгоценностями шёлковое же платье. Длинные волосы разметались, и взгляду открыты острые эльфийские уши. Кожа у... девушки — на молодую женщину внешне она не тянет, слишком уж юная — тёмная.

Мимизэль?

С ложа раздаётся тревожный вздох. Если прежде её сон был крепок, то теперь... зыбок. Мимизэль просыпается.

И я не представляю, сколько у меня времени в запасе.

И... почему тёмные феи не в комнате?! Почему они не пытаются ускорить её пробуждение?

Я не улавливаю их присутствие.

— Ах, — раздаётся с ложа.

Вздрагнув, я снова чувствую собственную беспомощность. Я не могу её усыпить, зато задаюсь очередным вопросом — туман ослаб? Он по-прежнему здесь. Я не рискую высунуться из потока магии и проверить на себе.

Мне нужно как можно скорее найти Ариэля.

Может быть, феи полетели к нему, чтобы утопить?!

Чёрт-чёрт-чёрт.

Я невольно ускоряюсь, и словно в ответ на моё движение и на течение магии, вымывающей из комнаты туман, спящая со стоном поворачивает голову. Её глаза закрыты, но ресницы уже дрожат.

Красться бесполезно.

— М-м-м, — вздыхает она, переворачивается на бок, с ложа свешивается босая ступня.

О ложе любящий сын позаботился, а тифлек маме не оставил?

Я, чтобы тревожить спящую чуть меньше, огибаю алтарь с противоположной от ложа стороны. Уже стоя в проёме, я на миг оборачиваюсь. Мимизель ворочается, но, слава всем богам, не поднимается.

Новый коридор уводит ещё глубже под землю. Я сглатываю и делаю очередной шаг по вязкой скользкой жиже.

Начинаются ступеньки, и спускаться становится легче.

Неужели ловушки глубже спальной комнаты? Это нелогично. Но вообще... Ариэль ведь не заходил в усыпальницу, и он, и отец Льяны находились снаружи. Вероятно, Ариэль провалился как в колодец. Пустые рассуждения — всё равно я не вижу других вариантов его найти, кроме как спуститься. Возможно, я совершаю ошибку...

— А-ах, — доносящееся со спины подгоняет лучше хлыста.

Лестница приводит в короткий горизонтальный коридор, оканчивающийся тупиком, и только в полу зияют пять квадратных проёмов, расположенных в шахматном порядке. Я заглядываю в ближайший и не нахожу ничего, кроме голых стен и чёрной жижи, полностью скрывающей пол. Слой может быть тонким, по щиколотку, а может — и с головой. К сожалению, не понять, а шеста, чтобы проверить, нет.

Хах, даже если бы я пришла не с пустыми руками, едва бы я догадалась притащить с собой длинную палку. Увы, от подготовки к экспедициям я далека.

— Незванная гостья.

— Воровка силы.

— Глупая фальшивка.

Вскинувшись, я вижу парящих над третьим от меня проёмом тёмных фей.

А почему им туман не мешает? Кажется, её звали Ари, и на неё сонные чары подействовали безупречно. Либо Ари притворилась спящей, либо феи нашли защиту. Я же нашла. Почему бы и им не найти?

Я встаю.

Я настолько освоилась с потоком магии, что закрутила его вокруг собственной головы, и теперь магия следует за мной.

Одна из фей пикирует обратно в проём, и у меня в душе появляется очень нехорошее подозрение. Атаковать первой?

“Иниа?” — пытаюсь позвать я, но моя фея не откликается.

Зато возвращается третья фея и бесстрашно подлетает ко мне:

— Незванная гостья, раз уж пришла, проходи. Клянусь тьмой, ни я, ни сёстры не помешаем тебе спуститься.

Надо полагать, мне помешают подняться.

Кстати, не скидывать меня в проём головой вниз они тоже не обещали.

— Не вижу спуска, — я подхожу ближе.

— Воздушная магия сильфов, — насмешливо подсказывает другая фея.

Я недоверчиво пробую воздух ногой — не обманула, воздух упруго пружинит. Прежде, чем шагнуть на невидимую лифтовую платформу, я бросаю взгляд вниз и снова не вижу ничего, кроме жижи. Феи заманивают меня в ловушку?

— Ты была такой храброй, а теперь позорно трусишь? — снизу раздаётся новый голос. И говорит определённо не фея!

У них голоса тонкие, звонкие. Не способен комар гудеть как шмель.

Раздавшийся внизу голос иной — очень низкий, хриплый. Не мужской... Он явно принадлежит женщине моих габаритов. Я растерянно оглядываюсь назад. Если Мимиэль спит, то с кем я столкнулась? Мать Льяны?

Я колеблюсь. Не уверена, что спускаться правильное решение. Я буквально лезу в пасть ко льву. Но если не спущусь... то, не сомневаюсь, меня спустят. Лучше уж самой. Альтернатива — бросить Ариэя и бежать. И если сбежать проблем нет, несмотря на ушиб бедра, бросить мужа я не могу. Поэтому, отбросив сомнения, я встаю на платформу, и воздушная магия плавно опускает меня вниз и... в

сторону. Над жижей протянут узкий каменный мостик, и на него я приземляюсь.

Хм... Заглядывая в проём, я ошиблась. Я решила, что колодцы сделаны независимо друг от друга, а оказывается, что комната одна. Тогда зачем пять проёмов вместо одного?

Я вижу почти утонувшего в жиже Ариэля, и сердце пропускает удар.

— Ариэль! — забыв о феях, я подаюсь к нему.

Спасатель из меня... никудышний.

Ни малейшего отклика — Ариэль спит.

Феи легко могли бы столкнуть меня в жижу и при этом не нарушить клятву, ведь я уже спустилась, но они выются чуть поодаль, не приближаются и даже помалкивают.

— Добро пожаловать, глупая девочка.

Я оборачиваюсь на голос.

Над чёрным болотом устроено возвышение, к нему и ведёт мостик. В роскошном троноподобном кресле с царственной осанкой восседает очень странная эльфийка. Расовую принадлежность подсказывают её острые уши. Эльфийка одета очень легко — в кружевную сорочку до середины бедра. Не совсем голая, но близко. Обнажённая кожа... пятнистая. словно по чёрному холсту разномастными кляксами разбрызгали тёмно-серую, светло-серую и даже белую краску.

— Благодарю за гостеприимство, — какой шанс, что мы найдём общий язык?

— Я чувствую в тебе чужую душу и тьму моей любимой дочери.

— Мимиэль?!

А там кто спит?!

Я даже оборачиваюсь на миг к проёму, через который спустилась. Естественно, увидеть комнату со спящей эльфийкой я не могу.

Дождавшись, когда я вернусь взглядом к её царственной персоне, Мимиэль, не скрывая недовольства, поправляет:

— Ко мне следует обращаться “матрона дома Мрарвей”.

— Матрона дома Мрарвей, — повторяю я и даже склоняю голову в знак почтения, насквозь лживого.

На золотом ложе может лежать не упомянутая в мемуарах ещё одна дочь или преданная служанка... В любом случае, как только

спящая окончательно проснётся, мои проблемы станут ещё больше.

— Незванная гостья, клянёшься ли ты тьмой правдиво и полно рассказать мне, почему в тебе сила моей дочери?

Она поэтому разговаривает со мной?

Солгать не получится... Думаю, молчание навредит мне больше, чем озвученная правда.

— Я клянусь тьмой, что не знаю достоверных фактов, матрона дома Мрарвей, у меня есть лишь догадки и предположения, основанные, главным образом на мемуарах Янсаэля де Мракая, если это имя вам о чём-то говорит.

— Де Мракай?

— Согласно его мемуарам, вас усыпил ваш сын, и дом разделился на де Ривей, который возглавила ваша наследницу и де Мракай, который возглавил ваш сын. Чтобы не оказаться усыпленной вместе с вами, ваша дочь официально стала светлой. Свою тьму она передала мне.

— Я чувствую твоё лукавство, девочка. Ты совершенно не умеешь играть словами. Но также я чувствую в тебе потенциал.

— Спасибо, матрона дома Мрарвей, — я тоже чувствую твоё лукавство.

Хах, сказать ей, что её дома уже не существует невесть сколько сотен лет?

Нет, усложнять своё положение мне ни к чему, тем более в каком-то смысле дом Мрарвей возродился после слияния двух владений как раз перед её пробуждением.

— В тебе тьма моей дочери, девочка, а мой дом пуст, и я готова принять тебя как дочь. Готова ли ты, девочка, получить величайшую милость — войти в мой дом?

Короля делает свита. Трёх звонких феечек ей явно мало, да и феи, насколько я понимаю, не подчинённые, а, скорее, младшие союзницы.

Не соглашаться нельзя — потеряв ко мне интерес, Мимиэль отправит меня прямиком на жертвенный алтарь. И соглашаться тем более нельзя — я успела усвоить, что любые договорённости подкрепляются магией. Мне хватило побыть марионеткой госпожи Черис.

— Матрона дома Мрарвей?! — растерянно повторяю я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

И Мимизэль в своём высокомерии принимает мой возглас за положительный ответ.

— Да, моя милость не знает границ, — на её ничего не выражающем лице проступает намёк на улыбку, и Мимизэль меняет тему. — Это твой... муж?

— Да, матрона...

— Я вижу узы, привязывающие его к тебе, — продолжает она. — Одобряю.

Отличный шанс! Наверное...

— С вашего позволения, матрона дома Мрарвей, мой муж должен не спать, а быть полезным.

— О, нет необходимости, девочка. Он будет полезен по-другому.

— Хм?

Мимизэль поднимается со своего троноподобного кресла. В её пальцах мелькает какой-то предмет, и меня со спины омывает порыв ветра. Кажется, Мимизэль управляет магией сильфов — ветер понимает Ариэля над жижой, болото отпускает его утробным хлюпом. Удивительно, но грязи не остаётся ни на лице, ни на одежде

Воздух поднимает Ариэля под потолок, и Ариэль скрывается в одном из квадратных проёмов.

— Вхождение в мой дом и становление моей дочерью не могут быть дарованы просто так, девочка. Мы пройдем в ритуальный зал, и ты проведёшь для меня ритуал жертвоприношения. Я подскажу, какого именно.

Глава 18

Мимизель выжидательно смотрит, и я склоняю голову. А смысл спорить?

У меня появился намёк на план. Если Ариэль на алтаре, и меня подпустят к нему для проведения ритуала, я вместо ритуала попробую его разбудить. В зале, думаю, я знаю, куда мы возвращаемся, сонные чары уже не так сильны, раз эльфийка просыпается. Как я понимаю, сын по-своему дополнительно защитил мать — на золотое ложе в роскошном платье устроил “фальшивку”, а мать отправил ниже... в комнату с болотной чёрной жижей.

Воздушный поток подхватывает Мимизель. Следом взлетают феи:

— Незваной гостье нельзя доверять.

— Глупая девочка не понимает своего счастья.

— Нелепая подделка, — припечатывает третья фея.

Я пропускаю их звон мимо ушей. Это не мой разговор, и незачем реагировать на провокацию. Достаточно, что Мимизель с высоты бросила на меня острый взгляд. Я и не рассчитывала на её доверие, так что не расстроилась.

Даст ли она мне шанс? Увы, но рассчитывать на ошибки противника плохая тактика — прямая дорога к поражению.

Я шагаю в воздушный поток и следую за Мимизель. Она больше не обращает на меня ни малейшего внимания, несёт себя с царственным величием. Я следую за ней на небольшом расстоянии как подобает младшей и позволяю феям лететь впереди. По крайней мере никто не должен ударить с тыла...

А вот впереди сюрприз неприятный, но ожидаемый.

Как только Мимизель входит в ритуальный зал, раздаётся полное радости восклицание:

— Госпожа! — эльфийка проснулась.

Я вхожу в зал последней и останавливаюсь у стены, осматриваюсь.

Эльфийка в роскошном платье склонилась перед Мимизель. Широкий подол скрывает ноги, и я могу лишь догадываться, что

эльфийка стоит на коленях, зато отчётливо вижу, как она упирается в пол ладонями и лбом.

Мимизель, проигнорировав приветствие, приближается к алтарю.

Ариэль лежит на камне. Руки-ноги раскинуты, не связаны, грудь высоко поднимается и опускается в такт глубокому размеренному дыханию, голова запрокинута, глаза закрыты. Если честно, я очень надеюсь, что Ариэль умело притворяется, но едва ли мне так повезёт. На алтаре он выглядит... слишком незащищённо.

Перепархивая с места на место, феи словно случайно подбираются ближе ко мне, и я понимаю, что они следят за мной, ее позволят сделать что бы то ни было...

Или...

Поток магии всё ещё со мной, он стал слабее, зато течёт по спирали вокруг нижней половины моего лица, ничем не отличаясь от защитной маски. Я оглядываюсь, выбираю ближайший самый густой клоч тумана и бью.

Я вкладываю в удар всю себя, свою тьму, магию из потока, с которым мне повезло сродниться.

И фей смывает.

Они пикнуть не успевают, как обрушившаяся на них мощь буквально вбивает их в белое молоко. Феи не сопротивляются. Я жду, ожидая самого нехорошего, но из тумана не выныривает ни одна, только одно стрекозиное крылышко торчит вверх и конвульсивно подёргивается.

Я справилась?

Не похоже, что Мимизель хоть что-то заметила, она увлечена разглядыванием лежащего на алтаре Ариэля.

— Девочка? — окликает она меня.

— Матрона дома Мрарвей? — почтительно отвечаю я.

— Иди сюда, — зовёт она. — Для начала жертву следует избавить от одежды.

Это я легко...

Раздевать не убивать. Пять шагов до алтаря. Я снова окидываю ритуальный зал взглядом. Феи вроде бы спят, эльфийка так и не поднялась с пола, стоит в позе поклонения, и я не чувствую от девушки опасности, что, впрочем, совершенно не означает, что её можно сбросить со счетов. Мимизель опасна, опасна настолько, что её

пробуждения боялись маги в Совете, с владением де Мрарвей никак не связанные. Где-то снаружи выются остальные феи, и могут появиться в любой момент.

Сообразив прислушаться к потоку магии и защитному контуру, я улавливаю, что феи действительно уже внутри и вот-вот долетят до зала. Нет уж, отправляйтесь, мошकारа, в туман. Я уже научилась орудовать магией как мухобойкой.

Иниа... Понять, где моя феечка, у меня не получается. Вроде бы не в усыпальнице и не у стен снаружи.

— Матрона дома Мрарвей, мне известно, что группа магов снаружи готовится уничтожить это здание вместе с вами.

— Рядом есть маги? Какая чудесная новость! Следуй за мной. Ты тоже, — кидает она коленопреклонной эльфийке.

Удивление Мимиэль не кажется мне естественным — разве феи не сообщили ей о делах снаружи?

Я присматриваюсь к тому, как Мимиэль идёт — она будто дымится. Серо-чёрные завитки обнимают её силуэт, особенно много их у лица. Дымок поднимается и быстро тает, но от её кожи исходят всё новые и новые колечки тёмного дыма. Как я понимаю, это магическая защита. То есть не нужно воевать с самой Мимиэль, достаточно развеять защиту, и Мимиэль... уснёт. В теории легко, на практике... О практике лучше пока не думать.

— Госпожа, — жалобно окликает эльфийка, и я присматриваюсь к ней. На вид лицо ничем не защищено, и девушка не решается шагнуть в белёсое марево.

Мимиэль не оборачивается, но, небрежно махнув рукой, окутывает эльфийку дымом. То есть толкнуть эльфийку в туман я опоздала. Ладно...

На миг проиостановившись в открытом проёме, Мимиэль с прежней уверенностью шагает в сплошное молоко, через которое я могла лишь позорно ползти на четвереньках. Сейчас легче, но всё же...

Второй раз Мимиэль останавливается в шаге от границы непроглядного тумана. Я останавливаюсь позади-сбоку, и, когда она поворачивает голову, мне удаётся увидеть, как её глаза налились антрацитовый чернотой. Мимиэль явно рассматривает магов, собравшихся за непроглядной пеленой.

Она широко раскидывает руки, словно хочет обнять весь мир, и три тёмных волны подряд устремляются вперёд. Что там происходит, я видеть не могу. Мимиэль выжидает минут пять, и отправляет ещё три волны, но уже не прямо, а в стороны, и спокойно выходит на открытое пространство.

— Как же не хватает рабов, — вздыхает Мимиэль. — Оставить парочку?

Я молчу, оставить Ариэля не предлагаю.

Мимиэль выжидает ещё минут пять.

В ночи я вижу плохо, подсветка, устроенная магами, почти погасла, но даже тусклого света мерцающих искорок хватает, чтобы увидеть, как маги, шатаясь, поднимаются с земли и идут к нам. И почему-то почти все они держатся за собственные шеи.

Разгадка находится быстро — на шеях петлём закрутился чёрный дым, душит и принуждает идти.

Мимиэль окидывает магов царственным взглядом, а вторая эльфийка из-за её спины приказывает:

— На колени перед госпожой, матроной дома Мрарвей!

Ни один из магов не подчиняется приказу.

Мимиэль обводит их взглядом. Маги тщетно борются с удавками, но избавиться от петель никак не могут. Мимиэль выжидает, явно оценивая их потуги.

— Какое жалкое зрелище. Маги? Вы просто ничтожества.

Лёгкий взмах руки, и маги падают как подрубленные. Раздаются хрипы.

Подержав их без воздуха около минуты — я усилием воли заставляю себя стоять столбом просто потому что не мне бросаться на помощь боевой элите, я ничем не смогу помочь, лишь подставляюсь, да и не убивает она их — Мимиэль позволяет магам глотнуть воздуха.

Мне кажется, она даже поводки ослабляет, давая магом возможность подняться.

Сейчас почти все они лежат...

— На колени перед госпожой, — повторяет приказ безымянная эльфийка.

— Я объясню один раз, — Мимиэль поднимает лицо и всем своим видом показывает, что говорит не с магами, а посылает свой голос вперёд, звучит... над ними. — Очень скоро вы закончите свою

никчёмную жизнь на жертвенном алтаре и принесёте своим существованием единственную, последнюю пользу. Но я милостива, и я дарую вам шанс сохранить жизнь. Им легко воспользоваться. Просто докажите, что живыми вы будете мне полезнее. Прямо сейчас я нуждаюсь в двух рабах. И, возможно, одной рабыне.

Ударить Мимиэль в спину? А толку? Во-первых, неудобно — она должна упасть не от меня, а ко мне и дальше в туман. Во-вторых, Мимиэль сняла защиту с эльфийки, но не с себя.

Маги почти все сели на землю, лишь двое вскочили, будто распрямились сжатые пружины. Молчат все.

— На колени, — в третий раз приказывает эльфийка.

Реакции нет.

— Что же, вы подтвердили свою никчёмность и глупость, — заключает Мимиэль.

Её слова действуют как спусковой крючок.

Маги, игнорируя удавки, бьют слаженно, и моих невеликих знаний хватает, чтобы понять — они пытаются развеять защитный дым.

Атака неожиданная для меня, но Мимиэль закутывается в тёмный кокон, и удар проходит впустую. Она усмехается. Пустыми словами о сделанном выборе Мимиэль себя не утруждает и поворачивается ко мне:

— Я узнаю место. За каменной чашей возвышался храм, но его нет, и дома я тоже не вижу...

— За прошедшие века многое поменялось, матрона, — мне не жаль ответить.

— Отнюдь, — возражает она. — Ты действительно глупа, девочка. Что такое дом? Груда камней. Дом можно построить заново, лучше прежнего. Его можно создать таким, как я собиралась — вырастить из костей жертв, — её голос приобретает нотки мечтательности.

Сумасшедшая...

— Да, матрона, — только и могу кивнуть я.

Мимиэль оборачивается ко мне:

— Очень глупая, — вздыхает она. — Тебе следовало рассказать, где располагается современная резиденция Мрарвей.

ТЬФУ!

— Спасибо за урок, матрона. Современная...

— Слишком далеко, чтобы я продолжала интересоваться, — перебивает она. — Ритуальный зал вполне подойдёт. Но большое жертвоприношение мы проведём чуть позже, после того, как я дарю тебе милость, которую пообещала, девочка.

Звучит угрожающе.

— Благодарю, матрона, — изображать почтительность всё легче.

Мимизель поняла, что потоки замкнуты на меня или не поняла? Как только она шагает в туман, я отмахиваюсь от оставшихся фей. Стрекозиная мошкара падает в молоко, не издав писка.

Лучшей возможности уже не будет — я разворачиваю самый мощный из текущих рядом потоков, а затем ещё два. Мимизель, почувствовав, оборачивается и закрывается ещё более мощным коконом. На её лице читаются гнев и смертный приговор мне.

Я делаю то, что собирались маги, но не смогли — я смываю в Мимизель её защиту и отвожу соединённые потоки в сторону, Мимизель оказывается в густом мареве тумана. Сонные чары начнут действовать, даже если она задержит дыхание.

— Лежать! — рывкает безымянная эльфийка на одного из магов. Стоя спиной к нам, она, видимо, даже не поняла, что произошло.

Надеюсь, маги разберутся хотя бы с ней, хотя, судя по хрипам, у них серьёзные проблемы.

По приказу Мимизель они должны дожить до алтаря, так что не убьёт. Надеюсь...

Мимизель, усмехнувшись, оборачивается дымом, и я чувствую привкус поражения, но из-за плеча Мимизель выныривает Иниа. Мощный взмах, и синие крылья феечки словно рассыпаются. Мимизель оказывается в вихре синих чешуек, а Иниа, оставшись без крыльев, падает на камни.

Синева развеивает дым и не вредит туману. Скорее наоборот, белые рыхлые клоки налипают на синие чешуйки как снег, накручиваются, разрастаются и хоронят под собой Мимизель. Однако она всё ещё может стоять и сражаться. Ей удаётся отбросить туман, глубоко вдохнуть, закутаться тьмой.

Нельзя просто смотреть, как она отвоёвывает свои позиции.

Я падаю на колени, прижимаю ладонь к каменной поверхности и через ключ тянусь к усыпальницу. С туманом я связываться не буду, у меня есть идея получше.

— Глупая, — кривит губы Мимиэль.

— Ага, — соглашаюсь я. — Мне ещё умнеть и умнеть.

По камням распространяется дрожь.

Заметив, Мимиэль хмурится и тревожно отступает на шаг.

Сбежать она не успевает. Камень под её ногами раскалывается, и из земли выстреливает гейзер чёрной болотной жижи. Мимиэль вскрикивает, падает, и жижa заливаeт её сверху. Мимиэль не пытается подняться, она перекатывается, но жижa всё равно льётся прецельно на неё, смывает защиту.

— Что? — растерянно оборачивается эльфийка.

Благодаря Инии туман настолько загустел, что увидеть ответ девушка не может.

Зато я вижу, как жижa уничтожает защиту Мимиэль.

— Долгих снов, — желаю я.

Жижa растекается вокруг, укрывает Мимиэль тяжёлым покрывалом, заливаeт лицо.

У меня мелькает подозрение, что под слоем жижи Мимиэль рискует задохнуться, но... я не пойду освобождать эльфийку, собиравшуюся убить моего мужа. Да и не должна жижa быть смертельной. Мимиэль будет спать — пободрствовала и хватит.

Я выжидаю — вдруг Мимиэль всё же выберется? Но не похоже, что она способна.

Приблизившись, я внимательно осматриваю ближайшие камни и нахожу феечку, сломанной куклой лежащую между острым зубчатым выступом какого-то обломка и серым горбылём ничем не примечательного камня.

Я опускаюсь на корточки, протягиваю ладонь:

— Иния?

Её ресницы чуть приподнимаются.

— Пожелай мне добрых снов, госпожа, — едва слышно шепчет она и, глубоко вздохнув, окончательно засыпает.

У неё ведь ничего не сломано?

Я с осторожностью поднимаю Инию.

Обернувшись, я убеждаюсь, что эльфийка всё ещё справляется с магами, но она так ничего и не поняла. Прекрасно! Улыбнувшись, я почти бегу обратно в усыпальницу — к Ариэлю.

Эпилог

Проём открыт, и я вымываю сонные чары мощным потоком магии. Управлять их течением всё легче и легче, я почти не прилагаю усилий. Туман будто сам собой расступается. Это ключ так действует? Скорее не ключ, а практика. В любом случае, это не имеет значения.

— Ариэль!

В ритуальный зал я не вхожу, а вбегаю.

Ариэль по-прежнему лежит на алтаре, голова запрокинута, глаза закрыты. На оклик Ариэль не реагирует. Значит, спит по-настоящему, не притворяется. Я оглядываюсь — вдруг он всё же притворяется, потому что Мимиэль следует за мной по пятам? Нет, за спиной, к счастью, никого.

Я подхожу к алтарю.

— Ариэль?

Туман из зала я прогнала — почему Ариэль не просыпается?!

Чтобы освободить руки, я пристраиваю Инию на золотое ложе. Феечка похожа на сломанную куклу Барби. Зря я в Инии сомневалась, надо было доверять мнению Ариэля... Помочь я ничем не могу, только доставить Инию в усадьбу и доверить заботу о ней слугам. Но это в худшем случае — я рассчитываю, что Ариэль очнётся.

Оставив Инию лежать, я обхожу золотое ложе и склоняюсь над “изголовьем”, но меня тотчас отвлекает туман, сизыми клоками пробирающийся обратно в зал. Повезло, что я заметила. Уснуть, когда мы уже победили — вот настоящая нелепость.

Туман в очередной раз отступает, и теперь я знаю, что он вернётся, подкрадётся, навалится всей тяжестью сонных чар...

Почему эльфийка проснулась быстро?

Коснувшись плеча Ариэля, я не вижу никакой реакции — ни ресницы не дрогнули, ни размеренное дыхание не сбилось. Я всматриваюсь в его расслабленное лицо, очерчиваю полущечками пальцев подбородок, скулы, нос. Реакции по-прежнему нет.

— Ариэль? — зову я.

Безответно.

Я прогоняю туман и глажу мужа по щеке.

Попробовать дотянуться по нашей связи? Идея кажется дельной, но... я наклоняюсь. Одной рукой я опираюсь на алтарь. А вдруг именно алтарь не позволяет Ариэлю очнуться?! Второй рукой я опираюсь на его плечо.

Мы почти соприкасаемся лбами, и я склоняюсь ещё ниже, целую в губы, ловлю слабый вздох, ловлю отклик, и Ариэль, не открывая глаз, целует меня в ответ, его ладонь оказывается на моей спине. Ариэль, не просыпаясь, притягивает меня к себе с неожиданной силой. Потеряв равновесие, я заваливаюсь на него и... получается, что на алтарь.

Я напрягаюсь, ожидая любой гадости, прислушиваюсь к ощущениям.

Нет, сонливость не наваливается, я наоборот только взбодрилась.

— Янри?

— Ариэль!

Муж моргает сонно, видно, что ещё не очнулся после сна, но держит крепко — не сползти. Да и не хочется мне разрывать объятия. Очередной раз изгнав туман, я буквально растекаюсь как амёба, упираюсь подбородком Ариэлю в ключицу и... неожиданно для самой себя шмыгаю носом.

— Янри? — повторяет Ариэль уже более осмысленно. — Как я здесь...? Как ты...? Что происходит?!

— А что ты последнее помнишь? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Ариэль морщит лоб.

— Господин де Ривей повредил контур и позвал Мимизель. У меня был единственный способ ему помешать — закрыть прореху собой.

Мне кажется, по нашей связи он выдавал немного другую версию?

— Ага...

— Я должен был уснуть... Больше ничего не помню. Зато уверен, что мы лежим на алтаре в ритуальном зале.

— Надо вставать? — с сожалением вздыхаю я. Совесть тоже просыпается и напоминает, что у нас тут феечка травмированная. Пусть она без сознания, но всё равно при ней устраивать брачные игры на алтаре я не готова, и с сожалением сползаю на пол.

— Ариэль, а ты не в курсе, кто спал на ложе? Мимизель, как я поняла, лежала уровнем ниже.

Муж пожимает плечами:

— Любая младшая родственница без права наследования. Дом Мрарвей стал одним из крупнейших, пока его не разорвали.

Загадка “лишней” спящей его не заинтересовала. И отпускать меня Ариэль не спешит, гладит по спине, и меня как током пронзает:

— А ну-ка подъём! Вставай! — игнорировать мой приказ Ариэль не может, и послушно поднимается.

Я прислушиваюсь к его эмоциям: недоумение есть, недовольства или злости, к счастью, нет. Заботливо придержав меня за локоть, Ариэль помогает мне подняться. Сам вскакивает и, покачнувшись, хватается за алтарь. Теперь уже я встревоженно ловлю его за локоть.

Лекцию на тему вреда вскакивать рывком я отложу до более удобного случая.

— Янри?

— Мне показалось, что мы начинаем засыпать, — поясняю я свой приказ.

— Хм..., — Ариэль оглядывается, замечает вновь вернувшийся в зал туман. — Кажется, ты снова нас спасла, Янри. Уходим.

— Надо забрать Инию, — киваю я на феечку. — Она что-то сделала, и её крылья полностью осыпались синими чешуйками.

Ариэль выставил над Инией ладонь, и фея исчезла. Вместо неё на ложе оказался знакомый мне амулет, только вместо яркой синевы я увидела блёклую безжизненную серость. Крутанув кулон на пальце, Ариэль надел серебряную цепочку себе на шею, и кулон скрылся в воротах:

— Тебе не отдаю, потому что ближайшие лет сто Иния не сможет помогать, она будет только по капле собирать излишки магии, и раньше, чем через пятьдесят лет, не очнётся.

Я выдохнула.

С моей стороны... неблагодарно, но я чувствую облегчение от того, что влюблённая в Ариэля фея будет мирно набираться сил, а не мельтешить рядом с нами... третьей лишней. И на ночь кулон Ариэль будет снимать и убирать в ларчик, а лучше — в сейф.

— Мимизель надо вернуть в усыпальницу, и всех её прихлебательниц за компанию, — делюсь я самым главным.

— Мимиэль освободилась?!

— Уже нет, — успокаиваю я.

Надеюсь, её родственница проблем не доставит...

Когда мы выходим на поверхность, маги всё ещё безуспешно борются с тёмными оковами, но видно, что эльфийка вот-вот потеряет контроль над чарами. Без поддержки своей госпожи она не справляется.

Взмахом руки Ариэль отправляет леди в туман, выходя к магам спасителем.

— Господин де Мрарвей, — приветствуют его маги.

Ариэль оборачивается ко мне. Обращение для него явно вновинку.

— Небольшое расширение территории, — пожимаю я плечами.

— Как мне повезло с супругой, — хмыкает он и, найдя залитую болотной жижей Мимиэль, командует магам. — Заносите госпожу.

— Мошкару не забудь, — шёпотом подсказываю я. — В смысле тёмных фей.

Ариэль кивает, и я, наконец, могу расслабиться по-настоящему. Не под давлением магии, а потому что меня обнимает и поддерживает надёжный мужчина, рядом с которым мне океан по колено, а горы по плечо.

***

Два дня спустя

— Но мы точно должны ехать? — неуверенно спрашивает мама в сотый раз.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Я очень хорошо понимаю, что из-за воздействия живой во мне тьмы, мама не в порядке. Говоря откровенно, и она, и папа больны, а сестрёнка тоже подверглась воздействию, что, увы, не могло на ней не сказаться.

— Это для вашего с папой блага, — повторяю я. — Лучшая лечебница на Водах.

— Вот-вот. Зачем нам лучшая, дочка? Мы простых эликсирчиков попьём. Да и так неплохо...

— Мама, вы едете, — я обрываю пустой разговор излишне резко, и мама сдаётся.

Вещи уже собраны слугами. Родителей и Лизи сопровождают надёжные горничные, проследят, чтобы дорогие мне люди получили

лечение, оправились от воздействия тьмы, воспряли, смогли вернуться к нормальной жизни.

И она у них будет, обязательно будет. Вдали от меня. Потому что я по-прежнему опасна для них. Усилившись, я стала опаснее прежнего. Но это не грустно. Разве не закономерно выпорхнуть из родительского гнезда и свить своё собственное? Мы будем переписываться, будем встречаться, заглядывая друг к другу в гости, я первой приду им на помощь, если понадобится, но мой дом отныне дом Мрарвей.

Совет тринадцати Великих тёмноэльфийских домов час назад прислал письмо, в котором признал меня преемницей Мимиэль, а вместе с письмом от Совета пришло и письмо от матроны Двадцать третьего дома, предложившей мне своего младшего племянника вторым мужем.

— Янри? — окликает Ариэль, и я окунаюсь в объятия мужа. — Тебе грустно?

— Немного. Мне жаль родителей.

— Они справятся, и мне не терпится познакомиться с ними настоящими, а не бледными подобиями самих себя. Лечебница действительно лучшая для их случая.

— Я знаю. Спасибо.

Из-за угла появляется пустой экипаж:

— Янри, ключ всё ещё у тебя, и нам нужно запереть усыпальницу.

— Да, киваю я.

В туман отправятся все причастные к попытке вернуть Мимиэль, включая фей и некоторых магов из Совета, Льяну, её отца, Черис. А вот мать Льяны, бывшая старшая госпожа де Ривей, признана невиновной...

До сих пор идёт спор, правильно усыпальницу запереть или уничтожить вместе со всеми, кто в ней спит, но единого мнения нет, и едва ли будет, потому что с одной стороны сильфы требуют уничтожения, а с другой стороны, тёмные эльфы требуют для Мимиэль полного освобождения. Вечный сон с возможностью пробуждения что-то вроде компромисса.

— Едем.

***

Два года спустя

— Сотое, — Ариэль устало отбрасывает конверт.

— Хм? — я склоняю голову к плечу в ожидании пояснений и откладываю в сторону приглашение на вечерние чаепитие от госпожи Изас, дочери Премьера, переизбравшегося на очередной срок.

— Сотое письмо, в котором многоуважаемые матроны сватают тебе мужа, на сей раз сын боковой ветви Седьмого дома.

— Дай угадаю, ветвь очень боковая? — неправильный речевой оборот идеально передаёт суть.

— В точку, — хмыкает Ариэль.

— Не понимаю их ажиотажа.

— Пфф! Янри, ты смогла удвоить территорию, получить признание тёмноэльфийских матрон, вернуть статус торгового посредника между наземными народами и Подземельем, но при этом...

— Не надо приписывать мне своих заслуг. Торговый статус ты получил.

— Мы, — поправляет Ариэль. — Если бы ты не произвела на матрон впечатление достойной союзницы, они бы отказались поддержать дом Мрарвей, — и продолжает прерванную мысль. — Но при этом в некоторых вопросах ты остаёшься... удивительно наивной? Нерасчётливой? Брачный ритуал по плану всех этих жаждущих породниться матрон предполагает... физическую близость. Присланного тебе ушастого жениха накачают особым зельем, чтобы он гарантированно с первой попытки стал отцом твоей наследницы.

— Оу... Тогда почему бы не сообщить им, что они опоздали? — я кладу ладонь на живот.

— Янри?! — подпрыгивает Ариэль.

***

Двадцать лет спустя

Устроившись на террасе, мы с Ариэлем неспешно потягиваем кофе и смотрим на простирающийся впереди огненно-красный лес. Ветер бросает нам под ноги резной лист и, крутанув, уносит дальше. Годы прошли, старшая дочь выросла и два сына подрастают, младшая дочка только учится выговаривать слова... Столько всего произошло, а наши отношения будто и не заметили всего этого — те же доверие, нежность... любовь.

Мы настолько срослись с Ариэлем, сроднились, что я уверена — в далёкой следующей жизни мы тоже обязательно будем вместе.

— Леель писала, что вернётся через неделю, — вздыхаю я.

На совершеннолетие мы подарили дочке первое большое самостоятельное путешествие, и я, хотя и получаю от Лели письма каждые три-четыре дня, успела изрядно соскучиться.

— Скоро... — начинает Ариэль.

Он не подаёт вида, но я знаю, что тоже соскучился и волнуется не меньше меня. И пусть Леель отправилась в поездку по землям людей и светлых эльфов...

— А вот и я! — возглас за нашими спинами заставляет подпрыгнуть. — Сюрприз-и-и-из, родители!

— Лели! — хватаюсь я за сердце.

Дочка широко улыбается, отступает на шаг влево и бесцеремонно выталкивает вперёд до смерти смущённого тёмного эльфа:

— Ма, па, я забыла написать, что в Подземелья я тоже заскочу. Вы бы переживали, а зачем мне вас расстраивать заранее? Я же вас люблю. Так что знакомьтесь, это Шартрель, мой муж. Ма, правда, Шарти прелесть?

Конец